БАЗИЛЬ ТОМСОН

ШПИОНАЖ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

СОЦЭКГИЗ
1938

МИР И ВОЙНА

БАЗИЛЬ ТОМСОН

ШПИОНАЖ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1938

Книга Базиль Томсона «Шпионаж во время войны» иллюстрирует указания товарища Сталина, что засылка шпионов, диверсантов даже в однотипных буржуазных государствах является законом их взаимоотношений. Книга раскрывает перед читателем всю опасность капиталистического окружения, ознакомляя его с диверсионной и шпионской работой иностранных разведывательных органов на примере войны 1914—1918 гг.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В своем докладе на последнем пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, предостерегая нашу партию от беспечного отношения к капиталистическому окружению и указывая на опасности, которые несет это окружение нашей стране победившего социализма, с предельной ясностью вскрыл закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

«Взять, например, буржуазные государства,— говорит товарищ Сталин.— Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными... Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь» [1].

Как известно, одним из выдающихся «случаев» в истории капиталистического мира, когда шпионам, диверсантам, международным шантажистам и вредителям было предоставлено широчайшее поле деятельности, была империалистическая война 1914—1918 гг.

Уже задолго до этой войны разведка перестала выполнять только свою специальную функцию по обслуживанию военно-стратегических операций во время военных действий. С каждым этапом развития империализма разведка оказывала все большее влияние на международные отношения.

Непрерывную и неустанную, самую жестокую и предательскую, скрытую от всех глаз войну проводят разведки империалистических держав всего мира, незави-

---

[1] *Сталин*, Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., Партиздат, 1937 г., стр. 10.

симо от того, обмениваются ли эти державы миролюбивыми нотами и декларациями или провоцируют новое истребление народов.

Все последние годы до войны 1914 г. генеральные штабы и специальные органы разведки всех империалистических держав мира насаждали свои осиные гнезда шпионов, диверсантов, вредителей и убийц во всех других странах: соседних и отдаленных, дружеских и вражеских, колониальных и зависимых. Задачи, которые получала разведка в этот период, уже далеко не ограничивались только изучением возможностей другой страны к военному выступлению, ее обороноспособности и политической подготовленности к войне. Буржуазные разведки не только выкрадывали друг у друга государственные и военные тайны, не только готовили друг у друга уничтожение оборонных объектов: военных заводов, транспорта, связи, складов боевых и продовольственных запасов и т. п. Разведки были использованы как наиболее организованные и эффективные проводники самой темной реакции. Они перекупали друг у друга услуги отъявленных мерзавцев, разжигали и поддерживали оружием межнациональную рознь и междоусобную резню, занимались самой звериной шовинистической пропагандой, создавали друг у друга тайные боевые дружины, подготовляя их к совершению диверсионных актов и индивидуального террора. Все средства экономического воздействия, провокации, подкупа и шантажа были использованы империалистическими разведками, чтобы разрушить друг у друга военную мощь. Все грязное, жестокое, вся мразь рода человеческого была подобрана вербовщиками империалистических держав и поставлена на службу в разведывательных органах.

Долго человечество не могло разобраться в чудовищной оргии кровавого разгула, чинимой буржуазной разведкой в эпоху мировой войны. Только теперь, когда главные «мастера» буржуазной разведки — вроде сэра Базиля Томсона, автора этой книги,— начинают рассказывать о «подвигах» былых времен, приоткрывается завеса многих дел, тщательно скрывавшихся от взоров исследователя.

Записки Базиля Томсона представляют жгучий интерес именно потому, что здесь нет никакой литератур-

щины, никакого художественного домысла. Очень опытный в делах разведки, английский сноб спокойно рассказывает о гнусных вылазках шпионов, диверсантов и шантажистов. Базиль Томсон, верноподданный слуга английского капитала и ярый защитник его, умело поворачивает факты так, что освещается только одна их сторона и достаточно ярко для того, чтобы скрыть в их тени деятельность английской разведки. Он старательно забывает о подвигах полковника Лоуренса, одного из выдающихся агентов английской разведки, а также о всех чудовищных провокациях, которые творила тогда английская разведка в колониальных, зависимых и независимых странах, но с полной готовностью разоблачает закулисные махинации и действительно грязную работу немецкой разведки, особенно когда дело касается английских интересов в Ирландии, Индии и прочих колониях и доминионах, или французской разведки в Греции, где Англия оказалась оттесненной на второй план.

Преследуя политические цели английского империализма, Базиль Томсон пытается объяснить все явления национально-освободительного движения в Ирландии, Индии и прочих английских колониях только интригами германской разведки.

Что разведки всех империалистических держав пытались тогда использовать в своих военных интересах национально-освободительные движения в колониях своих противников, не подлежит никакому сомнению. В самый разгар войны, осенью 1916 г., Ленин пишет: «Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п.»[1]

Однако ирландское движение 1916 г., которое автор этой книги пытается изобразить как движение в пользу Германии, было подлинным национально-освободительным движением ирландского народа, борьбой за самоопределение нации. То, что это движение могло оказаться под влиянием буржуазных тенденций и даже под руководством продажных буржуазных политика-

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 270.

нов. тоже вполне объяснимо в свете марксистско-ленинского анализа.

«Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации,— указывает товарищ Сталин,— естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины». И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг ее знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма — это зависит от степени развития классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть свое собственное испытанное знамя, и ему незачем становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения» [1].

Ирландский пролетариат не оказался достаточно сознательным, ни организованным в такой степени, чтобы сделаться гегемоном движения 1916 г. Восстание проходило под знаменем буржуазного национализма, а продажность ирландского буржуазно-националистского руководства и его германофильские настроения (особенно сильно проявлявшиеся ирландской буржуазией, жившей в Америке) были хорошо известны немецким разведывательным органам с самого начала войны. Ясно, что главе германской разведки в Америке, фон Папену, это положение показалось исключительно удобным, чтобы путем сложнейшей интриги пролить кровь ирландского народа на пользу немецкому генеральному штабу.

При помощи и содействии ирландских капиталистов,

---

[1] *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1934 г., стр. 12.

проживавших в Америке, фон Папену удалось развернуть лживую пропаганду о готовности Германии поддержать национальные стремления ирландского народа и создать из числа ирландских буржуазных националистов обширную шпионскую сеть. Снабженные безграничными денежными средствами, эти шпионы сумели проникнуть в среду ирландцев-докеров и несколько раз сорвать погрузку военного снаряжения, отправлявшегося Америкой на театр войны. Но главная задача, которую германская разведка пыталась разрешить с помощью этих шпионов, заключалась в том, чтобы организовать диверсионную банду, высадить ее под флагом освобождения Ирландии на остров, поднять восстание народа, овладеть опорными пунктами и создать таким образом базу для действий германского военного флота против Англии.

Между тем, независимо от попыток немецкой разведки, в Ирландии возникло восстание, поднявшее довольно широкие народные массы. Крайние националисты, захватившие руководство и образовавшие временное правительство, провозгласили буржуазные «свободы», подчеркнув «внеклассовый» характер вновь создаваемого государства. Поскольку такое провозглашение национальной независимости ни в какой степени не стремилось удовлетворить классовые требования пролетариата и крестьянства, восстание сразу же оказалось обреченным на неудачу. Англия жестоко подавила восстание. Были захвачены и расстреляны члены временного правительства, жертвами английского террора сделались непосредственные руководители восстания и многие рядовые участники.

Что касается диверсионных планов Германии, то здесь немецкую разведку постигла полная неудача. Шпион сэр Роджер Кэзмент, тот самый, в лице которого автор этой книги пытается представить все ирландское национально-освободительное движение, завербованный фон Папеном в Америке и получивший задание организовать и высадить в Ирландии диверсионную банду, оказался не в состоянии это сделать. Не мог он также проникнуть в состав руководства восстанием. Он попал под наблюдение английской контрразведки с самого начала своей шпионской деятельности, был захвачен и повешен по приговору английского военного суда.

С неменьшей страстью немецкая разведка пыталась использовать в своих военных целях национально-освободительное движение в Индии, но и здесь потерпела полную неудачу. Империалистическая война, война за передел уже хищнически захваченного мира, велась Англией, конечно, за счет трудящихся масс метрополии, пролетариата и крестьянства колоний и зависимых стран. Вполне понятно, что в этих условиях национально-освободительное движение захватывало все более широкие слои индусского населения и опасность взрыва нарастала с каждым днем войны. Английское правительство великолепно сознавало эту опасность и, пустив в ход всю систему подкупов и провокаций, подавляя террором малейшие национально-освободительные попытки индийского народа, направило все силы контрразведывательных органов на охрану Индии от немецкого политического шантажа.

Греция с первых же дней войны сделалась ареной ожесточенной борьбы разведывательных органов всех воюющих стран. Пользуясь германофильскими настроениями греческого короля Константина, придворной знати и части высшего офицерства, связанного с немецким генеральным штабом, Германия превратила Грецию в один из источников снабжения своей армии. Именно поэтому все усилия союзников были направлены к тому, чтобы заставить Грецию воевать на стороне Антанты. Франция, Англия, Германия пустили в ход все искусство своих разведывательных органов в деле шпионажа, построения политических интриг, провокаций, блокад и насилий на территории этой страны.

Базиль Томсон посвятил много страниц своей книги критическому разбору этой политической авантюры. Сам не ожидая того, вскрывает он смердящее нутро прогнившего империализма, терзавшего в годы грабительской войны живое тело Греции. Он, конечно, не осуждает грязные методы буржуазной разведки,— ведь других методов эта разведка не знает и знать не должна. Единственно, что вызывает его естественное возмущение профессионала, это недоброкачественность работы: нужное, полезное, с его точки зрения, дело плохо сделано, оставлены все улики.

Предлагаемая книга, несмотря на все тенденциозные потуги автора, с достаточной яркостью иллюстрирует

указания товарища Сталина о сущности капиталистического окружения и дает возможность ознакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительской диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

Война 1914—1918 гг. не разрешила противоречий, разрывавших до того капиталистический мир. Буржуазные государства продолжают лихорадочно вооружаться на суше, на море, на воздухе, готовясь к новой борьбе за осуществление своих империалистических притязаний. Тайная война разведок продолжается с еще бо́льшим остервенением, потрясая государственный строй всех капиталистических держав. «Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония американскими» [1].

Но при всей этой, никогда не прекращающейся ожесточенной борьбе буржуазных государств друг с другом, империалистические взоры их обращены на то место земного шара, где расположен Советский Союз — наша страна победившего социализма. В своей ненависти к социалистическому строю, в своем неуклонном стремлении закабалить народы Советского Союза и восстановить в нашей стране капиталистические порядки, империалистические державы часто готовы забыть взаимную вражду. Некоторые из этих держав выражают пока склонность сохранить мирное содружество с СССР, но другие страны — фашистского типа (Германия, Польша, Япония) — открыто и бешено готовят войну против Советского Союза. Если сроки открытого нападения на Советский Союз еще не наступили, то только потому, что фашистские государства не готовы к этой войне, что они боятся возмущения своих собственных народов, а главное потому, что выросла обороноспособность СССР и народы его ни одной пяди своей земли не отдадут.

Готовя открытую войну, фашистские государства уже ведут тайную войну против Советского Союза силой своих разведок. Они пробовали затоплять шахты, устраи-

---

[1] *Сталин.* Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта, стр. 10.

вали аварии, пытались выводить из строя заводы и электростанции, устраивали взрывы и крушения поездов, стараясь при этом добиться как можно больше человеческих жертв, все это для того, чтобы подорвать оборонную мощь нашей великой социалистической родины.

Фашистские разведки, вербующие для своих целей самые гнусные отбросы человеческого общества, нашли внутри нашей страны источник для пополнения своих шпионско-вредительских кадров: к ним на службу пошли злейшие враги народа — троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и рыковцы; гнусные изменники родины — тухачевские, гамарники, якиры; разложившиеся выходцы из враждебных партий или буржуазные националисты, потерявшие всякую связь со своим народом и родиной. Все эти люди, озверевшие в своей ненависти к советскому народу, к победе социализма в СССР, поставившие своей целью восстановить капитализм в нашей стране, оказались находкой для фашистских разведок. Проклятые наймиты империализма охотно пошли на самые чудовищные преступления, только бы облегчить фашизму разжечь пожар войны.

Но презренные враги не оправдали надежд своих фашистских хозяев. Они разоблачены, разгромлены и уничтожены. Это новая победа пролетарской диктатуры, и впредь ни одной собаке из троцкистско-бухаринской фашистской своры мы не дадим жить на нашей земле. Фашистской разведке, являющейся самым ненавистным органом для своего народа, противостоит наша советская разведка, твердо опирающаяся на широкие трудящиеся массы, пользующаяся заслуженным уважением и глубокой любовью всего советского народа.

Нашу страну цветущей и радостной жизни, страну народов, спаянных нашей партией, Сталинской Конституцией в единую семью строителей социализма, народов, преданных до последней капли крови своей родине, партии и вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину, нашу советскую, социалистическую страну, страну диктатуры рабочего класса, никогда не победить ни явному, ни тайному врагу.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Деятельность сэра Базиля Томсона, бывшего начальника британского контршпионажа, была весьма разносторонней и бурной.

Базиль Томсон родился 21 апреля 1861 г. Он был сыном норкского архиепископа и получил образование в Оксфордском университете, где изучал право. По окончании курса в Оксфорде он провел год на западе Америки, затем был послан в качестве судьи на острова Фиджи и изучил там язык туземцев. Когда Томсону минуло 29 лет, он занял по просьбе короля Тонги пост его первого министра, составил свод гражданских и уголовных законов, утвержденный местным парламентом и действующий по сие время на этих островах. После присоединения западной части Новой Гвинеи к Британской империи он сопровождал первого губернатора этой области в его поездке в глубь страны для исследования области, до того обозначенной белым пятном на географических картах.

Отозванный в Англию для службы в тюремном ведомстве, он занимал последовательно пост начальника двух главных английских тюрем — Дортмурской и Уормвуд Скрэбо; после этого был назначен начальником уголовного розыска в Скотланд-ярде.

Во время мировой войны канцелярия сэра Базиля Томсона стала пунктом сбора работников морской и военной разведки (Интеллидженс сервис). Сэр Базиль исполнял обязанности «судебного следователя» по делам арестованных иностранных шпионов и подозрительных личностей, стекавшихся со всех концов света. Он присутствовал на заседаниях британского военного министерства, и почти не было тайн, в которые он не был бы посвящен. В продолжение всех четырех лет войны, так же как и во время мирной конференции в Париже, он находился в непрерывных сношениях с государственными деятелями многих стран. После заключения перемирия он был назначен начальником всех отделов Интеллидженс сервис Соединенного королевства.

Благодаря положению закулисного наблюдателя, которое сэр Базиль Томсон занимал в продолжение всей войны, он получил возможность раскрыть в своих воспоминаниях множество мало известных или вовсе неизвестных до сих пор эпизодов, относящихся к эпохе мировой войны.

I

РОЛЬ СКОТЛАНД-ЯРДА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕРВЫЕ ДНИ

До июля 1914 г. я более года работал во главе уголовного розыска при управлении лондонской полиции (выполняющей почти те же функции, что и парижская Сюрте, и еще функции судебной полиции). Меня назначили на этот пост, так как я глубоко понимал характер преступников-профессионалов, которых я изучал в течение 18 лет службы в тюремных и исправительных учреждениях, полагая, что мне придется посвятить всю свою деятельность исключительно уголовному розыску.

Как и большинство англичан, я узнал из газет об убийстве эрцгерцога в Сараеве, отнюдь не предполагая, что оно отразится на судьбах Европы и всего мира. Нам казалось, что это убийство имеет значение не больше любого из политических покушений, так часто совершаемых на Балканах, и что оно завершится дипломатической перепиской, одним, двумя арестами и, в конечном счете, каким-нибудь судебным процессом, о котором наши газеты дадут, как обычно, довольно плохой отчет. Убийство это, однако, повлекло за собой придворный траур и отсрочку предполагавшегося бала в Букингемском дворце, больше ничего...

Спустя несколько дней после убийства эрцгерцога я встретился с фон Кюльманом на завтраке у одного из моих лондонских друзей. Хотя фон Кюльман и занимал пост первого секретаря германского посольства, он отнюдь не ожидал разрыва дипломатических отношений.

Прошло еще несколько дней, и в Англии стала ощущаться какая-то тревога. У нас было тогда либеральное министерство, возглавляемое г. Асквитом; пацифистские воззрения некоторых членов его кабинета были всем

хорошо известны. Помощник статс-секретаря, представитель одного из северных районов, заявил весьма внушительно:

— Могу сказать только одно,— если наша страна будет воевать, то на севере Англии начнутся восстания. Я беседовал на эту тему с наиболее влиятельными из моих сторонников, и я хорошо осведомлен в этом вопросе.

Надо признать, что в тот момент в нашей среде преобладало мнение, что вести европейскую войну в крупном масштабе совершенно немыслимо, и поэтому будет найдено средство ее избежать хотя бы в самую последнюю минуту. Но когда было выпущено обращение бельгийского короля, мы уже догадывались, какие события нам предстоит пережить. В этот самый день я обсуждал создавшееся положение в моей канцелярии с одним офицером генерального штаба, человеком, мнение которого я высоко ценил. Он сказал мне, что если бы британское правительство отказалось притти на помощь Франции и Бельгии, оно тотчас же было бы вынуждено уйти, так как даже нейтралитет Англии мог лишь отсрочить на несколько месяцев момент, когда мы были бы поставлены в необходимость защищаться против Германии-победительницы; впрочем, в военном министерстве на этот счет не было никаких иллюзий. Подробная история деятельности в этот критический период моего друга, покойного лорда Холдэйна, во время его пребывания на посту военного министра никогда не была написана. Он мне рассказывал о своей поездке в Берлин и о своем свидании с кайзером. Предвидя события, которые впоследствии развернулись, он привел в порядок и держал наготове все разработанные им в мирное время планы.

Фамилии и адреса известных в Англии германских шпионов были все зарегистрированы; нам оставалось лишь ждать полуночи 4 августа.

Как раз в эти дни, находясь в лифте метро на Глостер-роуд, я как-то сказал, что мы теперь вступили в войну с Германией и Австрией. Лифтер в ответ только зевнул и пробормотал:

— В самом деле?

Заслуга в выявлении организаций германского шпионажа до войны принадлежит всецело одному из департаментов военного министерства, работавшему под ру-

ководством весьма искусных сотрудников. Им было давно уже известно, что некий Карл Густав Эрнст, парикмахер на Каледонман-роуд (одна из улиц Лондона), фактически как уроженец Англии британский подданный, играл роль «почтового ящика» для рассеянных по всей стране шпионов. Еще в мирное время он рассылал по почте разным лицам в Англии получаемые им из Германии письма с наклеенными уже на конвертах английскими марками и отправлял в Германию получаемые ответы. В этом заключались все его обязанности, за работу он получал один фунт стерлингов в месяц. У него было около 22 корреспондентов-шпионов, рассеянных по морским и военным центрам всей Англии; все они были немцами.

Утром 5 августа гражданская полиция получила приказание арестовать их. Сразу был арестован и заключен под стражу 21 шпион; удалось скрыться только одному из них, который уехал в Германию на пароходе еще до объявления войны. В результате этого быстрого маневра завеса непроницаемой тайны опустилась над Англией в самый важный момент ее мобилизации. Работа германского отделения шпионажа была парализована. Оно могло лишь делать догадки о том, что происходило за этой завесой, но оказалось не слишком проницательным.

Нельзя читать без улыбки наивную книгу начальника германской контрразведки, подполковника Николаи. В ней он выражает сожаление об отсутствии чутья у германского генерального штаба, не отпустившего необходимых средств для надлежащей организации шпионажа. Мы могли бы сообщить ему с точностью до одного пфеннига, сколько денег было им истрачено в Англии до войны, и с такой же точностью до одной марки рассчитать, какие суммы были им израсходованы во время военных действий. Как видно будет из дальнейшего рассказа, несколько времени спустя мы сами состояли у него на жалованье, а он и не подозревал об этом. Я уверен, что сенсационная информация, которую мы ему посылали, отличалась такой же точностью, как и доставляемые ему шпионами сведения, которые мы, впрочем, позволяли себе читать раньше, чем они попадали к нему в руки. Но, как говорил Редьярд Киплинг, это уже совсем другая история.

Итак, завеса была опущена не только для наших вра-

тов, но и для нас самих. Многие ли из нас знали, что днем и ночью поезда выгружали каждые десять минут на набережных некоторых военных портов людей, лошадей и снаряжение и что войско в 150 тыс. человек уже выступило в поход против немцев, которые даже не подозревали существования этого войска?!

Один английский офицер, свободно изъяснявшийся по-немецки, рассказывал мне о своем свидании с фон Клуком, состоявшемся несколько времени спустя после перемирия: «Один из моих германских коллег проводил меня в комнату, где генерал беседовал со старшими офицерами. Он представил меня, фон Клук щелкнул каблуками и поклонился.

— Вы первый английский офицер, которого я встречаю после войны,— сказал он,— и я скажу вам, полковник, то, что я всегда собирался сказать первому английскому офицеру, которого мне удастся встретить: я считаю, что ваша первая армия была самой лучшей военной силой в истории, а мобилизация и обучение второй английской армии — величайшим воинским подвигом. И вот, сказав вам это, я больше ничего не буду говорить, так как боюсь, что вам придется услышать нечто далеко не так приятное».

С момента объявления войны мы все опасались, как бы неприятельский агент не взорвал моста или железной дороги и этим самым не помешал бы в значительной мере мобилизации. Большинство железнодорожных пролетов крупных узловых станций в предместьях Лондона были арендованы (для рекламы) частными лицами, преимущественно иностранцами. 5 августа я сам отправился в военное министерство в надежде разыскать там генерала, пользовавшегося необходимым авторитетом, чтобы разогнать весь этот народ. В министерстве царила, повидимому, полная неразбериха, да и неудивительно, потому что все начальники департаментов выехали на фронт, а их заместители еще не освоились с работой. Все же я нашел, наконец, нужного мне генерала. Пока я излагал ему свое дело, небо вдруг заволокло тучами и раздался удар грома, похожий на взрыв.

— Цеппелин,— произнес он мрачно.

Этой же ночью меня разбудил звонок телефона и мне сообщили о взрыве подземного хода и железнодорожного моста в графстве Кент. Я едва успел передать сооб-

щение соответствующим инстанциям, как снова раздался звонок телефона и мне объявили, что оба предыдущие сообщения — попросту измышления возбужденных умов. Подобные инциденты ясно показывают, какое настроение царило среди большинства из нас в эти первые страшные дни.

Кто помнит сейчас лихорадочное состояние, охватившее всех в первые дни войны? Толпы народа у помещений, где происходил набор рекрутов, добровольцы, шагающие по улицам в штатском платье и отправляющиеся на вокзалы без торжественных проводов, хотя это и был цвет наших войск и многим из них не суждено было больше вернуться домой; солдаты, располагавшиеся лагерем почти на самой Виктория-стрит (одна из центральных улиц Лондона), яркие краски плакатов, объявлявших рекрутский набор, и нелепые призывы к населению «делать свое дело, как обычно», молчание в автобусах, нарушавшееся лишь паникой, возникавшей в ожидании налета цеппелина при каждой вспышке огня из выхлопной трубы автомобиля. Кто помнит теперь все смехотворные предсказания и прогнозы мнимых экспертов и знатоков или некоторых банкиров, утверждавших, что война продолжится не более шести месяцев, так как ни одна из воюющих стран не будет в состоянии выдержать дольше финансового напряжения, требуемого войной? Мы даже забыли осаду и наступление, которым подвергались магазины съестных припасов, и как страх того, что надвигается продовольственный кризис, охватил население. Можно было наблюдать, как пожилые господа в тревоге за завтрашний день закапывали в полночь в своих садах коробки печенья из страха, что их соседи донесут на них судебным властям.

Я думаю, что все это свидетельствовало о патологическом состоянии, которому были особенно подвержены пожилые люди. «Болезнь» эта не побуждала, однако, своих жертв трудиться на пользу отечества, так как большинство из них ничего почти не делало в этом направлении. В предвоенные дни припадки этой болезни были еще сравнительно легкими. Тогда больные серьезно рассказывали друг другу, как на одном официальном обеде они вдруг привели в смятение подававшего им метрдотеля вопросом, в какой пункт ему приказано явиться в момент десанта германских завоевате-

лей, и как застигнутый врасплох официант сразу вытягивался в струнку и отвечал: «В Портсмут».

Говорили шопотом о тайных ночных визитах германских самолетов в Южном Уэльсе, о таинственных прогулках каких-то деревянного вида господ с квадратными головами, изъяснявшихся на гортанном наречии, нанимавших лошадей в восточных районах Англии и проявлявших нездоровое любопытство ко всем скотным дворам и конюшням ферм, встречавшихся им на пути.

Я помню, как премьер-министр Асквит, бывший в то же время талантливым адвокатом, утверждал, что согласно всем произведенным проверкам, дозволенным законом, ни одно событие не было установлено с такой точностью, как переход через Англию огромного русского экспедиционного корпуса, направлявшегося в подкрепление западного фронта. «Свидетели-очевидцы» описывали высадку этих войск в Лейте, Абердине и Глазго. Говорили, что видели своими глазами, как русские отряхивали снег с сапог и хриплыми голосами требовали водки на перроне вокзала в Карлейле и Бервик-он-Твид; как они забили рублями телефон-автомат в Дарэхэме; как четверо из них поселились на квартире у одной дамы в Крю и та рассказывала, сколько хлопот ей стоило удовлетворять их славянский аппетит. Оставалось только предоставить свободу распространению этой легенды в надежде, что она дойдет до неприятеля и произведет на него ошеломляющее впечатление. Я не раз задавался вопросом, не была ли эта легенда создана каким-нибудь скромным патриотом, надеявшимся поддержать ею мужество и поднять угнетенное настроение своих соотечественников, если только, как говорили впоследствии, она не была результатом впечатления, произведенного странной формой и гаэльским наречием военных разведчиков горной Шотландии (ловат-скауты).

С 1914 по 1918 г. Особый отдел и Управление уголовного розыска при Скотланд-ярде работали совместно и почти исключительно на войну. Группа сыщиков Скотланд-ярда в 550 человек была послана во Францию для пополнения рядов «Интеллидженс сервис». Из этой группы образовалось ядро, впоследствии развившееся в чрезвычайно важную самостоятельную организацию полиции разведки, которой вменялся в обязанность надзор

за путешественниками в различных портах, а также контрразведка на линиях связи.

Некоторые из этих детективов были произведены в офицеры, а после перемирия они снова охотно вернулись к выполнению своих обязанностей в качестве работников тайной полиции. На одного из них, которому в мирное время была поручена слежка и розыск торговцев белыми рабынями, была теперь возложена ответственная задача охраны главнокомандующего британской армией.

Все сотрудники работали каждый день сверхурочно, и все же непрекращающийся поток корреспонденции грозил окончательно затопить сотрудников.

В эти первые месяцы никто из нас не уходил из канцелярии раньше полуночи. Если бы все обращавшиеся к нам с жалобами лица могли понять, что в военное время надо уметь терпеливо переносить некоторые трудности, они значительно облегчили бы возложенную на нас задачу.

В первое время войны было чрезвычайно трудно ладить с американскими туристами. Они не только осаждали свое посольство, но приходили и ко мне с жалобами на оскорбительные приемы допроса, примененные к ним при въезде в наши порты. Эти господа и дамы не хотели считаться с условиями военного времени и не могли понять, что война создает неудобства и для граждан нейтральной страны, даже если они готовы широко оплачивать свой комфорт. Мои подчиненные решились погрешить до некоторой степени против истины, когда открыли, что наилучшим способом успокоения этих туристов были слова: «Знаете ли, вы первый американец, жалующийся на неудобства, на которые вы нам указываете. Ваши соотечественники всегда понимали наши затруднения и охотно с ними считались». Этим способом всегда удавалось смягчить настроение самых непримиримых, которые, почувствовав себя обязанными оберегать свою репутацию в чужой стране, старались показать себя в наилучшем свете. Но, когда мы благополучно сплавили первый поток туристов по ту сторону Атлантического океана, я нашел среди американцев, занимавших и не занимавших официальные посты, немало лиц, помогавших мне во многих случаях. С некоторыми я подружился. Искушение привлечь к себе симпатии в Англии путем выражения англофильских

чувств было, повидимому, в некоторых случаях очень велико. Тем не менее, хотя я и был коротко знаком с американскими должностными лицами, я ни разу не заметил, чтобы кто-нибудь из них переступил границу сдержанности, обязательной для всякого должностного лица нейтрального государства. Известие, что США вступают в войну на стороне союзников, оказало на многих из них действие, подобное открытию предохранительного клапана.

Многие англичане думали, что как только США начнут присылать своих штабных офицеров, те не захотят признать нашего опыта, а, наоборот, постараются поставить нас под свою опеку. Но они безусловно ошиблись. Отношение американских офицеров вполне соответствовало здравому смыслу. Мы заплатили за приобретенный нами опыт долгими годами тяжелого труда и были готовы поделиться этим опытом с нашими новыми союзниками. Они же, со своей стороны, пришли учиться всему, чему мы могли их научить; прекрасные ученики, они сами скоро стали проявлять инициативу.

Я не могу не упомянуть и об американских журналистах. В некоторых английских официальных кругах существовала традиция, заставлявшая бояться журналистов, так как полагали, что их обостренная способность постоянно что-то доказывать и аргументировать может побудить их открывать рот даже тогда, когда они сами хотели бы держать язык за зубами. Я всегда считал, что самый лучший способ избежать этой опасности состоял в полной откровенности с ними. Прежде всего надо было изложить им вопрос так, чтобы они могли его правильно понять, а затем установить, что можно опубликовать. Я не знал ни одного американского журналиста, который вышел бы из границ, которых он обещал держаться. Если же иногда было необходимо предать что-либо гласности, они никогда не жалели на это трудов. Нет никакого сомнения, что европейские корреспонденты крупных американских газет всегда подбирались самым тщательным образом. Меня всегда удивляла их осведомленность в области международных вопросов, равно как и их способность предвидеть события.

В начале войны мне часто приходилось иметь дело с весьма странными личностями. Однажды утром я узнал, что какой-то американец гигантского роста оста-

новился в гостинице «Карльтон» и заявил о своем намерении купить яхту, чтобы отправиться в гости к кайзеру. Я пригласил его в свою канцелярию и с удивлением увидел человека чрезвычайно внушительных размеров: он был выше 6 футов ростом и наверно весил не менее 100 кг. Стоя у моего стола, он смотрел на меня, не снимая шляпы с головы и не переставая жевать потухшую сигару.

— Не угодно ли вам снять вашу шляпу и присесть?— сказал я ему.

— Я предпочитаю стоять.

— В этой комнате курить не полагается.

— Я не курю,— отвечал он сквозь зубы, не выпуская изо рта сигары.

— Мне передавали, что вы собираетесь купить яхту. Можно узнать для каких целей?

— Это мое, а не ваше дело.

В этот момент один из моих коллег, человек сложения и силы почти равных моему собеседнику, вырос во весь свой рост перед нами, полагая, что наш посетитель таит какие-то злые умыслы. И действительно, с момента прихода он не переставал хмурить брови и, по-видимому, было бесполезно предлагать ему какие-либо вопросы. Я предложил ему вернуться к себе в гостиницу и не выходить оттуда. В тот же вечер американское посольство получило телеграмму, сообщавшую, что один крупный американский богач, психически не совсем здоровый, бывший у себя дома под медицинским надзором, скрылся и отплыл на пароходе в Ливерпуль. Это и был мой знакомый с сигарой. Посольство запросило меня, не найду ли я возможным вернуть его семье, которая ожидала его по другую сторону океана. Убедить его уехать по собственному желанию казалось безнадежным делом. Я попытался через посредство одного весьма вежливого инспектора попросить его срочно явиться ко мне. Инспектору я посоветовал принять в разговоре с американцем самый таинственный вид, будто мне предстоит передать одно весьма важное, касающееся его сообщение. К моему удивлению, он тотчас же явился на мое приглашение, и на этот раз я уже не применял никаких особо вежливых приемов. Уверившись, что все двери были крепко закрыты, я сказал ему самым серьезным образом: «Я пригласил вас, чтобы предупредить, пока еще есть время. Не обращайтесь ко

мне ни с какими вопросами, но если вы благоразумны, вы исполните в точности то, что я вам скажу. Завтра утром пароход отправляется в Нью-Йорк. Не раздумывайте долго, сейчас же берите билет и уезжайте. Вам нельзя терять времени. Уезжайте завтра, иначе будет слишком поздно».

Он пристально посмотрел на меня и вышел из комнаты, не сказав ни слова. Через два часа я узнал, что он вернулся к себе в гостиницу, чтобы уплатить свой счет, и уехал, не взяв с собой никакого багажа. Депеша из Ливерпуля уведомила меня, что он уже находится на пароходе, взял билет и заперся в своей каюте. Мы узнали впоследствии о его приезде в Нью-Йорк. Его вещи были высланы ему тотчас же после его отъезда.

В другой раз мой коллега счел нужным вмешаться. Я вызвал к себе мужчину средних лет по делу, не представлявшему особой важности. Это был человек свирепого вида. Как только я начал допрос, он уставился на меня в упор и не отвечал ни слова. Я повторил свой вопрос и увидел, что он опустил в карман руку, собираясь как будто вынуть оттуда, как нам показалось, револьвер. Мой коллега собирался уже накинуться на него, когда из кармана показался предмет, возбудивший наши подозрения: это был своеобразный маленький телефонный аппарат, посетитель поставил его ко мне на стол и приложил трубку к уху. Оказалось, что он был совершенно глухим. Тень улыбки проскользнула по его суровому лицу, когда он понял нашу ошибку.

Вскоре после объявления войны почти все общественные деятели, речи которых печатались в газетах, получали письма на иностранном языке, содержавшие оскорбительные выпады по отношению к англичанам и восторженные похвалы немцам, которые, по мнению автора этих писем, являлись избранниками божьими, посланными провидением, чтобы потопить нас. Грубость и тщеславие, бившие в глаза в этих письмах, носили на себе, тем не менее, оттенок эрудиции. Видно было, что автор их поглотил огромное количество литературы.

Эти письма рассылались по почте во все кварталы Лондона и указывали мнимое местопребывание автора их в Лофтоне. Кроме труда, которого ему стоила вычурная каллиграфия этих писем, автор их должен был потратить немало времени и денег, чтобы бегать по всему Лондону и рассылать письма по почте.

Оскорбительные письма никому не вредят и никого не трогают, но, по мнению людей, получавших письма, самый факт пребывания наглого немца на свободе в Лондоне в военное время являлся унизительным для полиции. Так как все усилия найти автора этих писем не привели ни к какому результату, то я убедил редакцию газеты «Глоб» поместить фотографию одного из этих писем. Тотчас после этого несколько лиц написали мне, что они узнают почерк их бывшего учителя немецкого языка, и сообщили его адрес в Далстоне. Мне было любопытно взглянуть на этого страшного немца. Я воображал, что увижу плотного пруссака с квадратной головой и красными щеками. Голова у него была действительно квадратная, но во всем остальном это был какой-то жалкий человечек с глазами затравленного зверя. Он был не совсем в своем уме, но искусный выбор его псевдонимов и все предосторожности, которые он принимал, посылая свои письма по почте, свидетельствовали о хитроумии маньяка. У него был сын, который служил в английской армии, и очень лойяльная жена, которая обещала в будущем следить за ним.

По мере того как поток германских войск наводнял Бельгию, к нам ежедневно валом валили беженцы. Естественно, что вначале происходила некоторая путаница, так как число беженцев намного превосходило все ресурсы, выделенные для их приема. Иногда с ними случались забавные инциденты. Так, в один прекрасный вечер в бюро помощи привели чету, говорившую только на фламандском наречии. Женщину пригласили зайти в комнату и немного спустя пригласили туда и мужчину, бывшего, как предполагали, ее мужем. Между ними завязался страшный спор, и пришлось по телефону вызвать переводчика. Когда он явился, мы убедились, что мнимые супруги впервые видели друг друга.

Антверпен был в опасности, на защиту этого города была отправлена морская дивизия, и ко мне обратились с просьбой послать туда полицейского агента, так как работник, которого я имел в Остенде, не мог покинуть своего поста. Единственный агент, которым я в то время располагал, был пожилой инспектор, обремененный большим семейством, в обязанность которого в довоенное время входил надзор над порнографическими изданиями. В Англии он пользовался большим авторитетом

в качестве специалиста по этой литературе. Отправляясь для выполнения порученного ему дела, он распрощался со своей семьей и сел на пароход. Спустя несколько дней, когда загрохотали осадные пушки германцев, я получил от него телеграмму, в которой он просил вернуть его. События быстро следовали одно за другим, и я не успел еще ответить на его просьбу, как он явился в Скотланд-ярд. Я вызвал его к себе и сказал ему строгим тоном: «Я получил вашу депешу, г-н инспектор, но вы покинули ваш пост, не дождавшись ответа». Он по обыкновению поклонился очень вежливо и ответил: «Да, сэр, но 12-дюймовый снаряд оторвал целый угол моей спальни. Я не знаю, как мне быть, но все же полагаю, что я слишком стар, чтобы выдерживать осаду». Эту фразу «слишком стар, чтобы выдерживать осаду» не переставали повторять в моей канцелярии каждый раз, когда кому-нибудь поручали работу, которая была ему не по душе.

Интернирование граждан воюющих с нами стран таило в себе ряд внутренних противоречий. С одной стороны, когда вспыхнула война, у нас не было концентрационных лагерей, с другой — множество немцев, оставленных на свободе, представляли некоторую опасность. Нужно было спешно создать место для интернирования штатских, и в Лондоне для этого остановились на Олимпии. Туда немедленно доставили кровати и одеяла и установили стражу из веллингтонских казарм. Вначале я посещал Олимпию ежедневно, так как получал там весьма полезную информацию из уст гражданских пленных.

Около 15 августа два австрийских парохода поднялись вверх по Темзе, не зная еще, что война уже объявлена. Их задержали, и экипажи их были отправлены под конвоем в Олимпию, где их интернировали вместе с германцами. Когда я приехал туда на другое утро, австрийцы находились в пристройке и были отделены канатами от германцев. Мне объяснили, что через полчаса после того, как их привезли, между союзниками вспыхнула бурная ссора, и депутация австрийских офицеров обратилась к коменданту с просьбой отделить их от германских «грубиянов». Среди австрийцев было четыре студента, использовавших свои каникулы для путешествия. Эти молодые люди держались весьма нелестных взглядов относительно своих прусских сорат-

ников. После того как немцы и австрийцы были отделены друг от друга, ссоры и всякого рода инциденты в Олимпии стали более редкими. Однажды официант из германского кафе грубо ответил одному из часовых, но ирландский капрал, не лишенный юмора, подошел к обоим спорящим и с серьезным видом сказал часовому: «Что ты теряешь время в споре с ним! Убей его». Услышав это, немец спрятался под стол и с тех пор больше не грешил против правил вежливости.

Непрекращающиеся вопли «интернируйте их всех», испускаемые некоторой частью прессы, сильно нам надоедали.

В то время я полагал, что, прекрасно зная всех опасных немцев мы могли бы ограничиться заключением под стражу только их, оставив остальных на свободе. Надо отметить, что многие из них с пользой работали на наших заводах военного снаряжения, а некоторые, как например поляки и чехи, проявляли полную симпатию к союзникам. Кроме того, если бы мы интернировали всех, наши противники не замедлили бы интернировать и всех наших сограждан (что они, впрочем, в конце-концов и сделали). Наиболее веским аргументом против всеобщего интернирования был тот факт, что у нас не было необходимых помещений, чтобы заключить такое огромное количество лиц. Кроме того, жалобы этих пленных дошли бы до наших врагов, которые тогда считали бы себя вправе плохо обращаться с нашими согражданами. Все же ежедневно грузовики для перевозки мебели, набитые доотказа, доставляли немцев в Олимпию, где они оставались до отправления во вновь устроенные лагери.

Некоторые немцы сами навлекали на себя эту меру предупреждения. На Оксфорд-стрит помещалось популярное кафе, в котором все официанты, а также управляющий и кассир были зарегистрированы как иностранцы враждебных нам стран. В тот день, когда известие о восстании в Уэте (Южная Африка) распространилось в Лондоне, эти официанты, а также и некоторые из посетителей кафе встретили эту новость криками «ура». Меня уведомили об этом по телефону, и через полчаса весь персонал кафе был арестован и доставлен на грузовике в Олимпию. Англичане — хозяева этого заведения — пытались протестовать, но ничего не добились.

ФАЛЬШИВЫЕ БАНКОВЫЕ БИЛЕТЫ

Одной из опасностей, угрожавшей в начале войны, было появление банковых билетов государственного казначейства. Их было очень легко подделать, и вполне естественно, что люди не умея отличить фальшивки, теряли доверие к кредиткам и даже отказывались принимать настоящие деньги. Первые казначейские боны были напечатаны черным на белой бумаге и ничем не отличались от лучшего сорта бумаги машинного производства, кроме своих водяных знаков. Билеты же, выпускаемые английским государственным банком, печатались на особой бумаге ручного производства в собственной типографии государственного банка; это была бумага самого лучшего качества: каждый банковый билет имел водяные знаки вокруг зубчатого краешка. Несмотря на это, в музее Скотланд-ярда хранятся целыми дюжинами образчики фальшивых кредиток государственного банка Англии; правда, эти фальшивки сделаны очень грубо, но невнимательного кассира они все же могли обмануть.

Я неоднократно указывал государственному казначейству на соблазн, представляемый для фальшивомонетчиков этими «брэдбэри» (так назывались боны, подписанные рукой сэра Джона Брэдбэри), но они были выпущены в большом количестве, и я не мог привести в подкрепление моих возражений ни одного случая подделки. Единственно, чего мне удалось добиться от этого высокого учреждения,— это тщательного просмотра рисунка на бонах, когда запас будет исчерпан.

В первые месяцы войны все шло хорошо. Мелкие торговцы охотно принимали казначейские боны взамен серебряной монеты для уплаты за мелкие покупки. Но однажды, в ненастный вечер января 1915 г., меня посетил чиновник государственного казначейства и уведомил меня о подделках бон, производимых в крупном масштабе. Он показал образчик фальшивых бон, и — признаюсь,— когда они лежали на моем столе рядом с настоящими, я не мог отличить настоящие боны от фальшивых. Я посмотрел одну из них на свет: водяные знаки на ней были. Мой посетитель сказал мне, что до сих пор в казначейство не поступали жалобы, что все фальшивые боны доставлялись банками, принимавшими их за настоящие ценности, и что все они помечены

серией «Г». Это были купюры в 1 фунт и в 10 шиллингов; он сообщил мне также, что все они пущены в оборот в Лондоне и что теперь будут приняты срочные меры для напечатания новых казначейских бон на цветном фоне, который, по мнению комиссии специалистов-печатников, нельзя было подделать. Пока же он просил меня сделать все от меня зависящее, чтобы арестовать фальшивомонетчиков и их сообщников.

Трудно было обсуждать спокойно этот вопрос в первые дни 1915 г., когда германские войска находились еще так близко от Парижа и когда весы военного счастья склонялись в их пользу. Мой собеседник сказал мне: «Если доверие публики к казначейским билетам будет подорвано, бог знает, что с нами случится: это будет моральный удар для общества. Повидимому, билеты эти все принадлежат людям, которые меньше всего в состоянии терять столько денег».

Я не мог сказать ему ничего утешительного. В городе, насчитывающем 8 млн. жителей, не может быть и речи о том, чтобы прямо явиться в подозреваемый дом и там захватить пресс, печатающий боны. Эти подделки, наверное, были делом рук искусного мастера, располагавшего типографскими машинами и прессами, а люди, покупавшие кредитки и пускавшие их в оборот, должны были держаться в стороне от него. Арестовать последних без главного фальшивомонетчика было бы неблагоразумно, так как подделка все равно продолжалась бы. Кроме того, было опасно при царившем в то время общем настроении терять время на длинное и утомительное следствие, так как паника непременно овладела бы публикой, лишь только она узнала бы, что в обороте были фальшивые деньги. Друг мой сказал мне, что в банке уже инкассированы эти фальшивые билеты на сумму более 60 тыс. фунтов и что в итоге число их составляло цифру еще более крупную. Он заявил, что государственное казначейство не будет скупиться на необходимые расходы для следствия и предоставляет мне полную свободу действий.

Экспертом по подделкам был в то время самый старый главный инспектор — старшина группы главных инспекторов, которую газеты называли «большая пятерка»,— человек с седыми волосами и изящными манерами. Как только чиновник из государственного казначейства ушел, я пригласил инспектора к себе и, по-

казав ему фальшивки, поручил вести это дело, попросив держать меня в курсе всего хода следствия. Он подумал немного и сказал:

— Я не удивился бы, если б оказалось, что в этом замешан Эллиот. Он недавно вышел из тюрьмы и нанял небольшую контору недалеко от Ковентри-стрит. Вы ведь помните, сэр, что он был в последний раз осужден за подделку банковых билетов.

— Хорошо, следите за Эллиотом и не скупитесь на награды за каждую информацию.

Через сутки мой старый инспектор Фаулер пришел с очень важными новостями. Он нашел бывшего арестанта Эллиота в маленькой конторе под вывеской «Рекомендательная контора», открывавшейся только к вечеру и развивавшей в такой поздний час необычайную деятельность. Люди, являвшиеся туда по вечерам целой толпой, принадлежали к разным национальностям.

— Среди выходящих оттуда я заметил человека, которого мы можем использовать в качестве осведомителя,— сказал Фаулер.— Он серб по национальности и хорошо понимает, что если он откажется выполнять мои распоряжения, его выпилют и заставят служить в сербской армии, что, разумеется, ему совсем не улыбается. Он живет в Лондоне уже много лет и занимается всякими темными делишками. Это чудо, что ему удалось до сих пор укрываться от полиции. Но в этом деле, я не сомневаюсь, он будет играть со мной в чистую.

На следующий день Фаулер пришел ко мне с новыми подробностями. Его серб очень ловко нащупал почву у Эллиота относительно возможности дешево покупать банковые билеты. Эллиот сказал ему, что узнает это у своих друзей. На следующий день Эллиот сообщил ему, что он может достать пачку банковых билетов за половину их действительной стоимости, но для этого необходимо, чтобы он, Эллиот, был вполне уверен, что «товар будет чисто размещен». Серб с самым наивным видом стал советоваться относительно способов размещения кредиток со своим опытным другом, и Эллиот ему ответил: «Ну, я вижу, что вы новичок в этой игре. Я пойду вместе с вами в первый вечер и покажу вам, как надо действовать».

Наш серб установил к тому же весьма важный пункт. Эллиот не был в состоянии получить новые банковые билеты до следующей пятницы.

Мы располагали теперь новыми данными. Эллиот доставал свой запас фальшивок по пятницам, сбывал их своим клиентам по субботам. Два детектива, которых он раньше никогда не видал, получили задание следить за ним в следующую пятницу. Эллиот вышел из дома в полдень, чтобы позавтракать, уплатил по счету в ресторане и отправился пешком в писчебумажный магазин, где купил два больших листа бумаги машинного производства. До этого момента он, повидимому, ничего не подозревал. Выйдя из магазина, он подозвал такси. Один из наших агентов записал номер такси, а сам вскочил в другое. Другой детектив вошел в магазин и потребовал тот же сорт бумаги, какой только что был продан Эллиоту. Погоня за такси продолжалась недолго. Эллиот остановился на углу улицы, а наш агент продолжал ехать дальше, так как если бы он в тот же момент остановился, он раскрыл бы свои карты; но он посмотрел в заднее стекло такси и увидел, что Эллиот, уплатив шоферу, направился пешком со своим свертком в руках в переулок, пересекавший улицу. Сыщик не пошел за ним, но в тот же день вернулся в этот переулок и обошел все дома по соседству в надежде отыскать там типографа, однако, поиски его были тщетны.

Мы сравнили купленный образец бумаги с одной из фальшивых кредиток. Он был с ней совершенно схож как по материалу, из которого был сделан, так и по цвету, но на нем не было водяных знаков. Надо, впрочем, сказать, что качество этой бумаги нисколько не уступало бумаге настоящих банковых билетов. После этого эпизода наступило затишье.

Два дня спустя ко мне явился мой приятель из государственного казначейства с еще более удрученным видом, чем прежде, и сообщил, что распространение фальшивых кредиток продолжается усиленными темпами. Сумма их уже превысила 100 тыс. фунтов стерлингов, и они ежедневно притекали из разных банков. Я рассказал ему, чего нам удалось добиться, и просил его запастись терпением.

— Почему же вы не арестуете Эллиота? — спросил он меня.

— Конечно, мы могли бы задержать его в любой момент, но пока не прекратится деятельность типографа, всегда найдутся люди, которые будут сбывать фаль-

ливые кредитки. Мы очутимся тогда еще в худшем положении, так как все газеты непременно напечатают сообщение об аресте Эллиота и публика окончательно потеряет всякое доверие к бонам государственного казначейства.

Как-то вечером серб пришел к нам с важным сообщением. Эллиот обещал передать ему свежую пачку банковых билетов в следующую субботу утром.

— Теперь,— сказал ему Фаулер,— вы должны постараться разузнать, откуда он достает эти кредитки. Мы вас уполномочиваем играть в карты, конечно, на наш счет, с людьми, которые у него собираются, и во время этой игры как следует следите за вашими партнерами.

Через три дня серб принес нам на самом деле чрезвычайно важные новости. Он играл в карты у Эллиота накануне вечером, в пятницу. Гости непрерывно заходили туда, проигрывали свои ставки и уступали свое место другим. Уже поздно вечером туда зашел молодой человек и сел за карточный стол. В его наружности не было ничего такого, что могло бы возбудить подозрение, однако серб заметил две вещи: он уплачивал за свой проигрыш серебряной монетой, и пальцы его были черные, точно запачканные типографскими чернилами. Как только молодой человек ушел, наш серб сказал Эллиоту:

— Я помню этого парня, он служил в вашей конторе в Лестерсквере.

— Нет, вы ошибаетесь.

— Уверяю вас,— настаивал серб,— я редко забываю лица. Я готов держать пари, что он был вашим служащим. Я помню даже его имя — его зовут Браун.

— Не держите пари, вы проиграете. Он никогда не был служащим и зовут его Вильямс.

Это уже было некоторое указание, хотя и довольно неопределенное. Во все участки была разослана повестка с требованием указать адрес типографа, носящего фамилию Вильямс. Ответ пришел к нам из полицейского участка одного из северных кварталов Лондона. На одной из маленьких пустынных улиц, на калитке дома была надпись, наполовину стертая, на которой можно было прочесть: «Вильямс, типограф», но, насколько было известно, в этом помещении никто не проживал.

Этого было достаточно. Мы получили сообщение во вторник в два часа пополудни. В 2 часа 45 мин. главный инспектор Фаулер проходил медленным шагом по означенной улице. Он не останавливался, но опытный взор его успел заметить несколько весьма важных пунктов.

1. Хотя буквы на калитке, которая вела в маленькое помещение, похожее на конюшню, были почти неразборчивы — настолько они были древни,— но на краске были следы, которые мог оставить только тот, кто старался открыть калитку.

2. Напротив ворот было окно с вывешенной на нем карточкой, на которой была надпись: «Сдаются квартиры». Карточка была снята в тот же вечер, так как час спустя хозяйке дома был нанесен визит тремя «господами из Ливерпуля», которые объявили, что приехали в Лондон по делам на несколько дней. Они вели поистине весьма странный для деловых людей образ жизни. Они никогда не выходили из дома, и один из них постоянно стоял у окна, наблюдая за тем, кто ходит по улице; даже в часы обеда и ужина они сменялись между собой на этом наблюдательном посту. Эти таинственные жильцы должны были впоследствии доставить своей хозяйке еще больший сюрприз.

Эти трое «господ из Ливерпуля» были, разумеется, главный инспектор Фаулер и двое его сотрудников. Из своего окна они наблюдали за домом напротив. Квартиры в нем не были заняты. От калитки мощеная дорожка вела к своего рода своду, высеченному в самой стене дома. Наблюдателям не было видно, что делается за этим сводом.

Первые два дня своих наблюдений они могли поклясться в том, что никто не приходил в калитку, но в пятницу утром какой-то молодой человек завернул в улицу и отпер калитку, скрывшись за ней. В полдень показалась молодая девушка с маленькой корзинкой в руках и остановилась перед решеткой. Это была очень тоненькая брюнетка, и наши агенты решили, что она была сестрой молодого человека.

Она запела — не потому, что ей было весело, да и пела она очень плохо, но, как решили наблюдатели, для того чтобы сообщить о своем присутствии брату. Калитка приоткрылась, и девушка передала туда корзинку. Инспекторы увидели какого-то человека без пиджака,

в одной жилетке, который унес корзинку под свод и исчез. Очевидно, в этой корзинке ему принесли обед. Молодая девушка ушла в том же направлении, откуда пришла, не заметив, что за ней пошел один из наших инспекторов. Он хотел узнать, где она живет, и записать ее адрес. Поздно вечером вышел из дома и молодой человек, запер калитку на замок и последовал в том же направлении, что и молодая девушка.

Наступила суббота. Если Фаулер рассчитал верно, то Эллиот должен был появиться перед калиткой в течение этого дня. В продолжении долгих часов агенты ждали напрасно. Вдруг около семи часов вечера по улице раздались тяжелые шаги. Какой-то человек остановился у калитки и постучал три раза. Калитка открылась ровно на столько, чтобы он мог пройти. Свет, падавший от фонарей, был очень слаб, но Фаулер узнал походку Эллиота и решил, что наступило время действовать.

— Пора,— сказал он.— Встанем у калитки и схватим его за шиворот, как только он выйдет оттуда с товаром.

Эта тихая улица никогда еще не была ареной такой шумной сцены, как та, которая затем произошла. Эллиот корчился, как угорь, в руках сыщиков, испуская крики дикого зверя, но вовсе не от волнения, а главное для того, чтобы предупредить своего сообщника; в то же время банковые билеты сыпались пачками из его карманов и разлетались по всей улице. Его вопли всполошили соседей. Встревоженные лица показались во всех окнах; мужчины и юноши сбежались отовсюду, полагая, что кого-то убивают.

Металлический звон ручных кандалов подействовал успокаивающе на Эллиота. Он понял, что попался и что бесполезно шуметь. Пока один из детективов собирал разлетевшиеся кредитки на мостовой, второй перепрыгнул через калитку и бросился под свод. Он подошел к маленькой кирпичной конюшне, в окне которой мерцал огонек. Он взломал дверь и увидел среди большого количества машин молодого человека без пиджака, вертевшего рукоятку пресса. Молодой человек обернулся и на слова агента: «Я представитель полиции», свалился на пол без чувств. Как только он пришел в себя, он назвал себя действительно Вильямсом и дал свой адрес — как раз тот, куда агент проводил молодую девушку. Его отвели в участок, где уже нахо-

дился Эллиот, но им не дали ни времени, ни возможности общаться между собой.

На другое утро был произведен тщательный обыск в конюшне. В пыльном сарае сыщики нашли большое количество литографских плит, в которых признали как раз те, которые служили для изготовления фальшивых почтовых марок Лоудена. Это было уже почти забытое преступление, виновник которого так и не был открыт. Было установлено, что помещение нанимал отец молодого человека, опытный печатник, который являлся владельцем всего материала и изобретателем весьма сложной машины для производства водяных знаков, устройство которой я считаю излишним здесь описывать. Он был более виновен, чем его сын. Его также арестовали и судили вместе с его сыном и Эллиотом в окружном суде.

Всех трех признали виновными.

НАЛЕТЫ ЦЕППЕЛИНОВ

В первых числах мая 1915 г. было взорвано американское нефтеналивное судно «Гульф-Лайт» и убит его капитан. Тело его было оставлено на Сорлингских островах. В этот момент американцы еще не склонялись на сторону ни одной из воюющих стран. Один из моих друзей высказал предположение, что если бы в Соединенные штаты отправили набальзамированное тело капитана, эта мера произвела бы там сильное впечатление. Поскольку жертвами нападений подводных лодок на безоружные торговые суда были только англичане, широкие массы в Америке не сознавали покуда всего ужаса подводной войны.

Ко мне обратились с просьбой отыскать опытного бальзамировщика, который согласился бы поехать на Сорлингские острова. Но 7 мая 1915 г., как раз в тот день, когда я отдал последние распоряжения, касавшиеся отъезда бальзамировщика на означенные острова, я получил в три часа пополудни известие о гибели «Лузитании», в сравнении с чем инцидент с судном «Гульф-Лайт» представлялся незначительным. Из всех совершенных германцами ошибок, потопление «Лузитании» было самой крупной. Оно нанесло жестокий удар германским симпатиям в Америке и побудило всех коренных американцев встать на сторону союзников. Я не

хотел верить рассказам, что германцы отчеканили медаль в память этого злодеяния, до той минуты, когда мне передали в собственные руки экземпляр этой медали. С этого момента всех проживающих в Англии лиц с немецкими фамилиями стали обвинять в том, что они в кругу своих знакомых всегда произносили тосты и поздравляли друг друга с успехом потопления «Лузитании».

В моей памяти с полной ясностью сохранилось воспоминание о первом налете цеппелинов на Лондон 31 мая 1915 г. В этот день я был приглашен на обед к г. Мак Кенну, у которого я должен был познакомиться с новым министром внутренних дел и новым лордом-канцлером, а также встретиться с начальником полиции, сэром Эдуардом Генри, и некоторыми другими высшими должностными лицами.

После обеда я обсуждал с сэром Джоном Саймоном сильно занимавший нас в то время вопрос об исключении из британского подданства бывших иностранцев, считавшихся враждебными нашей стране, против которых, однако, не имелось достаточных улик для обвинения их в шпионаже. Наш разговор, был внезапно прерван самым драматическим образом. Хозяин наш вдруг отворил дверь из комнаты, в которую он вошел поговорить по терефону, и крикнул: «Цеппелины!». Ему сообщили из адмиралтейства о появлении цеппелинов, летевших над Темзой вниз по течению. Первая мысль нашей хозяйки была о ее маленьких детях, спавших в верхнем этаже. Надо ли было опустить их вниз? Все приглашенные бросились в комнату, где находился телефон, и окружили аппарат. По меткому замечанию одного из присутствующих, можно было подумать, что находишься на представлении второго действия какой то мелодрамы. Секретарь, невозмутимо сидевший у телефона, позвонил в Скотланд-ярд и передал трубку сэру Эдуарду Генри, который совершенно спокойно произнес: «Бомбы упали в Уайтчепеле, четыре или пять убитых, несколько раненых. Теперь они направляются к северу, бросают бомбы на Сток Ньютон».

— Пожары есть?

— Да, несколько.

— Благодарю.

И он положил трубку на место. Тут уж некогда было соблюдать все правила вежливости по отношению к

гостям. Хозяйка наша и один из приглашенных бегом бросились наверх в детскую, а мы поспешили отправиться в Скотланд-ярд, где надеялись получить подробные сведения по центральному телефону. Позже вечером я проходил по парку, направляясь во-свояси. Ночь была тихая, светлая, и не было никаких признаков налета цеппелинов. Но Лондон такой огромный город, что в 11 час. 30 мин. полицейский участок в Кенсингтоне еще не был осведомлен о налете. Утром на другой день я узнал, что никто не видал там дирижаблей. В общей сложности были найдены 92 бомбы, из них 30 большой силы. Бомбы были небольшого размера, и все были снабжены трубкой с винтом. Кусок материи, похожей на верхнюю часть чулка, был привязан к каждой из них. Много бомб мелкого калибра совсем не взорвалось, по двумя из них убило несколько детей. Бомб крупного калибра было найдено три. Одна пробуравила огромную дыру на Кинслэнд-род, другую нашли совершенно целой в саду, в яме, глубиной в 8 футов, и, наконец, третья, пролетев через крышу и пол конюшни, зарылась в землю на глубине 7 футов. Эта бомба весила 150 фунтов и имела 36 дюймов в окружности. Она причинила бы страшные повреждения, если бы взорвалась. Выяснилось, что цеппелин, пролетев по линии железной дороги Грэйтн-Истерн до вокзала в Бишонсгэт, где он сбросил бомбу, проследовал дальше по всей железнодорожной ветке по направлению к Уалтамскому аббатству. Уже спустя долгое время узнали, что это был дирижабль «Л-3-38». Через несколько дней после его возвращения в ангар около Брюсселя он был уничтожен английским летчиком. Дирижабль этот мог подняться на высоту 10 тыс. футов, имея на себе груз в полторы тонны бомб. Со времени первого налета полиции пришлось заняться организацией убежищ — задача нелегкая в таком городе, как Лондон, тем более, что маленькие дома на окраине восточной части города не имеют подвалов, а вместе с тем они первыми всегда подвергались налетам цеппелинов.

Устройство убежищ в домах с недостаточно прочными крышами не только не уменьшает, но может даже усугубить опасность. Это и случилось в Дюнкирхене, где снарядом большого калибра, пущенным на расстоянии 25 миль, был разрушен дом, в подвале которого укрывалось множество людей. Вообще дюнкирхенские под-

валы домов были защищены всего только тонкими кирпичными сводами, которые не могли выдержать удара бомбы даже самого малого калибра. Спасательные отряды геройски работали до поздней ночи, чтобы откопать несчастных, погребенных под обломками дома, но когда отрядам удалось до них добраться, их застали уже мертвыми, задохнувшимися под развалинами дома.

Производя свои налеты на Лондон, немцы преследовали цель создать панику, вынудить своих противников просить мира и поднять дух своего собственного населения.

Если эти налеты не внесли паники, все же они причинили много страданий, в чем можно было удостовериться, посетив любую станцию метро в Ист-Энде в одну из ночей воздушных налетов. На этих станциях лестницы были битком набиты заспанными детьми, на платформах люди теснились такой густой толпой, что негде было яблоку упасть. «Сколько из этих детей будет потом страдать от последствий ночных потрясений!» — думал я.

Тем, кто хорошо понимал, что несут с собой эти воздушные налеты, было тяжело слышать из уст маленьких: «Папа, правда, сегодня вечером опять будет налет?».

Как будет рассказано ниже, командиры цеппелинов не скупились на хвастливые измышления мнимых славных подвигов и в передаваемых ими на родину сообщениях по радио. Они не подозревали, что мы читаем эти шифрованные радиограммы, преувеличенные, не соответствующие действительности сведения, невольно вызывавшие у нас улыбку.

Налеты цеппелинов как-то сразу прекратились после уничтожения дирижабля в Кэфли, аварии которого я был свидетелем, наблюдая за ним из окна в Скотланд-ярде. Это был первый случай использования самолетом-истребителем новых трассирующих бомб. Огромный корпус дирижабля был едва виден в лучах прожекторов, как вдруг внезапно вспыхнувший розоватый свет на одном конце дирижабля стал быстро распространяться, окутав мгновенно пламенем всю огромную оболочку; аппарат полетел вниз к земле, оторвавшаяся гондола падала с еще большей быстротой. Я отправился на место катастрофы и увидел поле, усеянное металличе-

скими обломками. Головы жертв оставили на земле отпечатки глубиной в три сантиметра.

В связи с этим налетом произошел инцидент, который так и не удалось выяснить. При приближении гондолы к земле экипаж дирижабля порвал все бывшие у него бумаги и выкинул клочки их за борт. Бумаг было так много, что все поле, казалось, было покрыто снежным ковром. Как только распространилось известие о катастрофе, толпы любопытных бросились к месту аварии. Между клочками бумаг, подобранных служащими министерства воздушных сил, с тем чтобы их потом подклеить и расшифровать, были найдены фамилия и адрес одной бельгийки. Я вызвал ее к себе и узнал, что она проживала по этому адресу не более десяти дней. Она созналась, что имела обыкновение давать свой адрес мужчинам, которых встречала на улице. Этот адрес, давность которого не превышала десяти дней, обнаруженный среди документов германского цеппелина, нас сильно озадачил и мог служить указанием на пребывание германского офицера в Лондоне за несколько дней до налета. Мне, однако, казалось, что обстоятельство это объяснялось гораздо проще. Среди зрителей, сотни которых собрались поглазеть на обломки дирижабля, мог находиться человек, который принес с собой адрес и уронил его на поле, где он и остался среди клочков бумаги.

По мнению генерала фон Геннера, не уничтожение дирижабля в Кэфли положило конец воздушным налетам, а бомбардировка союзниками ангара цеппелинов, заставившая германцев перенести свои базы на берега Рейна. Расстояние, которое им приходилось тогда покрывать, было слишком велико даже для новейшего типа дирижабля. По его словам, налеты, имевшие место в зимние ночи 1917/18 г., стремились лишь удалить наших летчиков с западного фронта.

В январе 1915 г. немцы выпустили фильм, предназначавшийся для нейтральных стран. Американец, собиравшийся увезти этот фильм в США, согласился продемонстрировать его перед высшими чиновниками и дипломатами в театре «Амбассадор» в Лондоне. Фильм этот отражал обычное невежество немцев во всем, что касается психологии других народов. Но в некоторых своих частях он не был «подстроен» и был довольно правдив. Там показывали кайзера, расположившегося

вместе со своим штабом на краю дороги и наблюдавшего за дефилировавшими перед ним отборными частями германских войск. Движения его были нервны и порывисты, волосы его совсем поседели, на отвислые щеки легли глубокие тени. В известный момент его, наверное, попросили повернуться лицом и посмотреть в сторону объектива; он исполнил это как-то деревянно, с самым серьезным видом, прежде чем сесть в автомобиль, который его увез. Были там и кадры, представлявшие инженерные части, которые спешно производили саперные работы, а также смотры войск в присутствии саксонского и баварского королей; затем гигантский памятник, сооруженный в честь Гинденбурга в Берлине; дипломатический прием в Турции, с Энвером пашой, сидящим в палатке и принимающим балканских дипломатов — на первом плане. Показывалась также лента в несколько метров, изображавшая маневры датских армий и флота, с целью создать впечатление, что Дания была на стороне Германии и даже собиралась провести у себя мобилизацию. Затем шли уже «инсценированные» кадры. Они показывали кадры, изображающие германских солдат, раздающих пищу целой орде бельгийских и французских детей, с надписью: «Варвары кормят голодающих». На картине были выстроены в несколько рядов колоссального роста солдаты-немцы, улыбавшиеся во весь рот. Надпись к картине гласила: «Так ли выглядят варвары?», на что можно было возразить, что ни один варвар, наверное, никогда не был таким уродом. Кроме того, показывали английских пленных, приятно улыбавшихся на работе, выполняемой ими для немцев под контролем свирепо глядевших на них прусских солдат. Это был фильм, весь насыщенный пропагандой.

ПОПЫТКА ГЕРМАНСКОЙ ДИВЕРСИИ В ИРЛАНДИИ

В первые месяцы войны некоторые ирландцы начали выступать в Америке на трибунах, украшенных переплетенными между собой германскими и ирландскими флагами, и пытались доказать американцам тождественность немецких и ирландских интересов. Мы это знали. Гораздо труднее было поверить сообщению, что Роджер Кэсмент поддерживал тайные сношения с германским послом в Вашингтоне фон Бернсдорфом.

Краткое изложение политической карьеры этого лица разъяснит причину нашего удивления.

Кэзмент, родом из Северной Ирландии, был не католиком, а протестантом, и ни его деятельность, ни его выступления не обнаруживали в нем склонности к ирландскому национализму. Во время бурской войны он занимал пост британского вице-консула в Делагос Бей, где работа его была безупречной. Назначенный затем в Южную Америку, он проник в провинцию Путумайо, откуда присылал длинные сообщения о жестокостях плантаторов, совершаемых над туземными рабочими-индейцами. Перед его описаниями бледнели все зверства, описанные в «Хижине дяди Тома». Он очутился в центре внимания и стал героем чувствительных политиков. Не следует, однако, думать, что он сознательно себя рекламировал или преднамеренно искажал и преувеличивал рассказанные ему факты. Нет сомнения в том, что в Конго злоупотребляли властью, как и во всех других странах мира. Несомненно также, что туземцев эксплоатировали в Путумайо.

Мне неоднократно случалось подолгу беседовать с Роджером Кэзментом; его чарующее обращение с людьми, легкость, с которой он одевал на себя личину, лучше всего идущую ему, делали из него прекрасного актера, так как игра его была естественной, непосредственной и бессознательной. Он воплощал в себе не одного Роджера Кэзмента, а целую дюжину, начиная с Кэзмента, который мог проливать слезы над страданиями индейцев в Путумайо, и кончая Кэзментом, который свободно вращался среди подонков общества; начиная с Кэзмента, завсегдатая светских салонов, и кончая Кэзментом — посетителем самых грязных притонов.

Кэзмент вернулся в Лондон в 1911 г., на этот раз для того, чтобы обсудить с членами палаты общин сделанные им разоблачения в Путумайо. По представлению министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея имя его было включено в список лиц, награжденных орденом по случаю дня рождения короля. Он получил титул кавалера (ниже баронета). Кэзмент выразил свою благодарность за это скромное отличие в письме на имя сэра Эдуарда Грея, которое было потом зачитано на его процессе.

«Сэр Эдуард Грей!

Мне трудно найти надлежащие слова, чтобы отблагодарить за честь, которую король столь милостиво мне оказал.

Я глубоко тронут свидетельством доверия и хорошей оценкой данной моей работе в Путумайо, нашедших свое выражение в вашем письме, в котором вы объявляете, что король соблаговолил наградить меня титулом кавалера.

Выражаю вам свою искреннюю благодарность за этот драгоценный знак вашего уважения и вашей личной поддержки; я бесконечно тронут оказанной мне его величеством честью.

Я желал бы лично принести к стопам его величества мои верноподданнические чувства, после того как вы мне передадите знак отличия, столь милостиво пожалованный мне монархом.

Примите уверения, дорогой сэр Эдуард Грей, в совершенном моем уважении.

Роджер Кэзмент».

Вскоре после его разоблачений инцидентов в Путумайо, о которых он доложил министерству иностранных дел, стали поступать сообщения о некоторых поступках Кэзмента, грешащих против нравственности, и во избежание публичного скандала, который могло бы вызвать его увольнение, ему предложили подать в отставку и назначили пенсию. Он пошел по этому единственному оставшемуся ему пути, зная, что министерство иностранных дел никогда не предаст гласности действительную причину его увольнения. После этого Кэзмент быстро сошел с арены общественной деятельности.

В августе 1914 г. Кэзмент возвратился из поездки в Западную Ирландию и находился в Соединенных штатах. Для человека без положения времена были очень тяжелые. После того как он так долго играл роль любимца общественного мнения, ему было вдвойне тяжело очутиться в положении простого чиновника в отставке.

В то время он, вероятно, был под гнетом горьких размышлений об обстоятельствах, вызвавших его отставку, и горел желанием вызвать какую-нибудь сенсацию, создать драматическое положение, которое поразило бы мир.

Я уже упоминал выше, что Кэзмент был уроженцем Ульстера (Северная Ирландия) и протестантом, как он

мне сам признался после своего ареста. Если бы в 1915 г. мне стали говорить о возможности сношений Кэзмента с неприятелем, я рассмеялся бы в лицо своему собеседнику и ответил бы ему, что Кэзмент мог делать много глупостей, но не решится на такой безумный и отчаянный шаг.

В августе 1915 г. исполнился год с тех пор, как Англия вступила в войну, и она успела уже понести огромные потери. Ее ирландские полки дрались, как львы, но потеряли множество людей, убитых на поле сражения или взятых в плен.

Мы были хорошо осведомлены о том, что происходило в Америке и в германском посольстве в Вашингтоне, так же как и о деятельности германского военного атташе фон Панена, занявшего впоследствии пост рейхсканцлера. Но лишь в октябре 1915 г. мы получили необычайное сообщение, что сам Кэзмент находился в тайных сношениях с германским послом графом Бернсдорфом. Мы узнали также, что Джон Дэвой, очень богатый ирландец, так долго игравший крупную роль в ирландско-американской политике, предложил свои услуги графу Бернсдорфу. Сверх того, мы узнали, что сэр Роджер Кэзмент в результате своего свидания с Дэвоем решил покинуть Соединенные штаты, что он собирается ехать с секретным поручением в Европу в сопровождении слуги-норвежца и что он будет путешествовать под фамилией Хаммонда. Флоту в Атлантическом океане было дано распоряжение по беспроволочному телеграфу арестовать его. К военному судну, на котором он находился, пристал в открытом море вспомогательный крейсер. Но офицер, которому было поручено обыскать и осмотреть всех пассажиров, не сумел установить личности Кэзмента. Избегнув ареста, Кэзмент высадился в Норвегии и отправился в Берлин, куда прибыл второго ноября.

Нам могут задать вопрос, каким образом мы получили все эти сведения. Мы узнали об этом благодаря «40 О. Б.», а «40 О. Б.» было окружено абсолютной тайной в продолжение всей войны и далее в течение 16 лет, и только несколько месяцев назад тайна была открыта адмиралтейством.

Первое, что предпринял английский флот тотчас по объявлении войны, было вылавливание из глубины мо-

ря германских телеграфных проводов. Все они были обрезаны и приведены в негодность. Таким образом, германцы могли сноситься со своими офицерами на военных кораблях только через посольства нейтральных стран или по беспроволочному телеграфу. Зная, что их депеши могут быть перехвачены, они постоянно меняли свои секретные шифры и, к счастью для нас, были убеждены до самого конца войны, что их никто не в состоянии расшифровать. Но наша морская разведка Интеллидженс сервис натолкнулась на счастливую мысль сформировать группу экспертов по этой мудреной отрасли под руководством сэра Альфреда Эвинга, и названная группа сумела разрешить все задачи, задаваемые ей немцами. Были установлены радиостанции по всему британскому побережью, и вся их ночная добыча посылалась в камеру «40 О. Б.» при адмиралтействе, где документы эти расшифровывались; узнавать тайные планы из собственных уст неприятеля было куда лучше, чем получать тонны сообщений от армии шпионов, находившихся на службе у союзников. О существовании «40 О. Б.» никто почти не знал, ее скрывали даже от женатых министров. Расшифрованные депеши, число которых достигало иногда до 2 тыс. в день, хранились в глубочайшей тайне, и даже лица, стоявшие во главе правительств и пользовавшиеся этими сообщениями, не всегда знали об их происхождении.

Именно одна из таких депеш, адресованная Циммерманом на имя президента Карранца и обещавшая ему штат Аризона и Новую Мексику, если он присоединится к центральным державам, побудила Соединенные штаты принять участие в войне. Такая же депеша, своевременно показанная французам, спасла Верден: целые серии сообщений, посылавшиеся нашей противовоздушной защите, подготовляли ее заблаговременно к отпору каждого налета цеппелинов на Англию. До конца войны германцы так и не могли догадаться, каким образом обнаруживались их тайны, и не переставали охотиться на шпионов, разыскивая их даже в среде самых ответственных своих чиновников и должностных лиц. Самой крупной ошибкой немецкой интеллигенции было то высокомерное презрение, с которым она относилась к умственным способностям лиц не германского происхождения, и эта ошибка весьма дорого стоила немцам.

Итак, «40 О. Б.» предупредило нас о тайных планах германской разведки.

Было получено, между прочим, одно весьма интересное сообщение от графа Бернсдорфа на имя министерства иностранных дел в Берлине, где говорилось, что немцы осведомлены о возможности восстания в Ирландии, что в момент восстания они собираются совершить воздушный налет и морское нападение на Англию; вместе с тем предполагались: десант войск и доставка военного снаряжения, а быть может, и посылка на самолете нескольких германских офицеров. Эти мероприятия должны были закрыть для Англии доступ в ирландские порты, с тем чтобы создать там базы для германских подводных лодок и прекратить вывоз продовольствия в Англию. Успех предприятия решал, согласно этому сообщению, положительный исход войны.

Воздушный налет и морское нападение действительно произошли в момент восстания, но они были столь же безрезультатны, как и само восстание.

Вскоре цель, которую преследовала миссия Кэзмента в Германии, вполне выяснилась. Приехав в Берлин, он тотчас же представился г-ну Циммерману и предложил ему организовать диверсионную бригаду из ирландских военнопленных в Германии. Ее должны были экипировать и вооружить немцы и затем направить ее в Ирландию, чтобы она могла стать во главе восстания. Был составлен документ — Кэзмент назвал его «договором», который устанавливал обязательства, взятые на себя каждой из сторон. Немцы начали с того, что собрали всех ирландских пленных в особый лагерь и стали кормить их лучше и сытнее, чем англичан. Кэзмент уверял, что из них без всяких затруднений можно будет набрать людей в его бригаду. Он стал ходить в лагерь своих будущих солдат, произносил перед ними пламенные речи и парадировал перед ними в красивом зеленом мундире с вышитой золотой арфой на воротнике, стремясь привлечь их к себе. Но из всей массы своих слушателей ему удалось убедить только одного унтер-офицера.

Огромное большинство ирландских пленных было явно враждебно Кэзменту, они даже чуть не избили его в один прекрасный день. Немцы рассчитывали на нечто большее, нежели та инсценировка, которую представил Кэзмент. Что же касается самого Кэзмента, то он

был серьезно огорчен тем, что его красноречие потерпело фиаско. Он, повидимому, не отдавал себе отчета в том, что ирландские военнопленные не любили своих тюремщиков и испытывали инстинктивное отвращение к изменникам, а в данном случае изменником являлся видный ирландец, спевшийся с врагами того народа, который ему доверял и которым он был обласкан. Все эти неудачи расстроили Кэзмента, и он отправился лечить свое расстроенное здоровье в Баварию. Тем временем переговоры между немцами и американскими ирландцами продолжались, и Кэзмент написал из своего убежища Джону Мак Неллю письмо, которое, впрочем, было перехвачено и которое доказывало, что его вера в немцев еще сильнее, чем когда-либо. Чтобы изменить почерк, Кэзмент написал это письмо прописными буквами. Вот что он писал:

«Передайте из рук в руки. Прочтите письмо, если хотите; это священная тайна. Но перешлите его через верные руки. Дружеский привет и поклон от человека с тремя коровами. Он здоров и утверждает, что бедная старушка будет признана, ей будет оказана помощь, у нее будут друзья и она будет утешена. Он получит для нее все, что потребует, и чужеземец будет навсегда изгнан из ее жилища. Он виделся с высокими липами, и они разделяют его взгляды, а если он будет иметь успех, они будут помогать ему до конца в выкупе четырех зеленых полей».

Письмо, написанное Денисом А. Спелисси и адресованное сэру Джону Гафнеи, консулу Соединенных штатов в Мюнхене, указывает, как оценивали американские ирландцы шансы, которые им представляло предприятие немецкой разведки. Письмо это было написано на бланке Джозефа Мак Гаррити, президента Американского комитета национальных ирландских добровольцев:

«Если союзники будут побеждены, что является почти достоверным в настоящее время, то создается положение весьма опасное для Соединенных штатов.

Обанкротившаяся и обнищавшая Англия со всей беспринципностью, которая ее всегда характеризует, создает из разногласий, существующих в настоящее время между нею и Соединенными штатами, casus belli. Ее флот, не опасаясь больше морских сил Германии и Австрии, будет в состоянии перевести остаток ее армии; и этот остаток будет превосходить все силы, которые мы

будем в состоянии противопоставить. Бросив своих людей через Канаду на плохо защищенные пункты нашего Атлантического побережья, она поставит нас в весьма затруднительное положение. В то же время ей легко будет убедить свою союзницу Японию присоединиться к ней в Тихом океане.

Положение в Мексике, требующее присутствия большей части нашей армии, может дать Англии возможность занять Вашингтон, Нью-Йорк, Бастон, Новый Орлеан и все наши крупные города и захватить сокровища, накапливаемые в настоящее время в этой стране. Мы не будем иметь союзников, если не сумеем обеспечить себе заранее дружбу Германии и Австро-Венгрии, лойяльности которых мы могли бы вполне доверять».

Это письмо является прекрасным примером той смутной и темной атмосферы, в которой велись в тот момент дела американских ирландцев. Между тем Кэзмент бездействовал и ждал событий в Австрии.

Кэзмент пустил слух, что на его жизнь было произведено покушение во время его пребывания в Германии. Это придавало ему больше значения и окутывало его измену атмосферой героизма. Но один из участников этой диверсии, ирландец Кохалан, повидимому, хорошо распознал нашего молодца, так как в шифрованном сообщении по радио в Берлин фон Папен заявил: «Судья Кохалан советует не опубликовывать сообщения о покушении на жизнь Кэзмента, до тех пор пока не будут получены подтверждающие этот факт сведения».

На самом деле покушение на жизнь Кэзмента поставило бы нас в серьезное затруднение, так как все получаемые нами сведения давали основание предполагать, что он приедет лично пароходом из Германии в Ирландию, и мы ожидали его с нетерпением.

Немцы начинали торопить его с выполнением плана, но он продолжал откладывать под предлогом, что не может решить, наступило ли время действовать, и потребовал отправить специального разведчика в Ирландию, чтобы выяснить положение страны. Ему сказали, что он может выбрать для разведки любого из числа гражданских пленных, заключенных в концентрационном лагере в Рулебене.

Мотивы, заставлявшие немцев освобождать пленных, всегда нас сильно интересовали, и люди эти становились предметом нашего особого внимания. Однажды в

субботу вечером в январе 1916 г. министерство иностранных дел сообщило адмиралтейству по телефону, что трое пленных были освобождены и уже находились в пути в Англию. Но мы запоздали и не успели арестовать их в порту; один из них был задержан в Манчестере, откуда его отправили в Лондон. Как мы и полагали, он готов был рассказать нам все, если только ему заплатят за информацию. Таким образом мы узнали много подробностей о деятельности Кэзмента и получили подтверждение многих телеграмм, перехваченных камерой «40 О. Б.».

В течение нескольких недель германское радио не произносило ни слова по этому вопросу. И только в апреле камере «40 О. Б.» удалось расшифровать сообщение, адресованное Дэвоем в Америку и указывавшее, что путешествие Кэзмента в подводной лодке твердо решено. Слово «овес» должно было быть передано, как только подводная лодка покинет Германию; надо было передать слово «фураж», если случится какая-нибудь неожиданная заминка. Камера «40 О. Б.» была, таким образом, предупреждена и ожидала сообщения, которое содержало бы одно из двух слов «овес» или «фураж». И действительно, 12 апреля среди перехваченных депеш была телеграмма, заключавшая в себе только одно слово «овес».

Ранним пасмурным утром в страстную пятницу 21 апреля подводная лодка показалась на поверхности воды у бухты Тралли: маленькая складная брезентовая лодочка с тремя пассажирами отчалила от подводной лодки, но, приблизившись к берегу, опрокинулась среди скал. Трое вымокших до костей людей вышли на берег. Один из них спрятался в древних развалинах, носящих имя порта Мертена, а двое других, отправившись в Тралли, вошли в лавку и спросили, не приехал ли «командующий». Их попросили присесть и подождать. Вскоре двое полицейских «королевской ирландской полиции» задержали их и хотели арестовать, но оба неизвестных отчаянно сопротивлялись, один из них, назвавший себя Бейли, все-таки был арестован, а другой скрылся. Впоследствии узнали, что фамилия его была Монтейх.

Немного позже, в то же утро, мелкий фермер Джон Мак Карти нашел кинжал в брезентовой лодке, лежавшей на песке. Тщательно обыскав всю местность близ

лодки, он нашел также маленькую металлическую коробку с револьверными пулями. Он отнес свою находку в полицию, и тотчас же были организованы тщательные поиски во всем округе. В развалившемся форту обнаружили третьего неизвестного, назвавшегося Ричардом Мортоном из Денхама, Бекингхэмшир, писателя по профессии. Он промок до костей и не мог объяснить причину своего пребывания в этих развалинах. Агенты полиции решили отправить его в свою квартиру в Аркферте. Когда его стали обыскивать, он уронил на землю клочек бумаги, сложенный пополам. На одной половине были записаны слова шифра, а на другой их значение. Этих слов было достаточное количество, чтобы заполнить телеграфные строчки:

«Ждите следующих инструкций.
Жди благоприятного случая.
Немедленно пришлите агентов.
Предложение принято.
Ответьте по подводному телеграфу.
Решил ждать.
Сношения снова стали невозможными.
Сообщение по железной дороге прервано.
Железнодорожные сообщения прерваны.
Наши люди находятся в...
Необходимо получить дополнительный запас ружей.
Какое количество ружей будет вами прислано?
Пришлете ли вы план высадки в...?
Пришлите ружья и снаряды в...?
Подготовка к...
Присылайте больше взрывчатых веществ.
Пришлите другое судно в...
Нам необходимы пушки и много снарядов.
Вышлите их в...»

Поэтому можно было судить, что «Ричард Мортон» был совершенным новичком в деле тайной разведки в военное время. Только самый неопытный дилетант мог составить такой шифр, написать его по-английски и возить его с собой во время авантюры. Об этом аресте в тот же день было получено сообщение в Лондоне, но личность арестованного еще не была установлена. В субботу вечером 22 апреля я был дежурным в Скотланд-ярде по наблюдению за налетами. В 10 ч. 30 мин. меня вызвали по моему частному телефону из адмиралтейства. Адмирал сэр Реджинальд Холл сам был у теле-

фона. «Знаете ли вы, кем оказался иностранец, который высадился вчера из складной лодки в Кюрранане?»

— Вы шутите.

— Нисколько, завтра утром он будет здесь, и вы им займетесь.

Не было надобности называть его по имени. Мы оба ждали уже в течение нескольких недель прибытия Кэзмента.

Но не только это событие нарушило спокойствие бухты Тралли в ту памятную страстную пятницу. Английский корвет «Блюбелл», охранявший побережье, заметил небольшой пароход, вид которого показался ему подозрительным. Он шел под норвежским флагом, и на корме его виднелось действительно норвежское название. Но капитану «Блюбелл» показалось, что вид такого парохода уж чересчур норвежский, чтобы на самом деле принадлежать этой стране. В момент, когда он был замечен капитаном, пароход стоял на якоре близ Дун Хел, но прежде чем «Блюбелл» успел к нему приблизиться, он снялся с якоря. Английский офицер обследовал начерно местность и возвратился на борт «Блюбелл», который подал тогда сигнал иностранному судну, приглашая его следовать за ним в Кпенетайн для осмотра. Капитан таинственного парохода представил английскому офицеру норвежские документы, удостоверявшие, что его судно носит название «Ауд» и занимается перевозкой деревянного оборудования для рудников в Южную Африку. По словам капитана, судно пристало к берегу, чтобы привести в порядок свой груз, разваленный во время бури. Пароход как будто повиновался данному ему распоряжению и последовал за «Блюбелл», но вдруг остановился: раздался глухой взрыв, и вслед за тем судно стало тонуть. В ту же самую минуту от него отделилась лодка со всем экипажем в составе 22 человек. «Ауд» выкинул германский флаг, и весь экипаж, одетый в штатское платье, когда англичане подплыли, уже успел переодеться в форму германского флота. Они взорвали свой пароход.

Всех их перевезли в Скотланд-ярд для допроса. Они рассказали, что судно их было английским пароходом «Кастор», водоизмещением в 1 100 *т*, которое немцы захватили в начале войны и переименовали в «Ауд». Судом командовал флотский лейтенант Шпиндлер, самый неприятный из всех немецких офицеров, которых

мне когда-либо приходилось встречать. Он лгал самым нахальным, но совсем не убедительным образом, прежде всего отрицая наличие оружия на пароходе, и затем заявил, что оружие это предназначалось для германских войск в Южной Африке. Потом он стал утверждать, что пароход превращался попеременно то в торговое судно, то в военный корабль, причем перемена флага являлась достаточной для этого превращения. Мы не могли удержаться от смеха при этом заявлении, что привело его в бешенство: «Я говорю вам, что мундиры моих людей были развешены на канатах снасти и им было приказано надевать их, как только выкидывался военный флаг». Наконец, некоторые из матросов заговорили, и было установлено, что «Ауд» вез ящики с оружием для ирландцев и что он пристал к берегу у Дун Хэд в надежде, что ему удастся выгрузить это оружие.

Весь экипаж был интернирован, и адмиралтейство, желая покончить с этим делом, заставило водолаза опуститься на дно моря, там где затонул корабль. Ко мне прислали этого водолаза, краснощекого матроса, вместе с его находкой: три ружья и обломок от пулемета, которые он положил ко мне на стол. Он подробно описал, как увидел «Ауд» лежащим на боку с пробитым корпусом. Сила взрыва усеяла в этом месте твердое песчаное дно океана ружьями и сломанными пулеметами. Принесенные им ружья были не германского образца. Присутствовавший при этом морской офицер высказал предположение, что ружья эти могли быть русскими. Он позвонил по телефону русскому военному атташе, который тотчас же явился и после внимательного осмотра ружей заявил: «Да, это наши ружья. Посмотрите на марку, которой они помечены. По всей вероятности, они были взяты в сражении при Танненберге». Таким образом, даже в этой диверсивной попытке немцы старались устроиться «подешевле».

Первое мое свидание с сэром Роджером Кэзментом состоялось утром в пасхальное воскресенье. Он был увезен из Ирландии под конвоем офицера и, разумеется, вид его был не блестящий.

Однако он вошел ко мне в канцелярию с высокомерной осанкой, что, впрочем, было особым свойством его походки. Офицеры адмиралтейства и военного министерства окружили меня. Я начал с того, что попросил его назвать себя. «Вы же знаете, как меня зовут»,— отве-

чал он. Я указал ему, что он назвал себя Ричардом Мортоном, когда его арестовали. Он поднял голову и сказал: «Официально я сэр Роджер Кэсмент». Затем он попросил разрешения повидаться с одним из своих друзей, сэром Вильямом Тиррель, до продолжения допроса. Я ответил, что было бы несправедливо просить этого джентельмена присутствовать при нашем разговоре, так как он совершенно непричастен к интересующему нас делу. Было заметно, что присутствие моего стенографа раздражало Кэсмента и он все время был на-чеку. Позже, когда стенограф удалился, Кэсмент стал словоохотливее, даже встал со своего места и сел на кончик моего стола. Он был высокого роста, худой, лоб его был покрыт морщинами. Он отказался отвечать на некоторые из моих вопросов не из опасения обвинить себя, а из страха скомпрометировать других лиц. Он не хотел также ничего говорить против немцев в присутствии стенографа, но не пытался оправдываться. Я прочел ему статью из «Немецкой лаплатской газеты», автором которой считали его, и он сознался, что написал эту статью. Я заметил, что политические убеждения — это одно, а политические действия — совсем другое, на что он возразил: «Я должен действовать согласно моей совести. Некоторые ирландцы боятся действовать, но я не побоялся совершить акт государственной измены. Я не стараюсь себя оправдывать, я готов нести все последствия своей вины». Он с негодованием отвергал обвинение в том, что получил 2 400 фунтов стерлингов от немцев,— факт, отмеченный в шифрованной телеграмме Бернсдорфа.

С этого момента мы все сразу почувствовали, что он увлечен театральной стороной роли ирландского патриота, что он сам верил всему, что говорил, обладая способностью становиться одновременно и действующим лицом и слушателем. Он отдавал себе в этом отчет и не расточал зря эффектных фраз. «В тот момент я верил в дружественные чувства германского правительства. По-вашему, я, разумеется, не более как самый низкий подлец. Я никогда не желал зла вашей стране, но хотел освободить Ирландию. Я виновен в государственной измене и готов нести все последствия этой измены».

На следующее утро, при втором допросе в отсутствии стенографа, он был уже откровеннее. Он рассказал, что лежал больным, когда получил депешу, вызвавшую его

в Берлин по служебным делам. Там у него произошло бурное свидание с офицером германского генерального штаба, который приказал ему немедленно отправиться в Ирландию на пароходе «Ауд». Пароход этот вез груз, состоявший из 20 тыс. ружей и пулеметов. Кэзмент добавил, что Монтейх и Бейли настаивали на том, чтобы он разрешил им сопровождать его, и после долгих переговоров с немецким офицером решено было отправить их не на пароходе «Ауд», а с подводной лодкой. Неудача преследовала их. Подводная лодка должна была задержаться в Киле для починки, и их перевели на другую подводную лодку, которая и доставила их в Кюрранан.

Мы имели также показания Бейли, во многих пунктах расходившиеся с заявлениями Кэзмента. Последний выражал острое чувство обиды каждый раз, когда упоминали, что его попытка завербовать «ирландскую бригаду» в концентрационном лагере потерпела неудачу. Мы располагали совершенно определенными сведениями о том, как его приняли в этом лагере. Капрал, находившийся там, когда Кэзмент прибыл туда, рассказывал, что один из пленных ударил Кэзмента по лицу во время его выступления, что его освистали, и ему пришлось удалиться.

Кэзмент очень долго защищался. Когда он, наконец, замолчал, я предложил ему вопрос:

— С каких пор вы стали националистом?

— Я всегда был националистом, но не в такой степени, как теперь.

— Но ведь отец ваш был протестантом.

— Я тоже протестант или, вернее, был протестантом.

Через несколько дней после этого Кэзмент, уже находясь в тюрьме, был принят в лоно католической церкви.

Властям потребовалось несколько дней, чтобы решить, подлежит ли Кэзмент суду в военном совете, как многие другие штатские в начале войны, или же дело его должно разбираться в гражданском суде. В ожидании этого решения я отправил его в гражданскую тюрьму в Брикстон. Во вторник, на пасхе его перевели в военную тюрьму при лондонском Тоуэре.

Дело по обвинению сэра Роджера Кэзмента в государственной измене, разбиравшееся в верховном суде, займет должное место среди крупных государственных процессов. Долго обсуждались юридические трудности,

возникшие в связи с тем, что акты государственной измены были в данном случае совершены за границей. Председательствовал лорд Ридинг; генеральный прокурор Ф. Е. Смит (впоследствии граф Биркенхэд) вел обвинение, а защита преступника была поручена г. Серженту Сюлливану. Задача защитника была чрезвычайно трудной, так как он не мог опровергать фактов, признаваемых самим обвиняемым; стенограммы допросов, которые я вел, были в руках прокуратуры; в то же время некоторые из военнопленных ирландцев давали свидетельские показания против обвиняемого. В продолжение всего процесса мне пришлось сидеть как раз близ перегородки, за которой были свидетели. Солдат-ирландец, дававший весьма резкие показания против Кэзмента в связи с его посещением концентрационного лагеря, указывая пальцем на Кэзмента, не мог воздержаться от восклицания (когда судьи удалились из зала на время завтрака): «Хотите видеть предателя. Так смотрите, вот он».

Если бы дело шло не о процессе, где решался вопрос о жизни или смерти человека, можно было бы немало посмеяться при допросе свидетелей. Какой-то очень смышленый двенадцатилетний мальчуган показал, что видел, как Кэзмент прятал у себя германский шифр.

— Почему понадобилось прокурору свидетельство маленького мальчика для обвинения моего клиента в утаивании этого германского шифра? И раз свидетеля сопровождал некий Томас Дулан, почему же не вызвали означенного Дулана в качестве свидетеля вместо этого ребенка?— спросил защитник.

Не успел еще никто ответить на этот вопрос, как из-за свидетельской решетки раздался детский голосок:

— Потому что Томми Дулану всего только восемь лет. Оба знаменитых юриста на мгновение как бы замерли и потеряли способность речи.

Но Кэзмент был признан виновным и присужден к смертной казни. Его перевели в Пентонвильскую тюрьму, где он и провел свои последние дни. Затем начались неизбежные ходатайства о смягчении приговора.

Но в противовес всем этим ходатайствам в Ирландии росло возмущение против того, что дело Кэзмента из уважения к его званию разбиралось судебным порядком: «В Ирландии нас, несчастных, убивают без всяких церемоний, а Кэзмента они не посмели так убить, пото-

му что он важный барин». Армия также высказывалась очень враждебно по этому поводу: «В конце концов,— говорили солдаты,— Англия сражалась изо всех сил, тысячи людей умирали или получали ранения в каждом сражении, а в это время человек, осыпаемый почестями, по собственной воле шел к врагу, предлагая ему нанести армии удар в спину». Попытка Кэзмента убедить военнопленных нарушить присягу еще усугубила его вину в глазах солдат. В такой атмосфере правительство не могло советовать королю применить свое право смягчения участи преступника, и было решено действовать согласно требованиям закона.

Для всех оставалось тайной, почему германцы именно в то время вызвали Кэзмента из Баварии и настаивали на том, чтобы он немедленно выехал в Ирландию. Во время пребывания Кэзмента в Мюнхене какая-то немка написала кому-то из своих друзей в Ирландию, прося навести справки о прошлом Кэзмента. Приятель ее ответил коротким резюме, общий смысл которого сводился к тому, что Кэзмент — человек вовсе не влиятельный, не пользовался никакой поддержкой в Ирландии и что он скоро будет всеми забыт. Подтверждая получение этого письма, немка сообщила, что Кэзмент возбудил к себе сильную антипатию в Мюнхене. Мы знали также, что жалобы на него поступали в полицию в Христиании.

За несколько месяцев до этого, в момент, когда мы впервые получили доказательства, устанавливавшие измену Кэзмента, нами был произведен обыск в его квартире, и его чемоданы были доставлены в Скотланд-ярд. Во время первого его допроса полицейский чиновник вошел и шепнул мне на ухо, чтобы я попросил у Кэзмента ключи от его чемоданов. Я попросил их у него, и он мне ответил с важностью: «Взломайте замки. В чемодане ничего нет, кроме платья, которое мне теперь больше не нужно». Кроме костюмов в одном из чемоданов нашли дневник и счетную книгу, которая велась с 1903 г., но с большими пропусками. Через несколько дней он, вероятно, вспомнил об этих книгах, так как попросил через своего защитника, чтобы ему отдали все принадлежавшие ему лично вещи. Ему было возвращено все, кроме упомянутых книг, и вскоре от него было получено второе письмо с указанием, что в руках полиции все еще остались некоторые из принадлежавших ему вещей. Достаточно сказать, что содер-

жание его дневника было таково, что его невозможно было напечатать ни на каком языке — никогда и нигде.

Через три месяца после казни Кэзмента Бернсдорф писал: «То, что из Германии послали сэра Роджера Кэзмента принесло большой вред. Его арест, так же как и арест Бейли, ставшего осведомителем тотчас же вслед за ним, дал возможность английскому правительству помешать восстанию Керри и заставил его быть настороже без какой бы то ни было измены, исходящей отсюда». Бедный Бернсдорф не знал, что его собственные передававшиеся по радио депеши, перехватываемые камерой «40 О. Б.», и представляли собой ту самую «измену», о которой он говорил.

3 августа 1916 г. Роджер Кэзмент, которому минуло тогда 52 года, был казнен.

ГЕРМАНСКИЕ ИНТРИГИ В ИНДИИ И АФРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ

Ирландия была не единственной частью британской империи, на которую немцы возлагали свои надежды. По их мнению, Индия являлась ахиллесовой пятой в организме их врага, и в половине октября 1915 г. мы получили весьма недвусмысленное доказательство (неважно, откуда) об индо-германском заговоре крупного масштаба. Индусский комитет был образован в Берлине с самого начала войны. После своего изгнания из Соединенных штатов индусский националист Хар Даял, издатель газеты «Гадр» («Восстание») в Калифорнии, отправился в Швейцарию и в начале военных действий уехал в Берлин с Шаттопадпа и другими индусскими националистами, проживавшими до того времени в Швейцарии. Вначале немцы, чувствуя, что их случайные гости полностью в их руках, обращались с ними несколько холодно, но эти отношения изменились, когда двое или трое немцев, считавшихся специалистами по индусскому вопросу, убедили свое правительство создать особый комитет под председательством немца для обсуждения возможности организовать восстание в Британской Индии. Они организовали бюро печати для пропаганды на туземном языке и выработали план подкупа военнопленных индусов. Однако, несмотря на тонны бумаг и море чернил, истраченные для этой цели, дело не двигалось вперед, пока, наконец, в марте 1915 г. индусскому землевладельцу Пертабру пришла в голову

мысль явиться к немцам под видом индусского князя. Он имел некоторое право носить этот титул, так как был сыном свергнутого правителя одного мелкого княжества. Получив от правительства Индии паспорт по рекомендации человека, лойяльность которого не подлежала никакому сомнению, он прибыл в Швейцарию через Марсель и немедленно вошел в сношения с Хар Даялом, который его представил германскому консулу. Нетрудно угодить германскому чиновнику, когда являешься к нему в качестве индусского князя. Хар Даял, который прекрасно знал подлинный сан и значение Пертабра, охотно согласился участвовать в этой комедии. Впрочем, Пертабр в совершенстве играл свою роль; он вел себя сдержанно, и его надменное обращение заставило германского консула в Швейцарии поверить, что он имеет дело с настоящим раджой. Когда его пригласили ехать в Германию, Пертабр решительно заявил, что ни за что не переедет границу, пока не заручится обещанием, что кайзер примет его лично. Такое положение вещей сильно соблазняло Хар Даяла, ибо он становился тогда посредником между двумя повелителями и можно было ожидать, что деньги польются рекой.

Все это мы узнали от наших агентов в Швейцарии, непосредственно следивших за всеми передвижениями Хар Даяла и его друзей, и уже все было подготовлено для официальной проверки паспорта этого раджи и установления его подлинной личности. Кроме того, мы пользовались также советами высшего должностного лица Великобритании в Индии, прикомандированного к военному министерству.

После нескольких поездок из Швейцарии в Германию консул, наконец, вернулся из Берлина с известием, что аудиенция у кайзера обеспечена. Германский чиновник, прощаясь и желая счастливого пути Пертабру, не мог воздержаться, чтобы не попросить его замолвить о нем словечко всемогущему монарху, когда он будет ему представлен.

Пертабр, без сомнения, воображал себя верхом на горячем белом коне во главе толпы завоевателей и ясно представлял себя в роли нового освободителя Индии, принимающего в Дели выражение верноподданнических чувств от туземных князей. Быть может, ему и удалось бы разжечь воображение кайзера, хотя трудно себе представить, чтобы императорский ум мог допустить

завоевание Востока кем-либо другим, кроме него самого, также скачущего на белом коне. Как бы то ни было, миссия под председательством «князя» Пертабра в составе трех германских офицеров и нескольких военнопленных индусов предприняла путешествие в Индию, чтобы поднять афганского эмира против Индии. Миссия эта проехала через Константинополь в первых числах сентября, а затем исчезла. Много позже стало известно, что она не поехала дальше Афганистана и что некоторые из членов этой миссии потом шатались бродягами по Центральной Азии.

Однако этим еще не закончилась деятельность индусского комитета в Берлине. Несколько месяцев спустя в наши руки попал чрезвычайно курьезный документ из области августейшей пропаганды. Это было письмо, написанное кайзером на имя правящих князей в Индии. Письмо это было сфотографировано в уменьшенном виде, и фотография немного больше почтовой марки спрятана была в маленькую герметически закрытую трубочку, которая в случае ареста или обыска посланного могла быть введена в известную часть тела — довольно странное место для монаршей корреспонденции. В этом письме он обращался к индусским князьям с призывом к восстанию против их британских угнетателей и приглашал их стать под покровительство единственного великого монарха в мире.

Незадолго до войны немецкие агенты вели работу среди племен центральных провинций Триполи, и, когда вспыхнула война, им удалось возбудить вражду к союзникам в племени сенусси.

Немцы проявляли такую же активность по отношению к маврам, как и к арабам. Но и в этом случае все усилия их остались тщетными. Работа немецких агентов в Марокко представляла огромные трудности. Один из них действительно едва не довел сенуссинские племена до восстания, но туземцы требовали оружия. Не оставалось ничего другого, как объявить им, что оружие уже выписано и что с минуты на минуту должен прибыть корабль, который его доставит. С помощью такого рода обещаний немецкому агенту удалось поддерживать их надежды до того момента, когда показались огни приближавшегося судна. Все племя бросилось на берег, чтобы присутствовать при выгрузке столь желанного оружия. Но вдруг ослепительный луч света блес-

пул с корабля, озарив весь берег. Это был французский военный корабль, и в следующую секунду бомба, выпущенная одной из огромных пушек, упала среди деревни. Итак, оказалось, что их все время обманывали. Они стали шопотом совещаться между собой. Никто точно не знает, что потом произошло, а немецкий агент уже ничего не может рассказать.

К преувеличениям туземцев следует, вообще говоря, относиться скептически, но все же слух, распространенный в Танжере, что этого немца пригласили к обеду, где его угостили каким-то кушаньем, от которого он к концу пира, будучи весьма тучным, лопнул и испустил дух, недалек от истины.

ГИБЕЛЬ ЛОРДА КИТЧЕНЕРА

В июле 1915 г. возвращавшиеся с фронта офицеры заметили, что Лондон охвачен волной пессимизма, столь же неразумного, как и оптимизм, который ему предшествовал. Крики «посмотрите на карту» не сходили с уст всех высокопоставленных пессимистов. Если бы мы все смотрели на карту, вместо того чтобы трезво оценивать события, мы должны были бы притти в отчаяние. К счастью, география не особенно хорошо преподается в английских школах. Мы знали только, что наши солдаты лучше германских и что, если успех войны, как нам говорили, зависел от числа германцев, которых мы убьем, мы должны были в конце концов одержать победу; а если, как не переставали повторять враги, ставка была на бо́льшую выносливость, мы наверное могли продержаться дольше, чем они. Я вспоминаю, как один морской офицер ответил в ноябре 1915 г. лицам, критиковавшим способ ведения войны: «Если бы наше адмиралтейство и наше военное министерство, а также и все другие ведомства нашего правительства были совершенны, мы давно проиграли бы войну».

Однажды пришлось прибегнуть к запрещению крупной ежедневной газеты. 5 ноября 1915 г. газета «Глоб», часто приходившая на помощь полиции, поместила сообщение, что лорд Китченер подал прошение королю о своей отставке, тогда как он фактически покидал страну, отправляясь с важным поручением, которое ни в каком случае нельзя было предавать гласности. На следующее утро был издан приказ закрыть газету. Я не-

достаточно знал технику печатания газеты, а нужно было указать моим сотрудникам, какую деталь машины требуется изъять, чтобы приостановить процесс печатания.

Мы вошли в типографию в 5 ч. 30 мин. пополудни.

Машины работали полным ходом в подвале. Продавцы газет сновали взад и вперед, входя и выходя из помещения. В то время как один из моих инспекторов предъявил типографии декрет о прекращении выпуска газеты, я спустился в подвал. Внезапно, по распоряжению, переданному из конторы, машины остановились. Я воспользовался наступившим перерывом, чтобы обратиться с вопросами к одному весьма любезному сотруднику, принявшему меня, по всей вероятности, за какого-нибудь знатного посетителя, которому нужно показать типографию.

— Предположим,— сказал я ему,— что вы захотели бы, не производя никакого повреждения, изъять одну из частей всего этого механического аппарата, так, чтобы остановить машины, до тех пор пока изъятая часть не будет восстановлена. Скажите, какую часть вы изъяли бы?

— Это очень легко,— сказал он,— пойдемте со мной. Он подвел меня к одному из моторов и вынул из него довольно легкую металлическую часть, которую можно было поднять одной рукой. Я поблагодарил его и покинул типографию, унеся с собой эту часть. Вот каким образом был приостановлен выпуск газеты «Глоб», правда, только на несколько часов, так как руководство редакции газеты не замедлило договориться и войти в соглашение с правительством.

В 1916 г. австрийская подводная лодка остановила в Средиземном море корабль, на котором находились полковник Напир и капитан Вильсон с дипломатическим багажом британской миссии в Афинах. Очевидно, слух об этом как-то распространился, так как подводная лодка тотчас же потребовала, чтобы ей выдали полковника Напира. Багаж был выброшен за борт, но один из чемоданов, недостаточно тяжелый, всплыл на поверхность и был поднят подводной лодкой. Другой чемодан был спрятан одной из пассажирок, и капитан Вильсон доставил его в Англию. Полковник Напир был интернирован в Австрии. Чемодан, захваченный подводной лодкой, был отправлен в Берлин. В нем нахо-

дились доклады секретных агентов, в которых греческий король Константин был предметом весьма бестактных и нелестных отзывов. Этот инцидент представлял собой слишком выгодный случай, чтобы германские пропагандисты им не воспользовались. Копии писем были посланы королю Константину, который пригласил к себе английского военного атташе и показал ему эти письма.

Известие о гибели военного корабля «Гампшир» вместе с лордом Китченером и со всем его штабом было самым крупным ударом, который испытали англичане с самого начала войны. Этот человек мобилизовал и создал огромную армию, он руководил обучением этой армии и послал ее на фронт, где помощь ее была неоценима. Лорд Китченер был героем страны, потеря его была непоправима,— без него победа казалась невозможной.

По поводу кончины лорда Китченера было пущено столько легенд, что не бесполезно припомнить все установленные факты. Лорд Китченер был послан британским кабинетом в Санкт-Петербург через Оркнейские острова и Архангельск, чтобы помочь царскому правительству организовать снабжение русской армии военным снаряжением. Он отправился с избранной свитой военных, дипломатов и экспертов, и его сопровождал также один из моих бывших сотрудников, которому была поручена личная охрана лорда Китченера.

«Гампшир» снялся с якоря 5 июня 1916 г., эскортируемый двумя истребителями. Сильный ветер, дующий с северо-востока, вскоре превратился в бурю, когда броненосец находился уже в открытом море. Волны были настолько высоки, что оба истребителя не могли следовать за кораблем, который они сопровождали, и должны были несколько отстать. Обыкновенно оба канала ежедневно прочищались от неприятельских мин, но плохая погода мешала выполнению этой работы уже несколько дней. Адмирал Джеллико решил поэтому, что «Гампшир» пойдет по западному каналу, по которому постоянно плавали его легкие суда. В 7 ч. 30 мин. вечера «Гампшир» наткнулся на мину и, получив пробоину в носовой части, затонул менее чем в 15 минут. Лорд Китченер находился на палубе вместе с капитаном и пошел ко дну вместе с кораблем. Только 14 чело-

век доплыли до скалистого берега в маленькой лодке, и двое из них умерли от холода при высадке.

Согласно одному секретному документу выяснилось, что 29 мая германская подводная лодка «У-75» заложила 22 мины в западном канале, без специального намерения по отношению к броненосцу «Гампшир», так как никто даже в Англии не знал, что он пойдет по этому пути. Мины были заложены там потому, что немцы предполагали, что великий флот пройдет по этому каналу.

После гибели «Гампшира» было выловлено несколько мин; одна из них была так глубоко заложена, что плавала на глубине 7 *м* при приливе, значит, она была безвредна даже для корабля крупного водоизмещения. Но при отливе корабль типа «Гампшир» мог легко на нее наткнуться. Это событие вызвало всякого рода слухи и сплетни. Передавали шопотом, что высокопоставленные особы хотели избавиться от Китченера, и тот факт, что по своем возвращении из Средиземного моря он подал в отставку с поста военного министра (отставка эта не была принята Асквитом) приводился в подкрепление этих злословий. Некоторые полагали, что он оставался в живых и находился в руках германцев; даже сестра его не хотела верить его смерти. Третьи, смешивая пленных Гампширского полка с броненосцем того же имени, утверждали, что экипаж этого корабля был интернирован в Германии вместе с лордом Китченером. Были и такие, которые уверяли, что он остался руководить нашим шпионажем в Германии, затем, что он прибыл в Россию, что он мобилизовал войска в Китае и Японии, и, наконец, через год после его смерти какой-то наглец имел даже дерзость привезти в Англию из Норвегии гроб, в котором, по его словам, находились останки лорда Китченера.

Один инцидент придал известную долю правдоподобия всем этим фантастическим слухам. Адмиралтейство в одиннадцатом часу 6 июля послало сообщение о катастрофе первому министру и телеграфировало тотчас же адмиралу Джеллико, прося его сообщить подробности, в то время как адмиралтейство редактировало официальное коммюнике, которое было отослано в полдень во все бюро печати. Через несколько минут ответ от Джеллико, содержащий новые подробности, был доставлен в Даунинг-стрит, и тогда по телефону было

приказано задержать опубликование первой версии. Но было слишком поздно. Иностранные корреспонденты уже послали сообщения в свои газеты во все концы мира. Известие это, по всей вероятности, было даже передано по телефону в Берлин одним новым агентством в Голландии. Исправленное коммюнике, которое отличалось от первого только добавлением двух строк, не дошло до английской публики до 1 ч. 30 мин. пополудни. Таким образом, факт, что гибель лорда Китченера стала известна в Германии и за границей раньше, чем в Англии, являлся достаточным в эти тревожные дни, чтобы породить самые прискорбные выдумки.

ПЕРВЫЕ НЕМЕЦКИЕ ШПИОНЫ

От уголовного розыска, которому я мог бы посвятить себя целиком, меня отвлекала работа по выявлению шпионов, для которой адмиралтейство и военное министерство не располагали ни необходимым персоналом, ни достаточным количеством тюрем. В моем распоряжении было и то и другое, кроме того я был судьей и членом прокуратуры. Поэтому невольно эти оба министерства привыкли с самого начала войны присылать мне на просмотр свои дела.

Очень много писали о шпионах, которые были арестованы, судимы и казнены в Англии. И мне нет надобности повторять то, что было уже сказано много раз. Но большинство писавших по этому вопросу получали сведения от третьих лиц, между тем как я получал информацию из первых рук. Это послужит мне оправданием, если я позволю себе рассказать еще раз историю первого шпиона, прибывшего в Англию после объявления войны,— Карла Ганса Лоди.

Я уже описывал, каким образом счастливая охота, предавшая в наши руки всех немецких шпионов накануне объявления войны, дала нам возможность отправить наши первые семь дивизий по ту сторону Ламанша, не потеряв ни одного человека. Это может служить доказательством того, что немецким осведомителям были обрезаны крылья и они ничего не знали о том, что происходило в Англии в эти роковые дни. Но мы были уверены, что Германия не замедлит заместить интернированных нами шпионов другими. Первые сведения мы получили из депеши, адресованной в Стокгольм Адоль-

фу Бурхгардту и задержанной цензурой, потому что следы Бурхгардта уже были открыты. Он собирал посланную немецкими шпионами информацию. Телеграмма эта была послана из «Северной Британии», гостиницы в Эдинбурге, и была подписана фамилией Инглиз. Отдел почтовой цензуры, только что начавший функционировать, получил тогда распоряжение читать все письма, посылаемые по этому адресу; было также произведено тайное следствие для наведения справок об отправителе этих писем. Оказалось, что это был мнимый американский турист, некий Чарльз А. Инглиз. По всей вероятности, он проник сюда с группой бельгийских беженцев и потому не привлек к себе внимания полиции, когда высадился в порту. Через два дня после получения телеграммы было перехвачено письмо на имя Бурхгардта, написанное правильным английским языком и содержащее военные сведения об укреплении берегов и вооружении военных кораблей. За этим посланием последовали три другие телеграммы, не оставлявшие никакого сомнения относительно деятельности их автора. Мы попытались установить личность Инглиза через посредство американского посольства в Берлине и получили ответ, что американец по имени Чарльз А. Инглиз просил выдать ему паспорт для возвращения в Соединенные штаты. Паспорт его был отправлен с несколькими другими паспортами в министерство иностранных дел в Берлине и там «затерялся». Обещали произвести основательные поиски, но так как господин Инглиз выражал нетерпение, желая поскорее вернуться домой, то американский посланник выдал ему новый паспорт, и он отправился с пароходом в Нью-Йорк. Между тем в Шотландии существовал второй Чарльз Инглиз, собиравший военную информацию для Бурхгардта. Было известно, что это лицо является агентом, поддерживающим связь с немецкими шпионами.

Вначале все это еще не представляло особой опасности, хотя и было точно установлено, что автор писем, адресованных Бурхгардту, был шпионом, так как нами была перехвачена вся его корреспонденция. Поэтому мы решили предоставить ему свободу действий еще на некоторое время в надежде получить подробности о тех, для кого он работал, а также о роде информации, которая была ему особенно нужна. Инглиз оставался недолго в эдинбургской гостинице, он нанял квартиру

под видом американского туриста, осматривающего достопримечательности страны. Он взял также велосипед и отправился в порт Розит, где проявил слишком много любознательности для обыкновенного туриста. Ввиду невозможности следовать за ним во всех его экскурсиях, не возбуждая его подозрений, работники контршпионажа получали сведения о всех его передвижениях из его писем в Бурхгардту. Очевидно, эти письма никогда не достигали своего назначения, за исключением одного, в котором излагалась знаменитая, но далеко не правдивая история о переходе русских полков через Англию. Все эти письма были написаны на немецком и на английском языках обыкновенными чернилами. Их тщательно осматривали, чтобы убедиться, что в них ничего не было написано симпатическими чернилами, однако осмотр этот не дал никаких результатов. Из Эдинбурга Инглиз приехал в Лондон и остановился в гостинице в квартале Блюмсбери, в котором было множество семейных пансионов, роковым образом привлекавших всех шпионов во время войны. Здесь он стал интересоваться нашей противовоздушной защитой, довольно скудной в начале войны. Через двое суток он уже вернулся в Эдинбург и 26 сентября выехал в Ливерпуль, где происходило переоборудование океанских пароходов во вспомогательные броненосцы. Послав всю эту информацию, которая могла бы быть весьма полезной немцам, если бы она до них дошла, он отправился в Холей-Хэд и сел на пароход, направлявшийся в Ирландию. Допрос, которому его подвергли при высадке на берег, уже несколько расстроил его нервы. Ему дали возможность, однако, отправиться в Дублин, и здесь он, поселившись в гостинице «Грешэм», где находились также и другие американцы, написал своему шведскому корреспонденту, что начинает испытывать некоторую тревогу.

Настало время действовать, так как он покинул Дублин, направляясь в Киларни, несомненно с намерением сесть на пароход, уходивший в Принстоун. Мы обратились с просьбой к королевской ирландской жандармерии арестовать и задержать его до прибытия полицейских агентов из Скотланд-ярда. В его багаже нашли паспорт на имя Чарльза Инглиза, который был «затерян» в германском министерстве иностранных дел. Фотография Чарльза Инглиза была заменена фотографией

Карла Лоди. Его письма к Бурхгардту разоблачили его настоящую фамилию. Кроме того, у него нашли 175 фунтов стерлингов бумажными и золотыми деньгами, записную книжку с подробностями о морском сражении, имевшем место несколько недель назад в Северном море, адреса разных лиц в Берлине, Стокгольме, Бергене и Гамбурге и копии четырех писем, адресованных в Стокгольм.

Это было первое дело по шпионажу, которое пришлось разбирать нашему новому трибуналу. По правую руку от меня сидел очень искусный «майор», сражавшийся на юге Африки и не имеющий соперников в деле собирания улик против шпионов. Не имея права называть его настоящей фамилией, я назову его майор Свани. Слева был начальник морской разведки сэр Реджинальд Холл. Лоди был худой, высокий брюнет, смотревший в упор на судей злыми глазами из-под резко очерченных бровей. Когда я спросил, как его зовут, он сейчас же ответил: «Карл Ганс Лоди». Увидев на моем столе письма, написанные его собственной рукой, он вынужден был во всем сознаться. Ганс Лоди рассказал, что был офицером в германском флоте и был переведен в запасные кадры по собственной просьбе за несколько лет до войны. Потом он поступил на службу в пароходное общество «Гамбург — Америка Лайн» в качестве гида для туристов. В этой должности он путешествовал по всей Англии. Его длительное пребывание в Америке дало ему возможность усвоить довольно ярко выраженный американский акцент, и он достаточно хорошо говорил по-английски, чтобы сходить за американского туриста. В июле 1914 г. он находился в Норвегии и 4 августа, когда война с Англией стала неизбежной, отправился в Берлин, чтобы предложить свои услуги адмиралтейству в качестве секретного агента.

Его судили в Военном совете на Вестминстерском Гильдхолле 30 и 31 октября. Он был признан виновным и присужден к смертной казни. Пять дней спустя он был расстрелян в лондонском Тоуэре.

14 февраля прибыл в Ливерпуль немецкий шпион такой комической наружности, что вряд ли мог иметь какие-либо шансы на успех. Это был Антон Купферле, бывший унтер-офицер германской армии. Каким образом фон Папен, военный атташе в Вашингтоне, мог

финансировать и послать в неприятельскую страну человека с такой подлинно немецкой наружностью, при этом совершенно не владеющего английским языком, совершенно непонятно.

Этот Купферле называл себя представителем фирмы шерстяных изделий, утверждал, что он по происхождению голландец; действительно, некоторая доля правды была в его словах, так как он когда-то вел торговлю шерстяными материями под фирмой Купферле и К°. Во время переезда через океан он проявлял большую словоохотливость, беседуя со всеми иностранцами и выдавая себя за американского гражданина, едущего в Англию по делам. Из Ливерпуля он отправил письмо в Голландию, в адрес, уже известный военному министерству как адрес агента, получавшего сообщения от шпионов, за которым цензура установила самое строгое наблюдение. С внешней стороны письмо это было незначительным, но после химического анализа между строчками была раскрыта подлинная цель этого послания, написанного симпатическими чернилами. Купферле посылал сведения на немецком языке о всех военных кораблях, замеченных им во время переезда через океан. Из Ливерпуля он отправился в Дублин, а оттуда в Лондон, где был арестован вместе со всем багажом и доставлен в Скотланд-ярд. В его чемодане нашли бумагу, совершенно сходную с той, на которой были написаны письма симпатическими чернилами, а также весь материал, необходимый для этой работы.

Пред нами предстал ярко выраженный тип немецкого унтер-офицера, сухого, натянутого и грубого. Он не пытался прикрыть дымкой невинности свою недавнюю деятельность и ограничивался самыми односложными ответами. К тому времени административный аппарат, заменявший гражданский суд в военном совете, уже был в действии, и это дело было передано в суд в «Олд Бейли», заседавший под председательством «лорда, главного судьи» Англии и двух других судей, соблюдавших весь церемониал и всю пышность, присущие этому историческому трибуналу. Сэр Джон Саймон, генеральный прокурор, вел обвинение, а сэр Эрнест Уайльд был представителем защиты. Улики, подтверждавшие виновность подсудимого, не оставляли никаких сомнений относительно исхода процесса. Суд удалился на совещание в уверенности, что вновь соберется

на следующее утро, но второе заседание оказалось уже излишним. Главный надзиратель Брикстонской тюрьмы услыхал ночью глухие удары, раздавшиеся из камеры Купферле. Он поспешно оделся и встретил в коридоре ночного надзирателя, который сообщил, что ему не видно Купферле через глазок его камеры. Бросились к заключенному и, открыв дверь, увидели, что Купферле повесился на форточке окна камеры.

Он затянул петлю шелковым платком и встал на толстую книгу, которую затем оттолкнул ногой. На стук, который произвел непроизвольно ногами повесившийся, вошел надзиратель. Было сделано все, чтобы вернуть его к жизни, применяли искусственное дыхание, но напрасно.

Хотя Купферле и родился в Баварии, но он был насквозь проникнут прусским духом, и вся его психология была психологией пруссака. Надо полагать, что в начале войны он сражался на западном фронте. На лице у него был рубец, происходивший, по всей вероятности, от удара прикладом. Его похоронили на кладбище Стретамского парка.

УСИЛЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ШПИОНАЖА

В течение всего 1915 г. мы никогда не знали, что принесет нам завтрашний день. Среди вороха перехватываемых почтовой цензурой писем каждый день отбирались очень многие, требующие расследования либо потому, что они были адресованы какому-нибудь подозрительному лицу, либо потому, что в них было много неясного. В таких случаях приходилось вызывать отправителя, чтобы он дал объяснения, и задержать его в случае, если его доводы казались неудовлетворительными. Если часть письма была написана симпатическими чернилами, приходилось действовать по-другому. В таких случаях мы были уверены, что имеем дело со шпионом, но все же предпочитали оставлять его на свободе, до тех пор, покуда он сам не даст неопровержимых доказательств своей виновности.

В июне 1915 г. мы узнали, что на военном корабле, отправлявшемся из Роттердама в Буэнос-Айрес, находился некий аргентинец по фамилии Лейтер, который, как полагали, вез депешу из Берлина на имя германского посла в Мадриде. Корабль должен был зайти в порт Фалмаут. По телеграфу отдали распоряжение дол-

жностным лицам порта высадить Лейтера и привезти его в Лондон.

Как только он уселся против меня в моем кабинете, плотина, сдерживавшая его красноречие, прорвалась. Он заявил, что был служащим транспортной конторы, приехал провести свои каникулы в Европе и теперь возвращается домой. Он очень подробно описал нам свое путешествие по Германии и Голландии, и ничем нельзя было остановить нескончаемый поток его слов. Когда он кончил, я спросил его: «Для чего вы едете в Испанию?» Он снова начал свое словоизвержение, но так и не ответил на мой вопрос. Каждый раз, когда он останавливался на секунду, чтобы перевести дух, я повторял свой вопрос: «Для чего вы едете в Испанию?» В конце концов он не выдержал и, вскочив с кресла, закричал:

— Ну, да, я еду в Испанию,я везу туда депешу князю Ратибору, германскому посланнику в Мадриде.

— Благодарю вас, где же находится эта депеша?

— Она зашита в спасательном поясе, находящемся у меня в каюте.

Это было как раз то, что я хотел знать. Лейтера отправили в концентрационный лагерь. С помощью радио депеша было во-время отыскана в указанном месте и доставлена нам. Она сослужила нам огромную службу.

Время от времени нам присылали подозрительных лиц, арестовываемых во всех уголках света. В октябре 1915 г. офицер, осматривавший паспорта пассажиров на пароходе «Блю Фунель» в Средиземном море, натолкнулся на человека, паспорт которого показался ему фальшивым. Человек этот был арестован и отправлен в Египет. Но в Каире ему сильно не повезло. На допросе, когда он только что дал волю своей фантазии, один английский офицер, узнав его, подошел к нему и воскликнул, хлопнув его по плечу: «Алло, фон Гумпенберг». Тут уже было бесполезно далее скрывать свою личность, и он признался, что он барон Отто фон Гумпенберг, бывший начальник гусарского эскадрона смерти.

Как раз в этот период немцы стали пользоваться торговыми связями для шпионажа, и Англию вдруг стали наводнять потоки торговых представителей, в особенности представителей фирм, торгующих сигарами. Цензура начала останавливаться на телеграммах, содер-

жавших заказы на огромное количество сигар, отправляемых в военные порты, как Портсмут, Чатам, Девенпорт и Дувр. Мнимые адресаты были по большей части обладателями голландских паспортов, хотя их действительная национальность была крайне неопределенна. Заказы были адресованы фирме Диркс и К° в Роттердаме, однако, когда наш агент отправился по этому адресу, он ничего там не обнаружил, кроме крошечной лавчонки, на полках которой было разложено несколько образцов заплесневелых сигар. На деле лавчонка эта была передаточным пунктом для писем шпионов, которых мы еще не знали. Фирма Диркс и К°, умещавшая свою контору в маленькой лавочке, была представлена двумя лицами, из которых одно находилось в южных провинциях, а другое в Ньюкестле. Правда, английские офицеры не воздерживаются от курения, но все же они не имеют привычки потреблять такое огромное количество гаванских сигар. Были найдены оба представителя: Хайке Петрус Маринус Янсен и Вильгельм Иоганнес Роос, которые как раз в это время посетили Лондон и были немедленно доставлены в Скотланд-ярд.

Мы решили допросить сначала Янсена. Это был человек приблизительно 30 лет, германского типа, обладавший большим хладнокровием. Он сделал вид, что не владеет немецким языком, что никогда не был в Германии и даже чувствует определенную антипатию к германцам. Он выдавал себя за моряка по профессии.

Я спросил его, почему его хозяева пригласили моряка для продажи своих сигар. Не отвечая прямо на мой вопрос, он рассказал, что, не имея возможности получить место офицера на корабле, он был рекомендован одним из своих друзей г-ну Дирксу, искавшему представителя, хорошо владеющего английским языком. Я спросил его, не был ли он единственным коммивояжером, работающим для фирмы Диркс в Англии, он ответил утвердительно.

— Знакомы ли вы с неким господином Роос?

— Нет, я никогда не слыхал о нем.

— Прекрасно,— сказал я,— это все, что мне хотелось пока знать.

Инспектор полиции увел его в соседнюю комнату и пригласил Рооса в мой кабинет. Этот тоже был моряк, высокий, крепкого сложения молодой человек, еще бо-

лее немецкого вида, чем его коллега. Он также назвался представителем Диркса и добавил, что у Диркса было два коммивояжера, он сам и некий Янсен.

— Вы узнаете его, если увидите?

— Разумеется, я очень хорошо его знаю.

Я нажал кнопку звонка, и в кабинет ввели Янсена. Увидев Рооса, сидящего в кресле, он сделал ему знак глазами и губами, но, разумеется, было уже поздно.

— Вы знаете этого человека? — спросил я.

Роос кивнул утвердительно головой, а Янсен не сказал ни слова.

Я отправил их обоих в тюрьму на Кеннон-роу, в полицейский участок при Скотланд-ярде. По дороге Роос вдруг бросился к стеклянной двери автомобиля, разбил стекло и, проводя кистью рук по осколкам, попробовал открыть себе артерию. Его тотчас же отправили в находившуюся поблизости вестминстерскую больницу для перевязки, а затем отвезли его в такси обратно в тюрьму, где он был поставлен под строгое наблюдение из опасения, что он покончит с собой. Шифр, которым пользовались эти двое, был детски прост. Они посылали депеши с заказами на 10 тыс. Кабанас, 4 тыс. Ротшильдов, 3 тыс. Корона и проч. Такого рода телеграмма, посланная из Портсмута, означала, что в порту находилось 10 истребителей, 4 броненосца и 3 крейсера. Ни тот, ни другой не могли доказать, что они действительно вели торговлю или получили хотя бы одну сигару. Два или три дня спустя они во всем сознались, и Янсен даже дал весьма полезные сведения об организации целой системы германского шпионажа в Голландии. Он добавил, что все его симпатии были скорее на стороне союзников и что он сам не понимал, почему согласился пойти на службу противной стороны.

В тюрьме Роос представился сумасшедшим, и его защитник просил считать его невменяемым. Тем не менее, оба шпиона были приговорены к смертной казни и были казнены 30 июля в лондонском Тоуэре. Известие об этой двойной казни тотчас же дошло до Голландии, и немцам стало все труднее вербовать шпионов из лиц, являвшихся подданными нейтральных стран.

В мае и июне 1915 г. семь неприятельских шпионов были арестованы в течение двух недель. Самыми интересными из них были Фернандо Бушман и Жорж Брикоф, оба музыканты. Бушман не нуждался в деньгах,

так как женился на дочери богатого фабриканта мыла в Дрездене и получил необходимые средства для изучения интересовавшего его авиационного дела. Помимо этого он был довольно хорошим скрипачом и обладал всеми качествами культурного музыканта. Его отец происходил из Германии, но принял бразильское подданство, и Бушман, родившись в Париже, имел латинскую кровь в своих жилах. Он провел детство в Бразилии, где его поместили в немецкую школу. В 1911 г. он изобрел новый тип аэроплана, и французское правительство разрешило ему произвести испытания его самолетов на аэродроме в Иссн. За три года до войны он успел объехать всю Европу, и, когда начались военные действия, секретная германская разведка завладела им, пользуясь его влечением к авантюрам. Его послали в Испанию и Италию. В 1915 г. он побывал в Барселоне, в Мадриде, затем во Флюссингене, Антверпене и Роттердаме. Невольно напрашивается вопрос, каким образом руководители антверпенской школы шпионажа могли быть столь неосмотрительны, чтобы навязать Бушману роль коммивояжера. Обман прямо бросался в глаза, так как Бушман был слишком хорошо одет, слишком культурен для такого рода занятий и, кроме того, ровно ничего не смыслил в торговых делах. Он приехал в Лондон с фальшивым паспортом и остановился в хорошей гостинице со своей скрипкой — инструментом, который едва ли является предметом первой необходимости для коммивояжера. Спустя несколько дней он переменил местожительство и снял квартиру сначала в Брикстоне, а затем в Южном Кенсингтоне [1]. Он полагал, что этого было достаточно, чтобы скрыть следы от полиции и дать ему возможность свободно путешествовать по Англии. Прежде всего он поехал в Портсмут и Саутхэмптон. Заметки, найденные в его бумагах, показывают, что его начальники нисколько не считались с его познаниями в области авиации и использовали его в качестве морского шпиона.

К несчастью, он, нуждаясь в деньгах, вынужден был обратиться к нашей старой знакомой — фирме Дирке и К°. Письмо его было задержано цензурой, и немедленно был направлен полицейский чиновник по адресу, указанному отправителем, в Южный Кенсингтон. Когда

[1] Буржуазный квартал в Лондоне.

Бушмана арестовали, у него не было ни гроша денег. «Что вы имеете против меня? — спросил он сыщика.— Я сейчас покажу вам все мои документы». Затем он начал рассказывать, словно отвечая заученный урок: он приехал в Англию для продажи сыра, бананов, картофеля, безопасных бритв и всякого другого рода предметов. Во Франции он продавал пикриновую кислоту, платья и ружья. Кто же доставлял все эти товары? Разумеется фирма Диркс и К° в Роттердаме.

На допросе я спросил его, что представляет собою фирма Диркс и К°, и он стал уверять меня, что это крупное предприятие, ведущее огромные дела в широком масштабе. Каково же было его смущение, когда я сообщил ему, что мы очень хорошо знакомы с этой фирмой, имеющей вместо конторы маленькую лавчонку и занимающейся продажей сигар. Тем временем майор Сванн, осмотрев паспорт Бушмана, узнал знакомый почерк Флореса, инструктора немецких шпионов в Роттердаме. Этот Флорес, бывший школьный учитель, обладал вычурным и весьма характерным почерком. В бумагах Бушмана нашли письмо Глейста, германского генерального консула в Роттердаме, затем письмо от полковника Остертага, военного атташе в Голландии, и, наконец, несколько других писем, полученных от лиц, принимавших активное участие в вербовке шпионов для Германии.

Бушмана судили в вестминстерском Гильдхолле 20 сентября 1915 г. и присудили к смертной казни.

Второй шпион — музыкант Брекоф, дело которого разбиралось в тот же день в другом суде,— был артистом совсем другого рода. Сын фабриканта роялей в Штетине, он сам был довольно хорошим пианистом. Трудно себе представить лиц, менее способных давать сведения о морском и военном деле, чем музыканты, и, несмотря на это, руководители германского шпионажа вербовали их на свою службу без всяких колебаний. Правда, Брекоф свободно говорил по-английски и достаточно хорошо знал Америку, чтобы выдавать себя за богатого американца, путешествующего для своего здоровья. Перед его отъездом из Голландии ему дали адрес некоей Лизи Вертгейм, немки, которая получила английское гражданство, выйдя замуж за перешедшего в английское подданство немца. Она была раз-

ведена с мужем, но имела достаточно доходов, чтобы жить не работая.

Письмо, адресованное одному из шпионских агентств в Голландии и перехваченное цензурой, привлекло наше внимание к этой паре. Оно было написано по-немецки и носило подпись Реджинальда Роланда, проживавшего в гостинице Кенсингтон. Осторожная слежка установила, что этот Роланд, зарегистрированный как американец, проживал в гостинице с некоей госпожой Вертгейм, что у него было много денег, и что чета эта нанимала лошадей в манеже, делала большие прогулки в парке и завтракала в самых шикарных ресторанах. В этом не было ничего подозрительного, кроме разве адреса лица, которому посылались письма в Голландию. Решили поэтому подождать других писем, чтобы не привлечь преждевременно внимание названной пары. Следующее письмо было уже весьма знаменательным. Роланд жаловался на расточительность Лизи Вертгейм. Жизнь в лондонской гостинице вскружила ей голову: она больше не хотела путешествовать без горничной. Мы узнали в то же время из этого письма, что она побывала в Шотландии, в то время как Роланд оставался в Лондоне для составления своих донесений. В Шотландии она повсюду разъезжала в наемном автомобиле и обращалась ко всем с бесконечными вопросами относительно флота. Молодые морские офицеры, с которыми она познакомилась в гостинице, были настолько поражены ее настойчивыми расспросами, что сообщили об этом своему начальству, и Скотланд-ярд уже шел по ее следам, ожидая подходящего момента для ее ареста, что и было выполнено, как только мы прочли вышеупомянутое письмо. Роланд был арестован в свою очередь по приезде Лизи Вертгейм в Лондон, и мне доставили их обоих в Скотланд-ярд. Я допросил сначала Роланда, оставив его сообщницу ждать своей очереди в пустой комнате.

Реджинальд Роланд, как он себя называл, был маленького роста, худой, нервный человек, с умным лицом и руками артиста. Он предъявил свой паспорт, который с первого же взгляда показался мне настолько подозрительным, что я тотчас же отправил его второму секретарю американского посольства г-ну Беллу. Во время допроса Роланда мне доложили о прибытии г-на Белла, и я прервал допрос, чтобы его принять. Он был

вне себя: «Этот паспорт,— сказал он,— подлая подделка! Посмотрите на печать. У орла лапы вывернуты, а в хвосте у него недостает пера». Это было справедливо. До сих пор немецкие пинпоны, игравшие роль американцев, имели настоящие паспорта, «затерянные» министерством иностранных дел, и в них были заменены только фотографические карточки. Мы положили паспорт Роланда рядом с настоящим американским паспортом, который принес с собой г-н Белл, и я налил несколько капель окиси хлоралгидрата на обе печати: обе они сменили краску, но по-разному. Кроме того, волокна бумаги также отличались друг от друга.

Роланда снова привели в мою канцелярию, и я стал его допрашивать об его паспорте. Он утверждал, что ему выдали его в Вашингтоне и что он не знал ни слова по-немецки. Мне показалось, что мои коллеги меня не одобряли, когда я высказал предположение, что несколько часов одиночества, по всей вероятности, будут иметь чудесное действие на человека с артистическим темпераментом. Прервав допрос, я направил его в одиночную камеру и отдал распоряжение привести ко мне Лизи Вертгейм.

Это была толстуха, одетая в яркий кричащий костюм. Мне стоило много труда заставить ее сесть. Она была вульгарна, груба и нахальна, не переставала кричать, что в качестве британской подданной она имела право путешествовать, где ей угодно. Наконец, когда мой допрос стал более жестким, она сразу встала и начала ходить взад и вперед по комнате, размахивая большим шелковым платком, словно репетируя какое-то танцовальное па. Мне казалось, что вот-вот она начнет распевать. Я призвал ее к порядку, сказав ей строгим тоном, что она находится в очень опасном положении и что будет благоразумнее, если она сядет на место и ответит на мои вопросы, в противном случае я буду вынужден передать ее в руки правосудия. Эти слова несколько успокоили ее, но так как она все же продолжала отвечать мне с большим нахальством, то я отправил ее в тюрьму.

На другое утро в воскресенье я по дороге в Кенинроу, где мне хотелось навестить Роланда, случайно встретил лорда Хершеля, представителя адмиралтейства. Я сказал ему, что иду проведать Роланда и просить его подписать опись его имущества, конфискован-

ного полицией. Лорд Хершель пошел вместе со мной. Мы уселись в большой приемной, и я приказал привести Роланда. Он был очень бледен и нервен, и я постарался придать этому свиданию совершенно официальный характер. «Я хотел бы, чтобы вы прочли этот список и посмотрели, верен ли он, прежде чем его подписать». Он взял бумагу дрожащей рукой и схватил перо. Не читая, он подписал список, но руки его так дрожали, что подпись была совершенно неразборчива. Подняв голову, он спросил хриплым голосом:

— Жизнь моя в опасности?

— Вас будут судить.

— Какое же наказание за то, что я сделал? (До сих пор он ни в чем не сознавался.) Может быть, смертная казнь?

— Не знаю,— отвечал я,— ведь вас еще не судили.

— По выражению вашего лица я вижу, что мне грозит смертный приговор. Я должен это знать. Я хочу сделать письменно полное признание.

Я сказал ему, что он может писать все, что ему угодно, но что бы он ни писал, будет, по всей вероятности, использовано против него на процессе.

— Тем хуже,— сказал он.— Я ношу в себе эту тайну уже слишком долго. Теперь я хочу сказать всю правду.

Ему принесли чернил и бумаги, и я посоветовал оставить его одного, пока он не кончит писать. Через час мне принесли его исповедь, подписанную Георг Т. Брекоф; подпись была заверена инспектором полиции. Брекоф заявлял, что с 1908 г. проживал в Америке, где был пианистом. Когда разразилась война, он вошел в сношения с организацией фон Папена, прося разрешения вернуться на родину и вступить в ряды немецкой армии. Но ему ответили, что его знания английского языка будут гораздо полезнее в отделе шпионажа в Англии. Его отправили в школу шпионажа в Антверпен, где ему был выдан фальшивый паспорт и торговый шифр для телеграмм.

Лизи Вертгейм, будучи британской подданной, должна была предстать перед гражданским судом, и таким образом оба сообщника судились у трех судей верховного суда в Олд Бейли; Брекоф был присужден к смертной казни, а г-жа Вергейм к 10 годам каторжных работ, так как считали, что она действовала под влия-

нием своего сообщника. Ходатайство о помиловании, представленное Брекофом, было отклонено, и казнь его была совершена 26 октября в лондонском Тоуэре.

Лизи Вертгейм была переведена в тюрьму Элсбери, где она отбывала свое наказание; она умерла в лечебнице для душевнобольных через два года после заключения перемирия.

Шпион, который произвел на нас самое отвратительное впечатление, был Альберт Майер, человек с весьма темным прошлым. Это был один из тех негодяев, которые живут на средства женщин, обманывают своих хозяев и обворовывают их. Письмо, полное всякого рода сведений, написанных симпатическими чернилами, было задержано цензурой; фамилия и адрес отправителя были фальшивые. Пришлось ждать. На следующей неделе было обнаружено еще несколько писем, написанных тем же почерком, но отправленных на другое имя и в другой адрес. Можно было только предполагать, что отправитель был иностранцем и проживал в Лондоне. После долгих и терпеливых поисков был арестован в меблированных комнатах человек неопределенного подданства, назвавший себя Альбертом Майером. Он переезжал с одной квартиры на другую, обещал заплатить своим хозяевам, как только получит свою пенсию от родственников за границей. Он вел образ жизни, особенно любимый шпионами, обедая один день в самом дорогом ресторане, а на другой, когда денег больше не было, за счет своих знакомых. Он не был лойялен даже по отношению к людям, которые его нанимали, так как письма его были полны всякого рода вымысла. Когда я у него потребовал образчик его почерка и ему указали на сходство этого почерка с тем, которым были написаны подозрительные письма, он ответил, что это была месть одного из его мнимых друзей и что найденные у него симпатические чернила были подкинуты в его вещи коварными друзьями. Он предстал перед судом военного совета 5 ноября и был присужден к смертной казни.

Следующим шпионом, арестованным в Англии, был некий перуанец Людовико Хурвид Цендер, скандинавского происхождения по отцовской линии. Он был настоящим коммивояжером, хотя и получил лучшее воспитание, чем другие лица этого круга. В августе 1914 г. он находился в Соединенных штатах и собирался от-

правиться в Европу по делам, так как состоял уже в то время представителем нескольких европейских фирм в Перу. Весьма вероятно, что именно после своего приезда в Норвегию он вступил в сношения с немецкими агентами секретной разведки, предлагавшими высокие оклады лицам, имевшим возможность работать для них в Англии. Телеграфная цензура обратила внимание на телеграммы, адресованные в Христианию и содержавшие заказы огромного количества сардинок. Депеши эти казались тем более странными, что не совпадали по времени с сезоном упаковки сардинок в коробки. Тотчас же навели справки в Норвегии, чтобы удостовериться в подлинности коммерсанта, которому были адресованы эти телеграммы. Узнали, что этот человек не занимался какой-либо определенной торговлей, что несколько раз его видели беседующим с германским консулом. Телеграммы были подвергнуты тщательному осмотру с целью раскрыть их шифр. Все они были отправлены Цендером. 2 июля он был арестован в Ньюкестле, где уже не старался скрываться от преследования полиции. Он сделал вид, будто чрезвычайно удивлен, что его могли подозревать в чем-либо, и охотно подтвердил, что бывал и в Глазго и в Эдинбурге. Но он не мог доказать, что действительно заключил хотя бы одну торговую сделку, и эксперты по торговле сардинками смеялись над ним, когда он уверял, что его заказы были настоящие. На самом деле они служили только для того, чтобы посылать шифрованные сведения об английских военных кораблях.

Когда все было готово для предания его суду военного совета, Цендер попросил, чтобы из Южной Америки был вызван какой-то свидетель, показания которого могли бы послужить ему на пользу. Вследствие этого процесс был отложен на восемь месяцев, и только 20 марта 1916 г. дело его было назначено к слушанию. Однако свидетель, которого с трудом удалось привезти, и путешествие которого стоило много денег, почти ничего не сказал в пользу Цендера, и этот последний был признан виновным и казнен в лондонском Тоуэре 11 апреля, через девять месяцев после ареста.

МИЛЛЕР ЖИВОЙ И МЕРТВЫЙ

В начале 1915 г. отдел военного министерства, занимавшийся контршпионажем, был обеспокоен целым ря-

дом писем, адресованных на имя одной из шпионских организаций в Голландии. Отправитель этих писем хорошо писал по-английски, и написанные обыкновенными чернилами послания его казались совершенно невинными. Но между строчек были написаны симпатическими чернилами сведения, которые хотя и не имели большой ценности, но давали основание полагать, что автор их близок к открытию военной тайны; они указывали также на большую наблюдательность и подлинный ум автора, поэтому было бы крайне неосмотрительно выпустить из рук хотя бы одно из посланий этого человека. Письма отправлялись по почте из разных кварталов Лондона, и по ним никак нельзя было установить личность отправителя. Как и все шпионы, он беспрестанно требовал денег, и мы надеялись, что какой-нибудь запрос из Голландии обнаружит его местожительство. Но развязка пришла совсем не оттуда, откуда мы думали. В письме, адресованном в то же самое агентство в Голландии, были обнаружены после химического воздействия несколько строчек, написанных симпатическими чернилами. Они были написаны другим почерком, и в этом письме адресата уведомляли, что «Ц» выехал в Ньюкестль и что оттуда будет послано сообщение о «201». На почтовой марке был штемпель Дэтфорда.

Я был один в своем рабочем кабинете, когда майор Свани пришел ко мне с этим известием. Обычное хладнокровие покинуло его. «Я полагаю, что мы в конце концов все-таки поймаем этого негодяя,— сказал он.— Очевидно, под буквой «Ц» скрывается то лицо, которое мы ищем, а число «201» должно обозначать номер дома. Не могли бы вы узнать, на скольких улицах в Дэтфорде имеются дома с номерами, доходящими до 200?». Это было немедленно исполнено. Я позвонил в полицейский участок в Дэтфорде, и мне тотчас же ответили оттуда, что там имеется только одна такая улица — главная дэтфордская. Я спросил, знают ли они, кто проживает в номере 201, и меня уведомили, что там живет британский подданный, но фамилия его немецкая — Петер Ган, и что он пекарь-кондитер.

Каково же было удивление толстого маленького пекаря, когда из подъехавшего к его дому такси вышли несколько полицейских чиновников в штатском платье. Его и его жену тотчас же отвезли в Скотланд-ярд, а тем

временем инспектор произвел тщательный обыск всего помещения и нашел в уже потушенной печке, где пекли хлеб, картонную коробку, в которой находился весь необходимый материал для секретного письма. Бумага и конверты, совершенно схожие с теми, которыми пользовался таинственный шпион, подписывавшийся цифрой «201».

Мне принесли все эти предметы в момент, когда я допрашивал Гана. Инспектор, которому было поручено следствие, навел справки у соседей пекаря и узнал через одну клиентку, что какой-то высокого роста хорошо одетый иностранец часто посещал Петера Гана. Ей сказали, что это был русский, проживавший где-то в Блюмсбери. Она полагала, что фамилия его была Миллер. Усевшись в моем кресле, Ган оказался весьма скупым на слова. Он заявил, что ничего не знает о букве «Ц», отрицал, что когда-либо писал письма, и когда ему показали картонку со всем материалом для секретного шифра, он замкнулся в упорном молчании. Репутация его была не слишком чиста. Он родился в Англии от немца-отца, перешедшего в английское подданство. Он поселился в Дэтфорде и занимался там своим ремеслом (пекаря) с 1910 г., но через три года обанкротился. Однако в 1913 г. он снова открыл свою лавочку с капиталом, происхождение которого он не мог объяснить. Так как он отказывался отвечать на вопросы, то мы посадили его в одиночную камеру и тем временем допросили его жену. Эта бедная женщина вскоре вполне нас убедила, что она ровно ничего не знала обо всем этом деле. Ей было только известно, что к мужу ее приходят посетители, но каждый раз, когда она его спрашивала о них, он сердился на нее, и она больше не смела заговаривать с ним об этом. Мы отпустили ее с миром домой к детям.

Охота ограничивалась теперь кварталом, где помещались семейные пансионы в Блюмсбери. Полицейские агенты обходили все дома, требуя там списки жильцов, с целью найти в них фамилию Миллера, и, наконец, обнаружили некоего Карла Фридриха Миллера, «русской национальности». Хозяйка пансиона была убеждена, что ее жилец был на самом деле русский и вполне почтенный человек. В данный момент его не было дома, так как он уехал навестить какого-то знакомого в Ньюкестле. Мы фактически попали на правильный

след. На данное нами по телефону распоряжение арестовать Миллера ньюкестльская полиция ответила, что это будет немедленно выполнено и что на следующий день его привезут в Лондон. Конвойный, который его сопровождал, рассказывал, как Миллер был возмущен своим арестом. Он говорил, что как русский он является нашим союзником и что его арест ужасное недоразумение.

Собравшись утром в моей канцелярии, мы с нетерпением ожидали этого шпиона, который так долго скрывался от полиции и посылал столь важные сведения немцам, хотя только немногим из его писем удалось избежать цензуры. У меня на столе лежал целый пакет его писем. Он вошел ко мне, повидимому, утомленный путешествием. Это был высокий, худой мужчина, в возрасте за 50 лет, с усталым, изборожденным морщинами лицом. Он дал объяснения о своей личности довольно охотно. Уроженец Либавы, он имел некоторые основания выдавать себя за русского, хотя и был немецкого происхождения. Он побывал во многих местах, занимал место управляющего гостиницей, агента автомобильной фирмы и пр. Впрочем, по его словам, его всюду преследовали неудачи и, обремененный семьей, имея жену и детей, он согласился работать в немецкой шпионской организации. Он решительно отрицал знание немецкого языка, а также утверждал, что незнаком с Ганом. На самом деле он был отличный лингвист, свободно говорил по-английски, по-немецки, по-русски и так же хорошо по-голландски

Когда ему показали написанные его собственной рукой письма, он уселся поглубже в кресло и уже больше ничего не хотел говорить. Наше следствие установило, что он следовал той же рутине, как и другие шпионы, ухаживал за впечатлительными молодыми женщинами, знакомился с мужчинами и обещал им выгодные спекуляции.

Так как Ган был британским подданным, было решено судить обоих сообщников вместе в Олд Бейли в мае 1915 г. Обоих их признали виновными в шпионаже. Миллер был присужден к смертной казни, а Ган к семи годам каторжных работ, так как судьи считали, что он действовал под влиянием Миллера, что являлось для него смягчающим обстоятельством. 22 июня 1915 г. Миллер был отвезен в такси из Брикстонской тюрьмы

в лондонский Тоуэр и по какой-то любопытной случайности такси его на кого-то наехало на Темз-стрит. Это был час второго завтрака, и целая толпа зевак тотчас же собралась вокруг автомобиля. Иностранец, сидевший между двух жандармов и направлявшийся в Тоуэр, не мог быть не кем иным, как шпионом, и толпа стала кричать: «Немецкий шпион, немецкий шпион!». Агенты тотчас же переменили такси, но потрясение это сильно подействовало на нервы осужденного, и накануне казни он окончательно потерял присутствие духа.

В то же самое утро майор Свани снова зашел ко мне, держа в руках все письма Миллера. Он сказал, что сговорился с редакциями, чтобы печать ничего не упоминала о казни Миллера, а затем стал развивать план, который только что пришел ему в голову.

— Мне представляется жестоким,— сказал он,— лишать германцев одного из их лучших агентов. Почему бы Миллеру не продолжать посылать им всякого рода сведения?

— Но ведь они заметят, что письма написаны другим почерком?

— Ничуть, вот посмотрите.

Он показал мне письмо, которое — я готов был поклясться — было написано Миллером, и сказал мне, что почерк Миллера подделал один его знакомый молодой человек, настоящий виртуоз в области каллиграфии, который в то же утро написал это письмо.

— Что же вы намерены рассказывать немцам?

— Вещи, гораздо более интересные, чем те, которые когда-либо рассказывал им Миллер.

— И вы думаете, что они вам поверят?

— Да, потому что я всегда буду заканчивать свои письма, как Миллер, и если они мне вышлют требуемую сумму, это будет означать, что они вполне поверили моей информации.

Как ни мало вероятным может это показаться, корреспонденция покойного Миллера продолжалась еще в течение трех месяцев, несмотря на то, что некоторые сообщения были настолько невероятны, что едва ли могли обмануть даже самого наивного школьника. Именно этот случай дал нам право с полной уверенностью утверждать, что немцы, и в особенности моряки их военных судов, проявляли необычайную глупость в некоторых областях. Повидимому, тогда существовало

значительное соперничество между морскими и сухопутными силами, и у каждого были свои собственные шпионы, которые выбивались из сил, стараясь превзойти друг друга. Они так дорого платили лже-Миллеру, что наше учреждение купило за эти деньги автомобиль, который мы окрестили «Миллером». Через три месяца после его казни все посылки денег сразу прекратились. Оказалось, что у Миллера была сестра, проживавшая в Бельгии, которая, узнав об его смерти, сообщила об этом немцам. Можно себе представить удивление чиновника «секретной разведки», когда он узнал об этом обмане, его бешенство, когда он тщетно перелистывал письма, посланные Миллером, чтобы хоть приблизительно установить дату, когда он был пойман. Как он мог донести об этом своему начальству, раз он заставил его действовать на основании ложных сведений, доставляемых самим неприятелем!

После такой неудачи с немцами неприятель стал вербовать своих шпионов в Южной Америке. Так как много немцев проживало в центре и на юге Америки, то эта вербовка не представляла особых затруднений. В июне 1915 г., через несколько дней после ареста Фернандо Бушмана, две почтовые открытки, адресованные в Роттердам, привлекли к себе внимание цензуры. Они указывали, что отправитель прибыл в Англию и готов приступить к своей работе. Письмо было помечено эдинбургским штемпелем. По этим следам была брошена шотландская полиция, и через несколько дней в Лок-Ломане был арестован уроженец Уругвая, назвавший себя Аугусто-Альфредо Роггин. Это был маленький, весьма корректный брюнет, совсем непохожий на немца, хотя он и подтвердил, что отец его был немец, перешедший в 1885 г. в уругвайское подданство, и что сам он был женат на немке. В противоположность другим шпионам, он не старался делать вид, что сочувствует союзникам. Роггин заявил, что приехал в Англию для закупки сельскохозяйственных орудий и скота и что ввиду его плохого здоровья ему рекомендовали провести некоторое время в Лок-Ломане. Он прекрасно владел английским языком и сознался, что проживал в Гамбурге до марта 1914 г. В момент объявления войны он находился в Швейцарии; в мае 1915 г. его послали в Амстердам и Роттердам (несомненно для того, чтобы пройти курс обучения в немецкой школе шпио-

нажа). Он высадился с парохода Тильбери, приехав из Голландии 30 мая 1915 г., и, пробыв затем пять дней в Лондоне, где он знакомился с рыночными ценами на лошадей и на скот, направился на север. В то время он еще не заключил ни одной сделки.

Как шпион, это был один из самых неспособных людей, которых я когда-либо встречал. Во время своего путешествия на север, куда он выехал с вокзала Кингс-Кросс, он так настойчиво приставал с расспросами к своим спутникам, что возбудил в них подозрения, и они дали ему добрый совет не показываться слишком близко к побережью. В конце концов они стали проявлять к нему такую враждебность, что шпион был вынужден покинуть поезд и провести ночь в Линкольне. В Эдинбурге он встретил столь же нерадушный прием. В полицейском участке, куда он отправился для регистрации, ему стали предлагать всякого рода вопросы. Он уверял всех, что приехал в Лок-Ломан, чтобы удить рыбу, но как раз в тот момент на озере производились опыты сбрасывания бомб, и прибытие туда иностранца тотчас же возбудило подозрение. Корреспонденция при помощи открыток была одним из излюбленных приемов немецкого шпионажа. Впрочем, чтобы отвлечь подозрение, всегда советовали шпионам посылать две почтовые открытки на разные адреса.

Роггин провел всего 11 дней на свободе в Англии и не успел поэтому послать каких-либо важных сведений неприятелю. Тем не менее собранные против него улики оказались достаточными, чтобы убедить нас в его виновности, а, кроме того, в этот период времени было необходимо сделать ремесло шпиона как можно более опасным, чтобы вербовка новых работников стала все более затруднительной.

Роггина судили 20 августа, признали виновным и казнили в лондонском Тоуэре 17 сентября. Через несколько недель некий врач Эмилио Роггин был арестован на пароходе, направлявшемся из Голландии в Южную Америку. Это был брат шпиона, который был чрезвычайно поражен известием о его смерти. Он рассказал нам, что находился в Германии в момент объявления войны и германское правительство заставило его служить в качестве майора на фронте. Ему пришлось потратить много времени, чтобы освободиться от этой службы. Теперь же он направлялся в Уругвай.

Несколько недель спустя один хорошо воспитанный и обладавший изящными манерами швед в возрасте между 50 и 60 годами, по имени Эрнест Вальдемар Мелин, приехал в Англию. В жизни своей он переменил много профессий, и вся его деятельность протекала большей частью в различных европейских столицах. Когда вспыхнула война, он очутился в Гамбурге без всяких средств. Обратившись несколько раз за помощью к своему семейству, но безуспешно, он отправился в Бельгию, где, по слухам, легко было найти хорошо оплачиваемую работу. В каком-то кафе он познакомился с вербовщиком шпионов, который постоянно разыскивал граждан нейтральных государств, хорошо говорящих по-английски. Сначала Мелин будто бы не поддавался искушению, но нужда, в которой он находился, одержала верх над его сомнениями, и он был послан в школу шпионажа в Везель и Антверпен, а затем в Роттердам, где ему был выдан паспорт и адреса, по которым он должен был направлять свои донесения. Он остановился в семейном пансионе в Хемстедте (предместье Лондона), выдавая себя за голландца, торговые дела которого были нарушены движением немецких подводных лодок, и уверяя всех, что ищет службу в транспортных конторах. Его обходительное обращение и привлекательная наружность внушали такую симпатию, что все поверили его рассказам. Но полиция считала его уже весьма подозрительным, хотя не имела еще против него никаких улик, так как он еще не приступил к отправке сведений. Он поместил свои первые сведения на полях отправленных по почте газет. Немцы начали уже тогда применять этот метод. Обыск, произведенный в его квартире, обнаружил обычный материал, применяемый для секретного шифра, а также некоторое количество иностранных словарей, служивших ему кодом. По приговору военного совета 20 и 21 августа Мелин был расстрелян.

Другой немецкий шпион был открыт совершенно случайно. Почтовые чиновники в Копенгагене по ошибке опустили письмо, адресованное в Берлин, в мешок с письмами, предназначенными для Лондона. Письмо это, написанное по-немецки, сообщало, что отправитель уже собирается выехать в Англию под видом представителя фирмы, торгующей газовыми рожками, а на самом деле для получения военных и морских сведений.

Пока письмо было переведено и дошло до нас, прошло несколько недель, и об отправителе ничего не было известно, кроме того, что он продавал газовые рожки. Стали наводить справки по портовым реестрам и обнаружили, что как раз в это время молодой человек, некто Розенталь, находился на пароходе, остановившемся в Ньюкестле, и собирался направиться далее в Копенгаген, только что вернувшись из поездки по Шотландии с целью продажи газовых рожков. Еще один час промедления, и он вышел бы из территориальных вод и находился бы по закону вне пределов досягаемости. Но телеграмма пришла как раз во-время, чтобы его арестовать, высадить с парохода и привезти под конвоем в Скотланд-ярд, куда он прибыл в тот же день.

Он начал с того, что стал во всем отпираться: он вовсе не немец, он никогда не был в Копенгагене, ничего не слыхал о гостинице, из которой было послано письмо. Я заставил его написать две или три фразы по-немецки. Почерк оказался совершенно схожим с почерком письма, которое я еще не показывал Розенталю. Дело было уже к вечеру, но еще достаточно светло, чтобы он мог прочесть это письмо. Я наклонился к нему, как вдруг вздрогнул от внезапного движения кресла и щелкания каблуков. Розенталь стоял передо мной, вытянувшись и держа руки по швам, как солдат: «Я во всем сознаюсь, я немецкий солдат».

Самое замечательное во всей этой истории то, что он никогда не был военным. Его вдруг почему-то охватило желание окутать свое жалкое существование дымкой патриотического настроения. Следствие установило, что его звали Роберт Розенталь. Родился он в Магдебурге в 1892 г. и был некоторое время учеником пекаря в Касселе. Не имея никакого призвания к своей работе, он вернулся в Магдебург и совсем еще молодым парнем был присужден к трем месяцам тюремного заключения за подлог. Выйдя из тюрьмы, он нанялся на пароход и во время объявления войны находился в Гамбурге; здесь он поступил на службу в американскую комиссию помощи. Нам было известно, что немцы выпускали на волю уголовных преступников, чтобы посылать их затем в качестве шпионов в Англию. Но не было никаких доказательств, что так было и с Розенталем. Тем не менее, шпионаж был занятием, которое лучше всего для него подходило, и я нисколько не

удивился, когда узнал, что он пытался спасти свою шкуру, предлагая давать сведения о работе людей, у которых служил. Как только он увидел, что ему не удалось скрыть свою виновность, он стал играть в патриотизм в продолжение всего процесса, а после вынесения приговора два раза безуспешно пытался покончить самоубийством. В противоположность другим шпионам его приговорили к повешению, и приговор был приведен в исполнение 5 июля 1915 г. Розенталь получил некоторое образование и не был лишен способностей, хорошо писал по-английски и подробно изложил все свои приключения.

Несмотря на значительные суммы, истраченные на шпионаж в Англии, немцы никогда не были осведомлены о самых важных событиях и фактах, как, например, о переброске семи первых дивизий, о появлении танков, о трассирующих пулях и, что самое важное, о существовании камеры «40 О. Б.», расшифровывавшей все депеши, которые они отправляли по беспроволочному телеграфу. Единственная информация, которую могли посылать их шпионы, касалась настроения и морального состояния гражданского населения, но и в этой области они постоянно ошибались.

Самой поразительной фигурой, вышедшей из кипящего котла войны, был Игнатиус Тимоти Трейбич-Линкольн. Для того, чтобы венгерский еврей мог последовательно быть журналистом, английским пастором и членом партии либералов в английском парламенте, необходимо было обладать самыми разнообразными и самыми необыкновенными качествами. Настоящая его фамилия была, повидимому, Трейбич. Он родился в Гаксе на Дунае в 1875 г., в семье богатого еврейского коммерсанта, занимавшегося судостроением, и родители готовили его в раввины. Он изучил иностранные языки и на 20-м году жизни был отправлен в Лондон. По возвращении в Венгрию он поссорился с отцом и, уехав в Гамбург, принял лютеранство. Он отправился затем в Канаду с протестантской миссией, которой было поручено распространять христианство среди евреев, а когда это поручение было передано английской церкви, он снова переменил вероисповедание. Трейбич не был лишен известного ораторского таланта, и речи его производили впечатление в Канаде. Возвратившись в Европу, он стал просить места пастора в Англии, был по-

священ в сан священника и получил Эпильдорский приход в графстве Кент. Нужно полагать, что бурные проповеди, произносимые с иностранным акцентом, не понравились эпильдорским прихожанам, так как он не имел там успеха. Он подал в отставку и приехал в Лондон, где в течение нескольких лет занимался журналистикой.

В 1896 г. он вошел в сношения с некиим М. Раунтри, королем какао, который взял его к себе на службу в качестве личного секретаря. Благодаря этому он вошел в контакт с вождями партии либералов, которые избрали его своим кандидатом, чтобы оттягать место в парламенте округа Дарлингтон от консерваторов.

Однако английская палата общин, так же как и духовная паства графства Кент, не была в восторге от пламенных речей, произносимых с иностранным акцентом Господин Трейбич, который носил теперь фамилию Трейбич-Линкольн, был счастлив покинуть палату общин, чтобы предпринять путешествие для изучения экономического положения в Европе. Его воображение рисовало ему теперь заманчивую будущность в области высшей политики; и он думал, что предназначен сделаться крупным политическим деятелем с блестящей будущностью. Я вовсе не уверен, что ему, как только разразилась война, пришла в голову мысль доставлять информацию неприятелю. Во всяком случае, хотя он и потерял свое место в парламенте и находился в большом денежном затруднении, первым его жестом было предложить свои услуги приемному отечеству. Он выставил свою кандидатуру на какую-то должность в цензуре, имевшую отношение к венгерской и румынской корреспонденции. Его приняли на службу, и в течение короткого времени он добросовестно выполнял свою работу. Но он не пользовался популярностью среди своих коллег, и их холодное отношение к нему разочаровало его. Начиная с этого момента он становится сознательным англофобом.

Первым его нелойяльным поступком была попытка втереться в английскую службу разведки, подавая ей надежду, что ему удастся провести германский флот в Северное море, где будет легко его уничтожить. С этой целью он предложил отправить его в Голландию, где он вошел бы в сношения с германским консулом. Хотя предложение это и было отвергнуто, ему все же уда-

лось заручиться паспортом и приехать в Роттердам 18 декабря 1914 г. Германский консул Гнейст проявлял большую активность в области шпионажа, и, повидимому, Линкольн произвел на него некоторое впечатление, так как он поручил ему доставить кое-какие незначительные сведения, о чем Линкольн незамедлительно донес в Англию. С этого момента Линкольн становится тем, что являлось настоящим бичом военного времени,— двойным шпионом. Вооружившись сведениями, собранными в Голландии, он снова хотел поступить на службу в английскую разведку, но там его так холодно приняли, что он испугался и 9 февраля уехал в Нью-Йорк. Там он жил довольно хорошо, занимаясь журналистикой и совершенно не ведая того, что нами уже велось следствие по поводу одного векселя в 700 фунтов стерлингов, Линкольн подделал подпись Раунтри. Один из наших лучших агентов, главный инспектор Уорд, впоследствии убитый в своей кровати бомбой, сброшенной с цеппелина, был послан в Соединенные штаты, чтобы добиться там выдачи Линкольна, и 4 августа 1915 г. Линкольн был арестован. По прошествии обычного срока, установленного для ведения подобных дел, его судили в Олд Бейли и присудили к трем годам каторжных работ. По истечении срока наказания его решили выслать на родину, и только в сентябре 1919 г. Линкольн уже находился в Будапеште. Атмосфера его родины ему не понравилась. Он уехал в Берлин, где снова завязал сношения с графом Бернсдорфом, бывшим германским послом в Вашингтоне. В Германии говорили, что крайние правые были способны поверить чему угодно; они никогда не отличались большой политической дальновидностью. В этот момент Капп тайно подготовлял свой путч, и никто не был удивлен, когда узнали, что Игнатиус Тимоти Трейбич-Линкольн был торжественно назначен на должность заведующего бюро печати эфемерного правительства Каппа. Точно неизвестно, сколько дней занимал Линкольн этот пост, но, повидимому, и полковник Бауэр нашел, что с этой личностью нелегко работать.

ГАГЕН И ДРУГИЕ

Самым любопытным из всех посланных в Англию немецких шпионов был Альфред Гаген, молодой норвежец, арестованный 27 мая 1917 г. Мы были информи-

рованы о его приезде германскими «радио» прежде, чем он успел высадиться на берег, и с этого момента фамилия его фигурирует в списке работавших для Германии агентов. Нам были известны также некоторые подробности его прошлого. Это был один из тех молодых людей, которые пишут романы, рисуют футуристические картины, сочиняют необыкновенные стихи и великолепные очерки в прозе для передовых журналов и которые все же ничего не достигают. В начале войны он отправился в Америку в надежде продать там свои картины и вернулся оттуда без гроша денег в 1916 г.

Осенью 1916 г. он прилагал огромные усилия, чтобы продать некоторые из своих картин в Норвегии, и встретился в это время с немецким художником Лавенделем и с работником германской разведки Гартнером. Гаген сообщил новым друзьям о своих затруднениях, и они в шутку посоветовали ему заняться шпионажем в Англии, если он хочет зарабатывать деньги легким способом. В тот момент он отклонил это предложение, но впоследствии, когда Гартнер убедил его, что он ничем не рискует и не возбудит никакого подозрения, если поедет в Англию в качестве корреспондента норвежской газеты, он согласился. Гаген обратился к издателю одной ежедневной норвежской газеты, предложив ему услуги в качестве специального корреспондента в Англии и назначил такое скромное вознаграждение, что издатель согласился на его условия. Он высадился в Англии 10 октября 1916 г. и пробыл там несколько недель, не возбуждая подозрений. Написав несколько статей для норвежской газеты, Гаген вернулся в Норвегию. Там немецкий агент вступил с ним в переговоры. Гаген опять был без денег и потому не мог отказаться совершить еще одно путешествие, но на этот раз уже в качестве активного шпиона. Я был занят расшифровкой радиотелеграммы в комнате «40 О. Б.», когда ко мне обратился начальник морской разведки с просьбой арестовать Гагена, как только он высадится на берег, чтобы помешать ему приступить к своей работе, но я ответил, что если документы его будут в порядке, то придется либо отказать ему в разрешении высадиться, либо допустить его свободно на берег, чтобы можно было выследить его. Из этих двух мер я предпочитал последнюю.

Документы Гагена были в полном порядке, и в его

багаже не обнаружили ничего подозрительного. Один из моих сотрудников незаметно следовал за ним до самого Лондона и установил, что он остановился в семейном пансионе на Тависток-сквере. Это было 13 апреля 1917 г. Гаген написал две или три статьи для своей газеты, но редко выходил из дома. Вскоре он возбудил к себе подозрение других жильцов. Один итальянский профессор, пытавшийся завязать с ним разговор, нашел его настолько мрачным и замкнутым, что уверился: у этого человека что-то на совести, и тут же заподозрил в нем немецкого шпиона. Однажды утром Гаген получил повестку, объявлявшую о зачислении его в английскую армию (сообщение, которое непременно порадовало бы активного шпиона, так как это давало ему возможность собирать весьма полезные для неприятеля сведения). Повестка эта, разумеется, была адресована ему по ошибке, но она ввергла Гагена в страшную тревогу, не ускользнувшую от наблюдательных глаз итальянского профессора. Гаген отправился в ближайший участок по рекрутскому набору, и там исправили эту ошибку. После этого инцидента он стал еще мрачнее и нервнее, и итальянец, уверенный, что худшие его подозрения подтвердились, донес о нем как о немецком шпионе.

Такие доносы поступали к нам каждую неделю сотнями, и мы их направляли через отдел контршпионажа в военное министерство. Документы Гагена были подвергнуты тщательному осмотру, и так как в них не было обнаружено ничего подозрительного, был произведен обыск в его комнате в его отсутствии, причем были приняты все меры, чтобы обыск этот не оставил после себя никаких следов. На его туалетном столе нашли пузырек, на ярлычке которого было написано «полоскание». Отлили небольшое количество этой жидкости и, подвергнув ее анализу, установили, что это были чернила, которые могли служить для тайнописи. В кармане одного из его костюмов нашли также вату, которая нужна была при употреблении этих чернил.

24 мая Гаген был арестован, и его привели ко мне на допрос. Это был небольшого роста молодой блондин, ничем не примечательной наружности, со сдержанными манерами и очень замедленной речью. Прежде всего я спросил его об его прошлом; его бесцветные глаза наполнились слезами, когда он стал рассказывать мне о

своих несчастьях. Затем я спросил его, сколько он заработал на своих статьях. Он уверял, что получил всего шесть фунтов со времени своего приезда, месяц назад, и что этого нехватало даже для уплаты за комнату. Я стал тогда убеждать его открыть мне источник его дохода, он растерялся и сознался во всем. Ему было поручено узнать все подробности относительно нелегального пользования наших кораблей-госпиталей для перевозки войск, как это уверяли немцы. Но так как он почти не выходил из дома, то не мог ничего сообщить об этом. Он подтвердил, что испрашивал разрешения отправиться на западный фронт в качестве представителя газеты нейтральной страны. По окончании его исповеди мы получили полное подтверждение того, что наши усилия прекратить деятельность шпионов не были тщетными, раз немцы не могли найти себе других, более искусных и опытных сотрудников.

Гагена судили 27 августа 1917 г. и приговорили к повешению, но высшая мера наказания была ему заменена пожизненной каторгой.

В первые месяцы 1917 г. в области шпионажа наступило некоторое затишье, хотя большое количество подозрительных лиц было арестовано и выслано. Настоящий шпионаж проник в Англию только в сентябре того же года. В данном случае интерес представляет признание самого шпиона. Бразильский метис П. приехал в один прекрасный день в Гревсэнд из Флиссингена. Когда особые чиновники подвергли его допросу, он настолько растерялся, что немедленно во всем сознался.

По его словам, он находился в Париже с 1913 г. в качестве корреспондента какой-то газеты, когда ему предложили место атташе при бразильском консульстве. Однако в 1916 г. его должность была упразднена, и он вместе с женой очутились в Амстердаме без гроша. Как-то раз, сидя в кафе, он вступил в разговор с незнакомцем, которому рассказал о своих денежных затруднениях. На другое утро незнакомец этот, назвавшийся Лебелем, который, как мы узнали впоследствии, был вербовщиком шпионов, сильно заинтересовался предстоящим отъездом П. в Бразилию. Он спросил его, каким образом он собирается туда попасть, так как в этот момент ни один голландский пароход не отходил в Южную Америку. Когда П. сказал ему, что он проедет через Соединенные Штаты, Лебель стал его отговаривать, утверждая, что

он мог бы заработать гораздо больше денег, оставаясь в Европе. Пусть он зайдет на следующий день в то же кафе,— Лебель укажет ему путь, как разбогатеть.

На следующий день они снова встретились. Лебель познакомил П. с каким-то худым человеком со слащавыми манерами, носившим лорнетку и постоянно потиравшим руки. Он назвал себя Леви и сказал, что он также бразилец. П. заговорил с ним по-португальски и тотчас же убедился, что имеет дело не с соотечественником. Однако, Леви стал его уверять, что он родился в Рио-Гранде Досуль, но, сообразив, что его португальское произношение выдаст, его, сказал, не смущаясь, что перешел в бразильское подданство. П. засыпал его разными вопросами и дал ему понять, что не верит, чтобы Леви когда-либо был в Бразилии. Но господин Леви нисколько не смутился и ответил, смеясь:

— Вы очень умны. Вы как раз такой человек, которого я ищу. Тут же он заявил, что он швейцарец и что ему необходимо добыть бразильский паспорт, чтобы поехать в Англию, и что он дорого заплатит тому, кто ему достанет такой паспорт. При этом Леви добавил:

— Я могу вам указать способ заработать тысячу фунтов. Хотите заняться моими делами в Англии и во Франции?

— Но я же ничего не знаю о ваших делах.

— Вы очень способный человек. Если хотите заработать тысячу фунтов, постарайтесь разузнать точный срок, назначенный для предстоящего французского наступления.

П. уверял нас, что в тот момент он твердо решил вывести на чистую воду делишки этого слащавого и беспринципного человека, чтобы услужить союзникам и Бразилии. Тем не менее, он спросил у Леви, как доставлять ему эти сведения, если их удастся получить.

— Давайте, уж я лучше все вам откровенно расскажу,— отвечал Леви.— Я состою на службе в берлинской полиции. Если вы будете к нам лойяльны, мы сможем защитить вас во Франции или в Англии. Мы дадим вам секретные чернила, которыми вы будете писать ваши донесения, а также укажем адреса, куда направлять письма, чтобы никто об этом не подозревал.

П. потребовал, чтобы ему выдали чернила тотчас же.

— К сожалению, у меня их нет при себе. Давайте встретимся снова у Лебеля и там поговорим обо всем.

Они тут же условились и встретились в тот же вечер.

— Нам не хотелось бы, чтобы вы уехали по нашему поручению против вашего желания,— сказал тогда Леви.— Время еще есть. Вы можете отказаться, если боитесь.

П. не хотелось, чтобы его упрекали в трусости, однако признался, что перспектива стать шпионом не особенно ему нравилась.

— Но подумайте, ведь тысяча фунтов,— шептал ему искуситель.

Тут П. не выдержал и согласился. Уходя, Леви заявил ему:

— Помните, что, если вы нас предадите, я могу устроить в Лондоне и в Париже так, что вас убьют.

Таким образом, из-за бархатных лапок уже виднелись острые когти.

Обязанностью П. было добывать сведения о движении войск. По прошествии шести недель он должен был отправиться в Швейцарию и сообщить во Франкфурт на-Майне о своем прибытии. Ему обещали оплачивать корреспонденцию в соответствии с важностью информации, которую он будет посылать; если он добросовестно выполнит это поручение, ему снова дадут работу. На пароходе, который вез его в Англию, один из пассажиров заметил, как наш бразилец что-то бросил за борт корабля. Это показалось ему настолько странным, что он решил следить за этим человеком. Страх П. дошел до высшей точки, когда он услыхал, как одна дама спросила у его жены, не знакома ли она с господином Ренэ Леви, остановившимся в той же гостинице, где и эта дама, и выдававшим себя за бразильца. Несколько минут спустя пассажир, видевший, как он бросил что-то в воду, обратился к нему с вопросом, не находился ли он в сношениях с немцами во время его пребывания в Голландии. Наш новичок в шпионаже так испугался, что уже тогда рассказал почти все, в чем нам сознался впоследствии.

Мы находились перед двойной загадкой: намеревался ли он действительно работать в качестве шпиона, как обещал немцам, или же хотел лишь раскрыть германский заговор, с тем чтобы нам потом о нем сообщить? Но почему же он сразу этого не сделал, вместо того чтобы путаться в бесконечной лжи до такой степени, что невозможно было в ней разобраться? Я должен добавить

к этому, что способ проявления симпатических чернил, тайну которого так старательно хранил Леви, уже был известен нашим экспертам.

П. был заключен в тюрьму, с запрещением ему навсегда въезда в Англию, а дело его было передано бразильскому правительству.

За полтора года до этого пришлось так же поступить с молодым испанцем Адольфом Герреро, на которого нам указали, как на подозрительное лицо, когда он направлялся в Англию, посетив перед тем Париж. Портовые чиновники получили распоряжение дать ему высадиться, так как нам хотелось захватить его. Он назвал себя испанским журналистом, посланным по поручению мадридской газеты «Эль Либераль», но мы установили, к нашему большому удивлению, что он не говорил ни слова по-английски. Как могли немцы пригласить на службу такого человека?

Герреро оставил в Париже молодую танцовщицу Раймонду Амандарен, известную под псевдонимами «Заря Бильбао» и «Султанша». Прежде всего он позаботился о том, чтобы эта молодая особа приехала к нему в Лондон и разыскала для этого испанского купца с Фенчерч-стрит, который согласился предложить молодой женщине какое-то фиктивное место в своей конторе. Ни тот, ни другой не подумали, что было несколько необычно для молодой танцовщицы с многочисленными и яркими нарядами приехать для работы в маленькой лондонской конторе. И когда мадемуазель Амандарен объявила, высаживаясь на берег, что она приехала к своему будущему мужу синьору Герреро, мы выдвинули в качестве основания для ее ареста те лживые заявления, которые она делала для получения визы. 18 февраля 1916 г. Герреро был арестован и доставлен в Скотланд-ярд. На первых допросах он не хотел отступиться от своего нелепого рассказа о корреспонденции для газеты «Эль Либераль», которая, по его словам, платила ему по два фунта за статью. В 16 дней он написал всего две статьи, и вот с этой-то жалкой суммой он собирался удовлетворять все свои нужды и содержать свою молодую подругу.

Тем временем наше следствие устанавливало прошлое и настоящее этого молодого человека. Наш агент в Испании подтвердил часть его рассказа. Он действительно принадлежал, как и говорили, к артистической семье,

но, погрязнув в разврате, сделался легкой добычей немецких агентов в Испании. Что же касается директора «Эль Либераль», то он никогда не слыхал о нем. Герреро был предан суду в Олд Бейли 13 июля.

Против мадемуазель Амандарен не было никаких улик, и ей не предъявили никакого обвинения, тем не менее ее из предосторожности содержали в одиночном заключении до конца процесса, а затем выслали в Испанию. Герреро был признан виновным и присужден к смертной казни. Через несколько дней после вынесения приговора он написал, что, если ему будет дарована жизнь, он даст сведения, которые разрушат всю организацию немецкого шпионажа в Испании; но его исповедь была лишь сплетением сплошных вымыслов. Он, между прочим, уверял, что на германской службе он был известен под кличкой Виктора Кунантас, номер 154, что должно было означать, что он является 154-м шпионом, приехавшим из Испании в Англию. Его обязанностью было посещать торговые порты и информировать о готовых к отплытию судах, чтобы их могли потопить немецкие подводные лодки. Он должен был получать 50 фунтов в неделю, кроме комиссионных, за все суда, потопленные по его указанию. Он действительно заслужил высшую меру наказания, но был помилован по просьбе испанского посла. Любопытно, что в его бумагах было найдено письмо, в котором его просили явиться на Стокзелл-род в Брикстоне, в то самое помещение, в котором другой шпион был арестóван в 1915 г.

Самым нелепым из всех шпионов, состоявших на службе у немцев, был несомненно Жозеф М. В июле 1915 г. я находился в Тильбери для обследования, когда один из моих агентов сообщил мне, что арестован человек, о котором сотрудники мои хотели бы узнать мое мнение. При первом же вопросе арестованный был охвачен таким безумным страхом, что, когда ему сказали, что через несколько минут я сам лично буду его допрашивать, он чуть не упал в обморок, бормоча: «Значит, Базиль Томсон знал, что я буду здесь, раз он сюда приехал?» На самом же деле я совершенно случайно попал в Тильбери в этот день.

Войдя в свою роль, я сел за стол и послал за М. В комнату ввалилась, спотыкаясь, огромная глыба мяса и жира, ростом более 6 футов и соответственной ширины, а весом наверное не менее 115 кг. В момент, когда

эта масса подходила к моему столу, она вся дрожала, словно студень. М. предъявил голландский паспорт, и я собирался спросить об его национальности, когда он сам заговорил:

— Будьте немного терпеливы, я сам все расскажу вам. Когда я увидел одного из ваших сотрудников на пароходе, я понял, что он за мной следит, и сразу почувствовал, что попал в засаду. И если бы вы не пришли сюда, я бы сам явился к вам завтра утром. (Его нечистая совесть превратила невинного пассажира, забавлявшегося его нелепой внешностью, в агента полиции.)

По его словам, он принадлежал к семье крупных коммерсантов в Экс ла Шапель, и уже три раза немцы обвиняли его в том, что он был агентом французов. Немецкая полиция уверила его, что ему удастся доказать свою невинность только в том случае, если он отправится в Англию собирать сведения о флоте. Под угрозой расстрела в качестве французского шпиона в собственной стране он решил попытать счастья в Англии. Его послали в школу шпионажа.

Трудно было установить, был ли он раньше французским агентом и собирался ли он выполнить свое поручение в Англии; но по большей части такие упитанные люди не особенно склонны к опасным приключениям. Тем не менее, он был присужден к пяти годам каторжных работ за приезд в Англию после того, как он был в сношениях с неприятельским агентом. Тюрьма была для него убежищем в продолжение всей войны. Когда его выслали на родину в октябре 1919 г., он рассыпался в благодарности за все, что для него было сделано. Кажется, никто еще никогда не сидел в тюрьме с таким удовольствием.

Крайнего предела подлости достиг один молодой фламандец, которого я допрашивал в 1917 г. Он состоял на службе у бельгийцев, и ему было поручено провожать молодых бельгийцев через границу до Голландии. Он предложил одному французскому гражданину продать эту тайну немцам и поделить полученные за это деньги. В эту ночь восемь человек должны были перейти через границу. За несколько гульденов он охотно был готов пожертвовать жизнью своих восьми соотечественников, которые ему доверились. С огромным присутствием духа француз дал ему понять, что он сам был немецким агентом и что он возьмет на себя выполнение

всего этого дела, и сверх того сказал ему, что если он согласится теперь же поехать с ним в Англию, то получит за все это еще больше денег. Алчность фламандца была настолько велика, что он сел на пароход без колебания и по приезде был тотчас же передан в руки полиции.

ПИККАРД, БЭКОН И ДЮКЕН

До войны наше внимание было привлечено одним голландцем, Лео Пиккардом, разъезжавшим по всей стране с труппой карликов. Было замечено, что крупные центры, как Бирмингам и Шеффильд, его совершенно не интересовали, но что он охотно и часто останавливался в военных портах и по соседству с лагерями, как, например, лагерь Альдершот и лагерь Сольсбэри-Плэн. Он довольно часто ездил в Голландию, но эти поездки можно было легко объяснить требованиями его ремесла и необходимостью постоянно обновлять и пополнять труппу.

Как-то раз его застали в беседе с немецким агентом в Роттердаме Штейнгауэром. Кроме того, за несколько недель до объявления войны, в летнем лагере, в котором труппа Пиккарда давала свои представления, исчезли секретные военные документы, и подозрение пало на одну из его артисток, карлицу по имени Мария. С тех пор Пиккард находился под подозрением, но прямых улик против него не было.

В последние дни, предшествовавшие объявлению войны, он покинул свою бродячую труппу и получил место заведующего театром «Бижу» в северной части Лондона. Вскоре он без всякой видимой причины снова переменил занятие и стал выдавать себя за агента по распространению американских фильмов. В течение первых двух лет войны дела его, повидимому, шли довольно вяло, хотя он и объезжал все прибрежные города. Он не подозревал, что за ним следили и что его привычка тратить деньги без счета была замечена. В начале 1916 г. он стал торговать фильмами, которые он по случаю покупал в Англии и вывозил их затем в Голландию. Он настаивал, чтобы цензура разрешила ему экспортировать 15 тыс. *м* пленки в Голландию по адресу господина Блома. Мы же располагали некоторыми сведениями об этом Бломе и посоветовали цензуре не давать разрешения на вывоз.

Мы решили более тщательно следить за Пиккардом, и дело было поручено одному из моих лучших сыщиков. Вскоре после представления своего последнего ходатайства в цензуру Пиккард зашел однажды в дешевый ресторан и сел за единственный свободный столик. Через несколько минут какой-то человек вошел в тот же ресторан и стал искать глазами свободное место; так как все столики были заняты, он сел за стол Пиккарда, предварительно извинившись перед ним за эту смелость, но Пиккард очень охотно завязал с ним разговор и стал особенно словоохотливым, как только узнал, что его собеседник был также представителем кинофирмы. Он пустился даже на откровенность. Обругав цензуру за ее глупое отношение к торговым делам, он заявил: «Все-таки мне никто не может помешать посылать товар в Голландию, и я могу заработать много денег». С этими словами он вынул из кармана пачку банковых билетов, показывая ее своему новому знакомому.

Получив это донесение, мы предупредили почтовую цензуру, что в корреспонденции, отправляемой в Голландию, надо тщательно следить за всеми письмами, адресованными на имя Блома. Через несколько дней было задержано письмо, подписанное «Лео Пиккард». В этом письме не удалось обнаружить никакого следа секретного текста, и содержание его было совершенно невинным. Пиккард жаловался на препятствия, которые ему ставила кинематографическая цензура, и добавлял, что рыночные цены на фильмы были в Лондоне очень низки. Это письмо было отправлено, и через несколько дней цензура натолкнулась на ответ Н. Блома, который советовал Пиккарду попробовать счастье в провинциальных и особенно в прибрежных городах. Вслед за этим за Пиккардом был послан около шести часов утра инспектор. Растрепанная женщина отворила дверь и заявила, что мужа ее нет дома. Посетитель показал тогда свой мандат и потребовал, чтобы его допустили к обыску квартиры. Сначала женщина хотела захлопнуть дверь перед его носом, затем раздумала и впустила его. Поднимаясь по лестнице на первый этаж, она ворчала, что муж ее, находившийся еще в постели, будет страшно зол, что его побеспокоили в такой ранний час. Пиккард действительно лежал в постели и бросил угрожающий взгляд на свою жену, когда она

впустила инспектора, сразу приступившего к обыску в комнате.

Пока его везли в такси по направлению к Скотланд-ярду, Пиккард, оставив свой нахальный тон, заявил, что может доставить весьма полезные сведения о шпионах. А подъезжая к темному гранитному зданию, он был уже готов работать для Англии, только бы ему платили за его информацию.

За время всей войны я не видел более отталкивающей личности, чем этот Лео Пиккард. Это был человек огромного роста с бегающими по сторонам глазами. Он вполне отдавал себе отчет в опасности своего положения, и мундиры сухопутных и морских офицеров моих товарищей его сильно смущали. Он не отрицал, что поддерживал переписку с немецким агентом в Голландии (П. Блом), и выразил полную готовность его предать. Нас совсем не соблазняло предложение этого неисправимого лжеца, но мы тем не менее записали одно из его сообщений. В нем было столько же лжи, сколько и правды, но впоследствии оно оказалось нам все-таки довольно полезным. Этот факт был отмечен в его пользу, и поэтому он был присужден к пожизненным каторжным работам. Тогда было неблагоразумно по многим причинам казнить голландского подданного. Я нисколько не удивился, узнав по окончании войны, когда Пиккард был уже на свободе, что он хвастал в Германии тем, что был орудием потопления королевского крейсера «Гампшир». Это как раз был тот род лжи, на которую был способен человек его характера.

Тот же инспектор, который арестовал Пиккарда, был послан в Дублин, чтобы привезти оттуда американского журналиста Джорджа Вокс Бэкона, деятельность которого в конце 1916 г. возбуждала серьезные подозрения. Американские корреспонденты путешествовали по всем воюющим странам, и им показывали гораздо больше интересного, чем простым гражданам. Впрочем крупные американские газеты с большой осторожностью назначали своих корреспондентов, и только в конце 1916 г. некоторые из них навлекли на себя подозрение. В данный момент довольно серьезное подозрение возбуждал корреспондент, фамилию которого я буду обозначать Р.; он находился тогда в Голландии, и его должны были арестовать, как только он окажется в Англии или на территории союзной страны. Бэкон же

провел некоторое время в Англии в качестве представителя нью-йоркского агентства и просил разрешения отправиться в Роттердам. Прежде чем покинуть Лондон, он указал свой адрес в Роттердаме, как раз тот, который нам был известен как адрес центра немецких шпионов. С другой стороны, он написал одному подозрительному лицу в Амстердаме письмо, в котором часть слов была слегка подчеркнута. Но, когда это было обнаружено, Бэкон уже покинул страну. Теперь оставалось только следить за ним в Голландии, и вскоре мы узнали, что он находится в постоянных сношениях с Р. и еще другим подозрительным американцем. 3 ноября он высадился в Гревсэнде и, вероятно для того, чтобы не возбуждать подозрений, пришел сообщить нам, что ему предложили в Голландии поступить на службу германского шпионажа и что, разумеется, он с негодованием отверг это предложение. Произвели осмотр его багажа, но так осторожно, что не привлекли его внимания. Он провел несколько часов в Лондоне, затем объездил всю страну, посылая время от времени статьи в Нью-Йорк. Затем он отправился в Ирландию. Между тем следствие, произведенное в Голландии, указало нам, что лицо, которому он отправил письмо с подчеркнутыми словами, находилось на службе у неприятеля. Поэтому мой инспектор, проводив Бэкона в Ирландию, остановился с ним в Дублине в одной гостинице, где уже находился и другой американский журналист, собиравшийся уезжать в Нью-Йорк. Оба коллеги обедали вместе.

Инспектор не располагал еще достаточными доказательствами, чтобы арестовать Бэкона. Единственное, что он мог сделать,— это пригласить его последовать за ним в Скотланд-ярд, но он придумал лучшее. Постучавшись в дверь, он попросил разрешения обыскать его комнату. Бэкон принял его холодно, но не враждебно. Он разрешил ему сделать обыск и, в то время как инспектор выполнял свою обязанность, просил его дать кое-какие сведения для того, чтобы он мог написать статью о воздушной обороне Лондона.

Среди предметов, обличавших Бэкона в немецком шпионаже, в его бумагах нашли вексель на 200 фунтов, выданный 9 октября. Он пытался стереть фамилию Р. в своей записной книжке, в которой находился также адрес одного лица в Роттердаме, о котором мы

уже знали в течение нескольких месяцев, что он был неприятельским агентом. Когда все эти факты были изложены ему на допросе, Бэкон не потерял присутствия духа, но все же не мог нам дать удовлетворительного объяснения.

Мы теперь располагали всеми подробностями германского плана, по которому предполагалось наводнить Англию американскими журналистами, которых вербовал некий Сандер, поддерживавший самые тесные сношения с недовольными ирландцами в Америке. Эти шпионы должны были посетить Ирландию и передать сведения немцам в Роттердам. Им была также дана инструкция войти в сношения с вернувшимися с фронта ранеными офицерами и выудить у них сведения о настроении войск.

Бэкон исполнил свое поручение. Он завязал дружбу с одним раненым офицером и предложил ему поехать вместе в Шотландию. Он получил чек на сумму, какую немцы обыкновенно выдавали своим шпионам на их предварительные расходы. Отбывая свое заключение в тюрьме, он получил из Голландии письмо от Р. следующего содержания: «Я бы очень хотел, чтобы старик Ц. был со мной, чтобы помочь мне прочесть письмо». Нуждался ли Р. в помощи для прочтения письма, если бы оно не было шифрованным? 3 февраля Бэкон написал из Брикстонской тюрьмы, что хотел бы видеть ответственное лицо, которому он мог бы сделать важные сообщения. Старший офицер отправился в тюрьму, и Бэкон сознался во всем. Он рассказал, что за несколько времени до его отъезда из Нью-Йорка человек с иностранным акцентом, называвший себя Дэвис (псевдоним Чарльза Винненберга, как нам было известно), по телефону назначил ему свидание. Он встретился с Винненбергом, который изложил ему, чего от него хотели. Бэкон не соглашался, указывая на опасность, которой он подвергался, но Винненберг ему возразил:

— До сих пор им удалось поймать всего двух или трех лиц, и все они были дураки. Вас не могут подозревать. Мы будем вам платить 25 фунтов в неделю и покроем все ваши расходы.

Винненберг дал ему адрес нескольких лиц в Голландии, с которыми Бэкон должен был войти в сношения, и уверил его, что трое или четверо американцев, находившихся в Нидерландах, будут пересылать, если по-

надобится, его телеграммы. Когда Бэкон намекнул, что цензура могла перехватить его донесения, Виннеберг сказал ему:

— Я вам открою секрет, как надо наводить на ложный след цензуру.

Бэкона судили в военном совете и приговорили его к повешению. К счастью для него, Америка как раз собиралась вступить в войну, и была учтена важная роль, которую он мог сыграть как свидетель для Соединенных штатов. Поэтому его послали под конвоем в Америку, и там он был приговорен к одному году тюремного заключения за нарушение законов нейтралитета. Отбывая свое наказание, он донес на главных немецких шпионов в Америке, что дало возможность арестовать и судить Виннеберга и Сандера. Первый во всем сознался и обвинял Р., который имел смелость посылать статьи о продовольственном положении в английскую газету. Мы надеялись заманить его в Англию, попросив директора газеты пригласить его приехать лично, якобы для получения гонорара, но он был слишком осторожен и предпочел не ездить.

Один из немецких агентов, который больше, чем кто-либо другой, принес вреда союзникам и которого никогда не могли поймать, потому что он остерегался показываться на союзной территории, был Фрид Дюкен. Жизнь его была полна приключений. Во время англо-бурской войны он был разведчиком со стороны буров, и англичане не могли его захватить. В момент объявления войны 1914 г. он находился в Южной Америке, где прилагал все усилия к уничтожению британских кораблей. Метод, которым он пользовался, состоял в изготовлении взрывчатых веществ, до неузнаваемости ловко замаскированных под уголь. Он их помещал среди топлива, которое погружалось на пароходы, особенно на суда, перевозившие продовольствие и снаряды в Англию. Первой его жертвой был пароход «Сальвадор», направлявшийся в Англию с грузом продовольствия и исчезнувший без следа. Затем он положил свои адские бомбы на судно «Вобан». На этом последнем вспыхнул пожар после взрыва, но капитану корабля удалось добраться до Гибралтара с остатками своего судна, при потере семи человек из экипажа. Через несколько времени Дюкен взорвал угольные склады в Бахиа. Военный корабль «Пемброкшир» исчез таким же образом

как и «Сальвадор». Относительно четырех других судов, которые не пришли в порт, куда они направлялись, Дюкен хвастал впоследствии, что он их потопил. Портовая полиция тщетно пыталась поймать его; три раза подряд сыщики настигали его, но каждый раз он от них ускользал. Удалось установить его местожительство, и было решено устроить ему засаду. Кордон полиции окружил дом, но когда взломали дверь, было уже поздно: Дюкен удрал по крышам соседних домов. В третий раз его видели на корабле, который он собирался потопить. Его схватили и посадили в лодку, на которой должны были доставить его на сушу. Но в момент, когда шлюпка подходила к берегу, Дюкен быстро выбросился за борт и скрылся в волнах. Долгое время обыскивали кругом, но не нашли никаких следов беглеца. Думали, что его сожрала акула или что он утонул и что союзники больше никогда о нем не услышат. Однако вскоре после заключения перемирия один из инспекторов встретил его на улицах Нью-Йорка, прогуливающегося в мундире австралийской легкой кавалерии; вся грудь его была увешена орденами и медалями. Его арестовали и отправили в тюрьму в Тумбос, а затем хотели увезти его в Англию и судить там по обвинению в убийстве английских матросов. Но на другое утро после его ареста надзиратель нашел камеру пустой. Он снова убежал, и никто этого не заметил. Предполагали, что он купил свободу ценой золота. Он дошел до такой дерзости, что написал из Мексики письмо нью-йоркской полиции и рассказал ей, как ему понравилось путешествие, которое он совершил на самолете, взятом с аэродрома в Филадельфии. Можно было предполагать, что он побоится вернуться в Нью-Йорк после этого подвига. Действительно, он соблюдал осторожность в течение нескольких лет, но совсем недавно его снова арестовали в Нью-Йорке, и последний раз я слышал о нем, когда британское правительство собиралось обсудить, следует ли требовать его выдачи за убийства, совершенные им во время войны.

ЖЕНЩИНЫ-ШПИОНКИ

Женщины-шпионки одолевали нас гораздо меньше, чем французов, может быть, благодаря нашему положению островитян, потому что если гражданину ней-

тральной страны было довольно легко найти предлог для приезда в Англию по торговым и другим делам, то женщине разъезжать одной было, конечно, гораздо труднее.

К концу 1915 г. из мальтийского почтового отделения были отправлены необычайные телеграммы. Это был набор слов, лишенных всякого смысла, что заставляло предполагать, что телеграммы эти были шифрованные. Отправила их женщина, некая госпожа Мария Ядвига Попович, сербской национальности, приехавшая в Мальту для поправления здоровья. Вид у нее был слишком цветущий для больной женщины, кроме того, она была необыкновенно болтлива. В ее багаже нашли старинный голландский словарь, в котором некоторые слова были подчеркнуты; те же самые слова были включены в ее телеграммы. Предполагая, что этот словарь являлся ключом шифра, можно было притти к выводу, что депеши, отправленные в один из портов Средиземного моря, давали ряд подробностей о выходе судов из Мальты. Поэтому было решено отправить эту женщину в Англию для допроса, и, так как военный корабль «Террибль» уже собирался сняться с якоря, чтобы отправиться в Великобританию, ее посадили на это судно вместе с ее парой канареек, с которыми она не хотела расставаться. Путешествие оказалось бурным во всех отношениях: бедный капитан делал все возможное, чтобы умиротворить свою раздражительную пленницу, но рассказывают, что однажды она бросила ему в лицо бифштекс, когда он выслушивал ее жалобы на поданную ей плохую пищу.

Она явилась к нам с заранее созданной прекрасной репутацией о себе. В тот день в кабинете моем находились трое сухопутных и морских офицеров. Дама вошла в комнату совершенно спокойно, но с решительным видом. Во всей моей жизни я не видал такой маленькой и такой толстой женщины. Когда она сидела, голова ее едва достигала уровня моего стола, но я сразу увидал, что было бы крупной ошибкой обращаться с ней как с простой смертной, а не как с важной особой. Она говорила по-французски и в начале разговора называла меня «этот господин», а к концу допроса я уже стал «проклятым» полицейским. Этот эпитет я получил благодаря моему настоятельному допросу о про-

исхождении старинного голландского словаря, обнаруженного у нее.

Главная трудность в обращении с ней заключалась в том, что, о чем бы ее ни спрашивали, она ни на минуту не переставала говорить, совершенно не переводя дыхания. Голос ее становился все громче и громче. Гнев ее увеличивался, по мере того как она возвышала голос. Сидя в слишком низком кресле и находясь поэтому в невыгодном положении, она не выдержала, встала и, подойдя к нам, стала жестикулировать, размахивая руками у самого моего носа. Движения ее были настолько угрожающими, что один из моих коллег решил убрать потихоньку все металлические приборы, разрезные ножи, ножницы, линейки, находившиеся поблизости от нее. В конце концов бешенство ее приняло такие размеры и руки ее находились так близко от наших лиц, что мы также встали с мест и, по мере того как она к нам приближалась, все больше пятились назад до тех пор, пока она очутилась за столом, а мы уже совсем близко к двери. Так как никаким способом нельзя было остановить поток ее красноречия, я шепнул на ухо моим коллегам, что нам следует раскланяться с самым серьезным видом и оставить ее в одиночестве, до того времени, как будет вызван необходимый персонал для отправки ее в такси. Мне кажется, что никогда эти внушительные сводчатые коридоры не слыхали подобных выражений, какие вырывались из уст дамы, когда ее усаживали в такси. Я впоследствии узнал, что буря была бы еще страшнее, если бы инспектор, которому поручено было ее провожать, не успокоил ее, заговорив с нею об ее канарейках.

Госпожу Попович подвергли тщательному исследованию с точки зрения ее психики и нам посоветовали не судить ее за государственную измену. Ее решили заключить в тюрьму до конца войны, и она была отправлена в Элсбери, откуда она бомбардировала власти всякого рода требованиями. Никто не мог угодить этой разъяренной даме, кроме капитана корабля «Террибль», который, по ее словам, никогда не забывал осведомиться о здоровье ее канареек. Вначале полиция заботилась об ее птицах, но потом было решено отослать их хозяйке в Элсбери, и они оказали самое успокаивающее действие на заключенную. В конце концов она была признана душевнобольной и отправлена в лечебницу.

Госпожа Ева Бурноивиль была несомненно наименее способной женщиной из всех завербованных немцами шпионов. По происхождению француженка, она была шведской подданной, получила хорошее воспитание и владела несколькими языками. Жизнь ее не баловала. Она служила гувернанткой в прибалтийских провинциях, затем была актрисой (по-моему, очень плохой), секретаршей и машинисткой, которую время от времени нанимали иностранные миссии, и, наконец, когда стали нуждаться в шведских массажистках в военных английских госпиталях во Франции, была принята туда на службу. Английские фельдшерицы чувствовали к ней определенную антипатию и не доверяли ей. Осенью 1915 г. она подала в отставку к великой радости всех своих товарищей и вернулась в Швецию, не имея особой надежды найти работу. И вот тогда-то ее стал обрабатывать немецкий агент в Скандинавии. Она была случайно знакома с одной шотландкой, которую встречала во время путешествия по Швеции и которая дала ей свой адрес. Она написала этой даме, что желает приехать в Англию для лечения и непременно собирается ее посетить. Имея шведский паспорт, она без всякого затруднения получила разрешение приехать в Англию.

Ева Бурноивиль остановилась во второразрядной гостинице в Блюмсбери и написала своей знакомой в Шотландию, что собирается немного отдохнуть и потом похлопотать о месте в почтовой цензуре и просила свою приятельницу дать ей соответствующую рекомендацию. Приятельница-шотландка прислала ей адрес одной своей знакомой семьи, проживавшей в Хэкней, в северной части Лондона, и посоветовала ей повидаться с ними. Ева Бурноивиль исполнила это и, не застав никого дома, оставила свою карточку, указав на ней адрес датского посольства. Она действительно сговорилась, что ей будут отсылать туда ее корреспонденцию, имея в виду избегать таким образом цензуры. Через несколько дней ее пригласили в Хэкней. Она отправилась туда и тотчас же вызвала своим поведением подозрение своих новых знакомых. Несмотря на свое образование и воспитание, она была крайне неискусна и даже глупа в выполнении своей шпионской работы; она беспрестанно посещала своих новых знакомых и следовала за этим семейством, куда бы те ни отправлялись. Период

этот как раз совпал с налетами цеппелинов, и она одолевала всю семью непрестанными расспросами относительно противовоздушных мер обороны. Нельзя ли устроить ей посещение ближайших станций противовоздушной обороны? Сколько в Лондоне пушек для защиты проти налетов? На какое расстояние били эти пушки? Однажды, сопровождая своих знакомых в Финсбери-парк, она сказала:

— А, так мы находимся в Финсбери-парке. А где же здесь пушки, которыми отбивают атаку?

Наконец, в один прекрасный день она попросила своего знакомого рекомендовать ее на службу в почтовую цензуру и получила отказ.

— Видите ли,— сказал он ей,— если бы что-нибудь случилось, нам бы грозили серьезные неприятности за то, что мы вас рекомендовали.

С этого момента она прекратила свои посещения семейства в Хэкней. Впоследствии вспоминали, что она не переставала повторять:

— Немцы знают все, что здесь происходит, от них ничего не скроется.

Не сумев представить удовлетворительных рекомендаций от англичан, она не получила места, которого добивалась. Одной даме она говорила, что отец ее был генералом в датской армии, а дед — учителем музыки у королевы Александры, и что тетка ее выполняла те же обязанности в датской королевской семье.

После этого она покинула Блюмсбери и поселилась в Южном Кенсингтоне, а затем в женском клубе. Вернувшись потом снова в Блюмсбери, излюбленный квартал немецких шпионов, она остановилась в гостинице на площади Бедфорд, где многие офицеры проводили свой отпуск. Там она не переставала расспрашивать прислугу.

В это время мы еще не были в курсе ее действий, но письма, которые, как мы узнали впоследствии, она писала, были задержаны цензурой. Письма эти не содержали особо ценных для неприятеля сведений, если бы они до него дошли, и не давали никакой возможности установить личность отправителя. Наконец, было задержано письмо, в котором упоминалась гостиница на площади Бедфорд, но так как в этой гостинице проживало более 30 лиц, то трудно было установить, о ком шла речь. Инспектор, которому было поручено

это дело, остановился на весьма простом способе. Он сам поселился в этой гостинице и, отобрав среди жильцов тех, которые ему казались наиболее подозрительными, стал им нашептывать самые невероятные истории о секретной подготовке военного снаряжения. Он рассказал одну из таких фантастических историй Еве Бурнонвиль, и на другое же утро было задержано письмо, в котором излагалась та же история и которое, если бы оно дошло до немецкого агента, привело бы его в ужас.

Ева Бурнонвиль была арестована 15 ноября 1915 г. Она очень удивилась этому, но ни в чем не созналась. На следующий день после ареста она в моей канцелярии храбро пыталась настаивать на своей невиновности, до тех пор пока я ей не показал одно из ее писем с проявленными сведениями, которые были написаны симпатическими чернилами. Она вытаращила глаза:

— Да, это мой почерк. Но каким образом письмо это попало в ваши руки?

Я ответил, что ко мне попадает еще многое другое. Тогда она попросила меня поговорить с ней наедине, и мои коллеги удалились из комнаты.

— Вам может это показаться несколько странным,— сказала она,— но я всегда хотела работать для вас, а не для немцев. Я всегда любила англичан и бельгийцев и ненавидела немцев. Я никогда не могла забыть, что они сделали с Данией в 1864 году. У меня было намерение предложить вам свои услуги после того, как мне удалось убедить немцев, что я работаю для них, и когда я вполне овладела их доверием. Все это я делала только из склонности к приключениям.

К сожалению, нам слишком часто приходилось слышать такие речи. Мы узнали тогда, что германский военный атташе в Швеции совместно с агентом германской секретной разведки убедили эту бедную женщину рисковать жизнью за 30 фунтов в месяц. При аресте в ее бумагах был обнаружен чек на эту сумму, и она попросила разрешения сохранить этот чек. Ее судили в Олд Бейли 19 января 1915 г. и приговорили к повешению. Смертная казнь была ей заменена пожизненной каторгой. Ее отправили в Элсбери для отбытия наказания, а затем вернули на родину в 1922 г. Во время ее процесса мы узнали, что немцы приказывали

своим шпионам адресовать письма несуществующим бельгийским военнопленным.

К концу 1917 г. немцы перестали пользоваться услугами шпионов в Англии для военной и морской информации. Их гораздо больше интересовало в то время настроение населения, так как их население проявляло верные признаки упадка духа. Мы заметили это благодаря письмам, адресованным госпожой Смит своей семье в Германии. Следствие показало, что она была экономкой и до своего замужества служила также санитаркой в Швейцарии. Она вышла замуж за английского доктора, одного из своих пациентов, незадолго до его смерти. Получив таким образом английское подданство, она поселилась в Англии, где ей снова пришлось поступить на должность экономки. Письма ее содержали следующие перлы глупости:

— Скажи дяде Францу, что Фриц очень недоволен тем, что такое множество форелей в его садке пожираются щукой. Если в садок поместят еще несколько щук, то скоро не останется ни одной форели. Это его пугает и ужасно сердит.

В другом письме она писала: «В воскресенье я пошла смотреть место, где вьют себе гнезда большие птицы. Оно было полно птиц, и некоторые из них были действительно очень крупные. Говорят, что они скоро отправятся в большой перелет. Я не думаю, чтобы большие орлы, летающие над нами, нагоняли на этих птиц страх; они их только раздражают».

Госпожа Смит пыталась самым развязным тоном разъяснять нам содержание своих писем. Она уверяла весьма нахально, что у нее действительно был дядя, которого звали Фриц, и что у него действительно был садок, в котором щуки действительно производили большие опустошения. Что же касается птиц, она пыталась нам доказать, что речь шла о цаплях, но когда мы представили ей наше толкование этого детского шифра, она смирилась и замолчала. С философским спокойствием она позволила увезти себя в Элсбери [1].

---

[1] Надо заметить, что в этой главе, посвященной женщинам-шпионкам, сэр Базиль Томсон совсем не упоминает о Мата-Хари, самой знаменитой из них. Но именно потому, что история Мата-Хари слишком известна, сэр Базиль Томсон не нашел нужным излагать ее лишний раз.— *Прим. к франц. изданию.*

15 августа 1915 г. меня посетил лорд Хершель, прикомандированный к отделу морской разведки, чтобы подготовить меня к прибытию пассажира, которого полиция заставила высадиться в Рамсгетте с судна «Нооордам», вышедшего из Нью-Йорка и отправлявшегося в Голландию.

— Мы думаем,— сказал он,— что это сам Ринтельн, но он путешествует с швейцарским паспортом на имя Гаше и не сознается, что он немец. Возможно, что судовой офицер разведки ошибся, но мы знаем, что фон Ринтельн находится на этом судне.

Я уже очень много слышал о фон Ринтельне и о его деятельности в Соединенных штатах; в начале войны он служил в германском адмиралтействе в качестве офицера генерального штаба. Затем мы узнали, что он был послан в Нью-Йорк с секретным поручением, так как германское посольство в Вашингтоне упоминало о нем в шифрованных телеграммах, перехваченных адмиралтейством. Мы знали также, что он был прекрасным лингвистом и что он говорил по-английски без всякого иностранного акцента. Однако мы могли только строить предположения о характере его деятельности.

В начале 1915 г. немцы были поставлены в весьма затруднительное положение благодаря постоянному притоку военного снаряжения, посылаемого союзникам американскими заводами. Американские снаряды оказались особенно полезными на западном фронте в те месяцы, когда сами немцы страдали от недостатка военного снаряжения. Это были стальные снаряды, и взрывы их оказывали сильное опустошающее действие. Немцы опасались, что обязательно проиграют войну, если этот приток снарядов не прекратится, тем более, что американские снаряды начинали появляться и на восточном фронте, когда отсутствие снарядов заставило почти замолчать русские пушки. Но вскоре после приезда в Соединенные штаты фон Ринтельна на судах, перевозивших военное снаряжение через Атлантический океан, стали вспыхивать таинственные пожары.

Немцы энергично протестовали против вывоза снарядов из нейтральной страны для их врагов, но американцы ответили, что и самим немцам не возбраняется покупать у них снаряды наравне с другими при усло-

вии присылки судов для их перевозки. Это возражение привело немцев в ярость, так как союзные флоты владели океаном.

Мы сильно подозревали, что Риントельн замешан во всех этих актах вредительства, и я послал нескольких моих сотрудников в Нью-Йорк, чтобы помочь полиции разыскать вредителей. Но у нас неопровержимых улик не было, пока мы не поймали такого вредителя в момент, когда он отправлял специально сконструированный зажигательный снаряд в трюм судна.

Вредительство было не единственным преступлением, в котором мы подозревали фон Риントельна. Вспыхивали также постоянные забастовки докеров, которые мешали погрузке снарядов.

Впрочем, большинство из них были ирландцы, проявлявшие известную симпатию к немцам, в то время как главные руководители профессионального союза открыто стояли на стороне союзников. Перехваченные депеши по беспроволочному телеграфу также указывали, что фон Риントельн находился в сношениях с Хуерта, бывшим президентом Мексики, и вместе с ним пытался склонить Мексику и Японию напасть на Соединенные штаты, что должно было прекратить вывоз снарядов в Европу.

Итак, преступная деятельность Риントельна была более чем очевидна. Нехватало только формального доказательства его подрывной работы в Соединенных штатах. С полным основанием полагали, что было бы гораздо легче выследить Риントельна, если бы удалось заставить его вернуться в Европу; ему пришлось бы тогда сесть на пароход, который, направляясь в Голландию и Скандинавию, остановился бы в британском порту. Английское адмиралтейство прекрасно знало секретный немецкий шифр. Почему бы не воспользоваться им и не вызвать в Берлин этого опасного фон Риントельна? И вот была средактирована следующая депеша:

«Морскому атташе, Германское посольство. Предупредите секретного капитана Риントельна, что ему приказано вернуться в Германию».

По прошествии двух или трех недель адмиралтейство узнало, что Э. В. Гаше (фамилия, на которую был выписан швейцарский паспорт фон Риントельну) отплыл в Голландию на судне «Поордам». Оставалось только вы-

ведать, был ли человек, высадившийся в Рамсгетте тем, кого мы ожидали.

Мы напали на верный след. Для полной уверенности мы решили прибегнуть к свидетельству одного бельгийского официанта, служившего в гостинице «Бристоль» в Берлине, который уверял, что хорошо знает Ринтельна в лицо. Мы направили его в один из отелей в Рамсгетте. Было также условлено, что офицер, производивший высадку пассажиров, пригласит швейцарского гражданина, мнимого Э. В. Гаше, на чашку чая с ним в этом отеле.

Бельгиец, усевшись в вестибюле в уголок, следил за обоими, и, когда офицер прошел мимо него, он сделал ему знак, что узнал фон Ринтельна. Бельгийцу приказали тогда отправиться в отдел проверки паспортов, которую проводил Дудлей Уорд, член парламента, в то время морской офицер. Ринтельну было явно неприятно увидеть в отделе бельгийца, в котором он узнал официанта гостиницы, где он бывал до войны. Он был еще более неприятно поражен, когда человек этот прервал его рассказ, воскликнув:

— Не говорите глупостей, вы тот самый капитан фон Ринтельн из Берлина. Я вас прекрасно узнал.

Несмотря на это, Ринтельн выказал такое хладнокровие, что офицер, которому был поручен контроль паспортов, повидимому, поверил его объяснениям и разрешил ему продолжать путешествие. Но как только лодка, которая отвозила его на борт корабля, приблизилась к «Ноордаму», она получила приказ английского офицера, оставшегося на судне, повернуть назад и отвезти своего пассажира на берег. Адмиралтейство требовало, чтобы мнимый Гаше был отправлен в Скотланд-ярд для дачи там более подробных разъяснений, касавшихся разоблачений бельгийского официанта.

Итак, мы ждали прибытия Ринтельна с минуты на минуту, и адмирал Холл должен был явиться лично, чтобы принять участие в допросе.

Нам не пришлось долго ждать. Через четверть часа после прибытия адмирала доложили о приезде нашего гостя.

Как только мы приступили к допросу, у меня уже не осталось никаких сомнений относительно его национальности. Мне приходилось допрашивать много так называемых подозрительных швейцарцев, и они всегда

очень охотно отвечали на мои вопросы. Но этот «Гаше» сразу взял неподходящий тон. Когда адмирал Холл задал ему вопрос, знаком ли он с некиим капитаном Риительном, он ответил свысока:

— Я не обязан вам отвечать.

Я напомнил ему тогда, что хотя он не обязан нам отвечать, но все же есть подозрение, что он является германским офицером, путешествующим по подложному швейцарскому паспорту, и что фактически нам точно известно, что он является капитаном фон Риительном, морским германским офицером.

На это он с раздражением потребовал, чтобы его отвели к швейцарскому посланнику, прежде чем заставлять отвечать на все наши вопросы. На этот раз я уже почти был уверен, что мы не ошиблись. Но мы все же решили удовлетворить его просьбу и отвели его под конвоем в швейцарское посольство. К нашему великому удивлению, г-н Гастон Карлен дал «Гаше» убедить себя и стал уверять конвой, что тут произошло недоразумение. Как мы узнали позднее, «Гаше» заявил, что фон Риительн действительно находился на корабле, но что английские власти ошиблись, спутав с ним его, «Гаше». Несмотря на мнение дипломата, который, по нашему твердому убеждению, был в заблуждении, мы все же не сразу отпустили нашего пленника. Мы хотели окончательно убедиться в его невиновности. Для этого существовал весьма простой способ. «Эмиль Гаше» не мог находиться в двух местах одновременно. Мы запросили срочной телеграммой Берн, находился ли этот господин в Швейцарии в данный момент. В ожидании ответа пленнику было разрешено остановиться в гостинице «Сесиль» под охраной морского офицера и одного из моих людей, которые не должны были терять его из вида. Но нам даже не пришлось дожидаться ответа из Берна.

Первый вечер своего пребывания в гостинице «Сесиль» Гаше провел в своей комнате. Оба его сторожа разговаривали в соседней комнате, а дверь между этими двумя помещениями была открыта настежь. В условленный момент оба англичанина заговорили о телеграмме, посланной в Берн, и о тщательном расследовании, которое было поручено произвести британскому посольству в Швейцарии относительно подлинной личности «Эмиля Гаше». Наш пленник, ходивший взад и

вперед по комнате, вдруг остановился, прислушиваясь к разговору. Недолго думая, он тотчас же подошел к двери и попросил, чтобы его немедленно отвели к адмиралу Холл. Было уже более восьми часов вечера. Морской офицер предложил ему сообщить содержание разговора, который он хотел иметь с адмиралом, но «Гаше» возразил, что не может никому доверить то, что хотел сказать адмиралу лично, для которого сообщение это являлось чрезвычайно интересным. Офицер позвонил по телефону и узнал, что адмирал находился еще в канцелярии и соглашался принять пленника. В этот вечер дождь лил, как из ведра, и, когда мы приехали в адмиралтейство, адмирал Холл был там совершенно один.

— Что вас привело в такой поздний час?— спросил он.

Вытянувшись во фронт, пленник ответил:

— Я сдаюсь.

— Что вы хотите этим сказать? Мы только что телеграфировали в Берн относительно вас...

— Именно поэтому я к вам и пришел. Не стоит ждать ответа. Капитан фон Ринтельн сдастся вам, сэр, как военнопленный.

Адмирал Холл пригласил тогда лорда Хершеля и сказал ему:

— Позвольте вам представить нашего последнего военнопленного капитана-лейтенанта фон Ринтельна.

Как я уже сказал выше, фон Ринтельн недолго думал. Он понимал, что если ответ из Берна доказал бы, что настоящий Гаше находится в Швейцарии, на него стали бы смотреть как на штатского, путешествующего по подложному паспорту, и его передали бы в руки американских властей, от которых он не мог ожидать пощады, тогда как, открыв свою настоящую фамилию, он мог надеяться, что англичане будут обращаться с ним как с военнопленным офицером. Это рассуждение было вполне обоснованным. Адмирал тотчас же пригласил своего пленника пообедать с ним в его клубе вместе с лордом Хершелем. Вечер этот стал вечером крупных сюрпризов для германского офицера.

— Прошло уже около четырех недель, с тех пор как мы вас ожидаем,— сказал лорд Хершель.— Почему же вы так долго откладывали свой отъезд из Нью-Йорка после получения телеграммы?

— Какую телеграмму имеете вы в виду? — пробормотал фон Ринтельн.

Адмирал Холл наклонился к нему и сказал:

— Он имеет в виду телеграмму, полученную вами шестого июля; вы ее передали капитану Бой-Эду на углу 5 Авеню и 45 улицы. Подождите, я вам ее прочту.

С этими словами он вынул из кармана пачку бумаг и выбрал из них самую маленькую. Это и была телеграмма, по которой был вызван фон Ринтельн.

— Что вы об этом скажете? Разве мой друг не вправе сказать вам, что вы долго медлили с ответом?

— Да, а телеграмма, адресованная графу Шпее, адмиралу, который командует эскадрой ваших крейсеров...— задумчиво прошептал Хершель,— телеграмма, которая требует, чтобы он отправился на Фалкландские острова...

Это явилось настоящим ударом для нашего военнопленного. Адмирал Шпее потонул вместе со всем своим флотом 8 декабря 1914 г. поблизости от Фалкландских островов, и катастрофа эта произошла гораздо раньше, чем распространился слух о похищении секретного германского шифра из германского посольства в Вашингтоне. Фон Ринтельн не мог воздержаться от этого замечания. Оба английских офицера сделали вид, что крайне удивились.

— Как вы думаете, когда удалось нам списать шифр? — спросил адмирал.

Фон Ринтельну пришло тогда в голову, что он был плохо информирован, что секретный шифр никогда не был похищен и что англичане просто захватили его после крушения «Магдебурга» или какого-нибудь другого германского военного корабля. Но каким образом мог попасть к ним в руки второй шифр, тот, который он сам лично привез из Америки? И тут только он догадался, что все секретные сообщения, посылаемые из Берлина или из германских посольств за границей, были, быть может, прочитаны неприятелем. Он дрожал при мысли об участи его собственных телеграмм, посланных в Берлин, об участи сообщения, касавшегося заговора с Мексикой и Японией, который преследовал цель заставить эти две страны объявить войну Соединенным штатам.

Но английские офицеры перевели разговор на эпизод, имевший место у Фалкландских островов, и лорд Хер-

шель стал рассказывать всю эту историю. Эскадра графа Шпее, гордая своей победой над эскадрой адмирала Крадокка, одержанной недалеко от Коронелла, стала на якорь в Вальпарайзо, где она была торжественно принята немецкой колонией. Военные корабли этой эскадры были сильно вооружены, и только боевые крейсеры могли с успехом атаковать их. Но этому мешали два обстоятельства. В первую очередь, посылка двух крейсеров через Атлантический океан не могла не пройти незамеченной, и немцы, разумеется, были бы об этом осведомлены; с другой стороны, где и как можно было встретиться с фон Шпее? Поэтому пришлось прибегнуть к хитрости. Двум торговым судам был спешно придан вид крейсеров. Затем их провели на буксире через Гибралтарский пролив до островов Эгейского моря, и там они ночью встали на якорь вместо двух военных кораблей, которые незаметно отплыли в темноте. Никто не заметил этой перемены, так как целая флотилия маленьких лодок не давала любопытным подходить слишком близко.

Выйдя из Гибралтарского пролива, военные суда «Инвинсибл» и «Инфлексибл» направились на юго-запад.

— Но почему же на юго-запад? — с живостью перебил Рентельн.— Ведь они не знали, где находился Шпее?

— Они знали, где он должен был находиться,— отвечал Хершель.

Адмирал продолжал рассказ, как бы рассеянно всматриваясь в даль.

— Я ему телеграфировал,— сказал он тихо,— чтобы сообщить ему, что английские корабли собирались его встретить... и он точно явился к назначенному месту свидания.

Рентельн находился в генеральном штабе берлинского адмиралтейства во время этого инцидента. Каково же было его волнение, когда он узнал всю правду о том, что всегда являлось тайной для Берлина. Почему фон Шпее отправился к Фалкландским островам? Это была такая непонятная загадка, что сам кайзер написал на полях донесения о катастрофе:

— Причина, побудившая Шпее атаковать Фалкландские острова, все еще остается тайной.

А Германии было только известно, что Шпее в ре-

зультате разговора с германским посланником в Вальпараизо созвал собрание штаба и командиров крейсеров на флагманском судне, чтобы сообщить им о своем намерении обойти вокруг мыса Горн и направиться к Фалкландским островам. Все стали его убеждать отказаться от этого опасного плана. Но уговоры были напрасны. Шпее никому не открыл тайны, что им была получена секретная телеграмма, посланная на имя адмирала командующего эскадрой, «лично», в которой был приказ уничтожить станцию беспроволочного телеграфа в порте Стэнлей. Телеграмма была с точностью составлена по обычной формулировке германского адмиралтейства. Она была написана секретным шифром, и предписание носило категорический характер. На депеше была надпись «лично», и это обстоятельство указывало, что содержание ее нельзя было сообщать никому, даже офицерам. Но телеграмма эта исходила не из германского адмиралтейства. Англичане, повидимому, как бы предвидели замечание, вырвавшееся у Шпее на банкете, устроенном в его честь в Вальпараизо, когда восторженные немцы забросали его цветами.

— Это цветы на мои похороны,— прошептал он.

Один из моих прежних коллег, сэр Уильям Аллардис, был как раз губернатором Фалкландских островов, когда Шпее явился туда на «назначенное свидание». Он и рассказывал мне, как кончилась вся эта история. 7 декабря адмирал Штурди подплыл к порту Стэнлей на своих военных судах «Инвинсибл» и «Инфлексибл», не останавливая паровых машин. Он подоспел как раз во-время, так как через 12 часов с наблюдательного поста на вышке дали сигнал о появлении эскадры, приближавшейся к острову на всех парах. Порт Стэнлей, окруженный высокими холмами, идеальный пункт для скрытия эскадры. Штурди опасался только, как бы не заметили дым, поднимавшийся из труб его судов над холмами. Но этого не случилось, и эскадра продолжала продвигаться вперед, в то время как английские суда готовились к нападению. Германские суда находились слишком близко от порта, чтобы успеть удалиться, когда после поднятия тревоги они хотели удрать. Всем известно, что произошло потом. Замечание фон Шпее относительно цветов оказалось пророческим.

Ринтельн провел ночь в отделении военной полиции

в ожидании конвоя, который должен был его сопровождать в концентрационный лагерь для офицеров в Доннингтон-холл, где он, впрочем, был весьма холодно принят остальными пленными, полагавшими, что это английский шпион, подосланный для того, чтобы разузнать, каким образом Гютнер Плюшоф, германский летчик из Цингтау, сбежал из лагеря. Вскоре после этого фон Ринтельн был приглашен в канцелярию коменданта для нового допроса при участии адмирала Холл и лорда Хершеля. Они спросили его о его деятельности в Соединенных штатах и пытались даже притти к какому-нибудь компромиссу, чтобы избегнуть передачи его в руки американских властей, но он решительно отказался отвечать. Однако он сознался, что передавал донесения в Германию через женщин, которые не были замечены полицией британских портов. Несколько дней спустя он получил письмо от адмирала Холл.

«Ваше поведение последнего времени заставило меня призадуматься... Улики, которые постепенно накоплялись против вас, не могут быть более оставлены без внимания, и я в настоящее время поставлен в положение, не дающее мне никакого выбора относительно мер, которые я должен принять».

Через несколько времени в лагерь приехал офицер, чтобы отвезти фон Ринтельна в лондонский Тоуэр, где он ждал два дня созыва военного совета, перед судом которого он должен был предстать. В часы прогулки он находился под стражей караула гвардейских гренадеров. Один из них, желая его утешить, сказал ему на ухо:

— Не огорчайтесь, сэр, пять наших королей были казнены в Тоуэре.

Фон Ринтельн был обвинен в том, что высадился на британскую территорию в военное время, так как его хотели признать не военнопленным, а простым штатским, и передать его вследствие этого в руки американских властей, чтобы он ответил перед ними за свои действия, противоречившие нейтралитету Соединенных штатов. Но он без труда доказал, что высадился не по своей воле, и был оправдан. На другое утро ему показали газету, в которой жирным подзаголовком было напечатано:

«Капитан Ринтельн казнен как шпион в лондонском Тоуэре».

Когда он вернулся в Доннингтон-холл, отношение к нему его товарищей совершенно изменилось. Человек, которого судили в военном совете, не мог быть английским шпионом. Но этим история еще не закончилась. К нему являлись сыщики и американские юристы, которые старались убедить его возвратиться по собственной воле в Соединенные штаты, указывая ему, что у англичан он находится под угрозой расстрела. Гораздо позже мы узнали действительную цель, которую преследовали посещения этих американцев. Германское посольство в Вашингтоне договорилось с властями, что он будет арестован тотчас же по его прибытии в Соединенные штаты и затем отпущен на свободу под залог в пять тысяч фунтов. Посольство рассчитывало спрятать его затем на торговом пароходе «Дейчланд», который отложил бы с этой целью свой выход в море на два дня.

Между тем мы не переставали собирать сведения об его деятельности в Соединенных штатах. Некоторые из его сообщников, участвовавших в поджоге кораблей, были арестованы и во всем сознались. Было установлено, что он организовал взрыв верфей Блэкнайер, когда военное снаряжение уже было погружено; узнали также, что он поощрял и оплачивал изготовление сложной машины, чтобы испортить руль корабля, как только начнут им управлять; что он был первым, который предложил убедить Мексику напасть на Соединенные штаты, что он был повинен в забастовках среди ирландцев-докеров, грузивших снаряды на суда, и пр. Он нес ответственность за множество преступлений, но я считаю, что поджог кораблей, на которых столько невинных матросов лишилось жизни, было самым тяжелым из них, тем более, что в качестве морского офицера он должен был прекрасно понимать, что такое пожар в открытом море.

Американцы настаивали, чтобы он был передан в их руки, но мы не переставали давать им все один и тот же ответ: «Мы не можем выдать военнопленного нейтральному государству, какие бы преступления он ни совершил». Я обсуждал этот вопрос с секретарем американского посольства. «Как только ваша страна вступит в войну на стороне англичан, я советую вам возоб-

новить ваше требование. Я не знаю ни одного международного закона, который запрещал бы находящимся в состоянии войны государствам выдавать военнопленных одному из его союзников».

Два события должны были ухудшить положение фон Ринтельна: прибытие в Фалмут фон Папена, который возвращался в Германию, после того как он стал «нежелательным иностранцем» в глазах американского правительства, и получение депеши Циммермана, посланной на имя германского посланника в Мексике, именно той телеграммы, в результате которой Соединенные штаты вступили в войну. Я уже рассказывал выше, что документы, захваченные у фон Папена в Фалмуте, содержали явную улику против фон Ринтельна в виде чековых талонов; это было вещественное доказательство, которое мы тотчас же передали американским властям. В день, когда Америка объявила войну, секретарь посольства, о котором я упоминал выше, пришел сообщить мне, что американцы, по моему совету, возобновили требование о выдаче Ринтельна и получили согласие на это. В назначенный срок фон Ринтельн был увезен из Доннингтон-холл одним из моих инспекторов в сопровождении вооруженного стражника для защиты его против эксцессов толпы в Ноттингеме; там он сел в поезд, отходивший в Ливерпуль, а затем пересел на пароход общества «Уайт Стар — Адриатик». В Ливерпуле конвойный разрешил ему позвонить по телефону адмиралу Холл в лондонское адмиралтейство.

— Вам известно,— сказал Ринтельн,— что запрещено провозить военнопленного через боевую зону? Подводная блокада английских берегов превратила их в боевую зону.

— Вы в то же утро сядете на пароход, отплывающий в Америку,— вот единственный ответ, который он получил.

Фон Ринтельн повторил свой протест, прежде чем войти на борт парохода.

— Я сообщу, кому следует о вашем протесте,— отвечал ему офицер,— но будьте добры войти на пароход.

В то время, когда немецкие подводные лодки топили ежедневно торговые пароходы без всякой церемонии и не делали ни малейшего усилия для спасения эки-

пажа, было бы дико обращать внимание на подобные протесты.

Военнопленный пользуется достаточной свободой на кораблях, и поэтому в один прекрасный день, когда фон Ринтельн очутился наедине с одним молодым гражданином из Южной Америки, свободно говорившим по-немецки, он попросил его отправиться к германскому посланнику в Венецуэлле, куда этот американец ехал, и передать ему только два слова: «Ринтельн прибыл». Этого будет достаточно, объяснил он, чтобы пустить в ход одну необходимую машину. Спустя несколько недель, когда он находился в тюрьме Тумбс в Нью-Йорке в ожидании суда, тот же молодой человек пришел его навестить, и Ринтельн сказал ему, чтобы он больше не заботился о передаче его сообщения, так как адмирал фон Гинтце, посетивший его по возвращении из Китая, обещал ему принять все необходимые меры.

Ринтельн предстал перед судом не один: вместе с ним на скамье подсудимых оказалось большинство его сообщников: доктор Шеель, изобретатель и фабрикант поджигательных снарядов, два члена конгресса, которые принуждены были подать в отставку, бывший генеральный прокурор Моннет, замешанный в создании фальшивого профессионального союза, и много других лиц, менее значительных.

Процесс «правительства Соединенных штатов против капитана Ринтельна и его сообщников» наделал много шума. Подсудимые обвинялись в нарушении федеральных законов при следующих обстоятельствах: угроза морскому транспорту, перевозка и хранение у себя взрывчатых веществ на территории Соединенных штатов без разрешения на то полиции; нарушение закона о стачках путем учреждения фиктивного и незаконного профессионального союза; угроза безопасности Соединенных штатов путем вступления в заговор с иностранной державой (Мексика); нарушение добрых отношений между Соединенными штатами и другими державами, с которыми они находились в дружественных отношениях путем разжигания мятежей на территории этих держав.

По окончании процесса газеты стали утверждать, что германское правительство угрожало репрессиями находившимся в то время в Германии американским граж-

данам в случае заключения Рингельна в тюрьму. Но статс-секретарь г-н Лансинг возразил на это с веселой иронией, что в Соединенных штатах было больше немцев, чем американских воинов в Европе. Рингельна присудили к четырем годам принудительного труда в американской тюрьме; для того, кто знаком с режимом одиночного заключения в Соединенных штатах, наказание это равносильно вдвое более суровому приговору в Англии.

ДЕЛО СЭРА ДЖОЗЕФА ДЖОНАСА

Дело Джозефа Джонаса, бывшего лорд-мэра города Шеффильда, представляет огромный интерес вследствие положения и богатства обвиняемого, так много потерявшего из-за связи с неприятелем. Кроме того, дело это показывает, насколько немецкий националистский инстинкт внедрен даже в человека, официально покинувшего свою родную страну и имевшего все основания оставаться верным своей новой присяге. Сэр Джозеф Джонас родился в Германии от немецких родителей, но принял английское подданство, когда был еще совершенно юным. Он женился на англичанке. Им была основана маленькая сталелитейная мастерская в Шеффильде еще задолго до войны, и он прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как предприятие это разрослось в огромное производство. Как один из самых видных фабрикантов Шеффильда он был избран лорд-мэром, и вскоре затем ему был дарован титул кавалера за его крупные пожертвования благотворительным учреждениям.

В начале войны он получил крупные заказы на снаряды от британского правительства и выполнял их с большой аккуратностью. Он пользовался репутацией британского патриота. В 1915—1916 гг. он один доставлял почти всю лучшую сталь для штыков. В 1918 г. производились опыты изготовления ружей нового образца, и фирма Джонаса была тесно связана с этими опытами. Совершенно неожиданно мы с удивлением узнали, что сведения относительно этих ружей были тайно доставлены фирме Крупп в Эссене. Следствие показало, что в июне 1914 г., когда никто еще ни в Англии ни в Германии не подозревал, что война разразится между этими двумя странами, группа директоров и экспертов завода Круппа объехала все сталелитейные заводы Ве-

ликобритании начиная с предприятия Джонаса в Шеффильде. Это посещение, несомненно, преследовало исключительно коммерческие цели. Крупп хотел быть в курсе методов английского производства и использовать те улучшения, которые он мог обнаружить в работе. В результате этого посещения возникли дружеские связи между сэром Джозефом Джонасом и его бывшим соотечественником. Он всегда поддерживал сношения со своими немецкими друзьями, из которых самыми близкими были Карл Ган и его сын, проживавшие в Англии, а также Пауль фон Гонтард, работавший для Круппа до войны и открывший затем сталелитейный завод в окрестностях Берлина.

Я не собираюсь рассказывать здесь, каким образом были получены доказательства измены, и ограничусь только следующим: улики эти были достаточны для ареста сэра Джозефа Джонаса и обоих Ганов, обвинявшихся в собирании сведений с целью передачи их неприятелю.

СТРАННЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ СКОТЛАНД-ЯРДА

В январе 1916 г. все суда, направлявшиеся в северные нейтральные страны, должны были останавливаться в порту Фалмут. Голландскому военному кораблю, увозившему полковника фон Папена и капитана Бой-Эда, пришлось сделать то же самое. Офицер, следивший за посадкой, был вполне корректен, но твердо заявил, что должен осмотреть их документы. Фон Папен энергично протестовал против этого, заявив, что документы его не подлежат осмотру, так как он имел пропуск, выданный ему британским правительством. Офицер возразил, что пропуск касается его личности, но не его багажа и документов. С этими словами он забрал все, что принадлежало фон Папену, включая и его чековую книжку и его расписки, которые явились для нас настоящей сокровищницей всевозможных сведений. Мы нашли в них документы, подтверждавшие платежи, произведенные в пользу человека, разрушившего многие мосты в Соединенных штатах, известного капитана фон Рентельна, виновного во вредительстве; он же оплачивал шпиона Купферле, покончившего жизнь самоубийством в Брикстонской тюрьме, фон дер Гольца и других подозрительных лиц. После войны в Германии вошло в моду приписывать поражение немцев неспособности не-

мецких дипломатических агентов за границей, и, разумеется, фон Папен, по неудаче ли или по неловкости, сильно содействовал нашему делу, так как он дал нам возможность уличить графа Бернсдорфа, который несколько времени назад торжественно заявил, что ни один из членов его посольства никогда не был замешан ни во вредительстве ни в шпионаже.

Это было ложью в отношении его морских и военных атташе и верно, повидимому, только в отношении к фон Рintельну, так как он не состоял в качестве атташе при германском посольстве. Однако Бернсдорф прекрасно знал, что его привело в Америку. Рintельн сам рассказывал подробности их свидания:

«Через неделю после моего приезда в Соединенные штаты я получил письмо от морского атташе, капитана Бой-Эда, уведомлявшего меня, что граф Бернсдорф желает поговорить со мной. После некоторого колебания, имея в виду характер моей миссии, я решил согласиться на просьбу посла и отправился к нему в гостиницу Рит-Кальтон на Мэдисон-авеню. Бернсдорф тотчас же стал расспрашивать меня о целях моего пребывания в Америке. Вместо ответа я вежливо указал ему, что он не должен задавать мне подобных вопросов, так как мой ответ мог бы осложнить его дипломатические обязанности. Он придвинул тогда свое кресло поближе к дивану, на котором я сидел, и продолжал почти шопотом: «Капитан, поймите, я вас прошу, ведь хотя и я нахожусь здесь в качестве посла, я тем не менее старый военный. Вы можете все мне сказать по секрету». Эти слова тронули мое офицерское сердце, и я сообщил ему не только о том, каким образом возникла моя миссия в Берлине, но дал ему понять, что она носила вполне военный характер и состояла в общей организации диверсий. Я сказал ему также, что, поскольку я был офицером, я не верил в мнимую нейтральность Америки, что вся Германия разделяла мое мнение и считала Соединенные штаты своим «невидимым врагом». Кроме того, я обещал действовать энергично, но осторожно».

И, несмотря на эту свою беседу с Рintельном, посол не постеснялся давать честное слово американскому правительству в том, что ему не были известны вредительские акты, совершенные германскими должностными лицами.

Рintельн рассказал дальше.

«Дважды я принужден был энергично протестовать против того, что я называл «храбрыми атаками на беззащитного заключенного». Бернсдорф и Папен сделали в рейхстаге самые компрометирующие меня и мою миссию доклады. Как я бесился, отбывая свое наказание в Антлантской тюрьме и имея перед собой еще два года заключения, когда узнал об этих умышленных искажениях фактов».

Нам еще снова пришлось услыхать о фон Папене. Этот салонный вояка, никогда не состоявший на действительной службе, был послан в Палестину, чтобы испытать жизнь в действующей армии. И когда войска лорда Элленби отбили турецкие войска осенью 1918 г., британская кавалерия подошла к пустой палатке, хозяин которой сбежал, оставив множество документов. Была послана телеграмма в Лондон, и, если можно верить слухам, оттуда был получен следующий ответ: «Вышлите документы. Если фон Папен взят в плен, не помещайте его в концентрационный лагерь, но посадите его в ближайший сумасшедший дом». Среди этих документов было обнаружено новое обвинение против Ринтельна, ускользнувшее во время беглого осмотра документов, захваченных в Фалмуте: документ этот был отправлен в Вашингтон, но американцы не захотели использовать его против человека, уже присужденного к достаточно суровому наказанию.

Когда мы прочли фалмутские бумаги и обнаружили, что фон Папен сохранял документы, служившие доказательством его злоупотреблений в то время, когда он состоял членом дипломатического корпуса в нейтральной стране, мы невольно подумали: «Да поможет господь бог немцам, если они держат таких людей в своих заграничных посольствах».

По мере того как в Америке усиливалась деятельность немецких агентов, власти Соединенных штатов стали принимать против них более строгие меры Они открыли несгораемый шкаф фон Игеля и нашли там документы, дававшие, между прочим, точные указания о деятельности секретной германской разведки на Дальнем Востоке.

На допросе подозрительных лиц часто происходили довольно забавные инциденты. Немцы часто пользовались шпионскими услугами лиц, состоявших в труппах бродячих цирков, полагая, что те привлекают к себе

меньше подозрений, чем коммивояжеры, которых мы разоблачили в большом количестве. На этом основании все телеграммы, посылаемые подобного рода людям, подвергались тщательному осмотру. В один прекрасный день телеграмма, посланная на имя одного известного директора американского цирка, сообщала, что телеграфировавший выезжает в Нью-Йорк. Отправителя вызвали ко мне в канцелярию для разъяснения содержания его телеграммы.

В комнату вошел синий человек! Цвет его лица был светлого индиго, на фоне которого резко выделялись красные усы. Это было поистине потрясающее зрелище. Хотя, сознаюсь, вид его неприятно поразил нас, мы не дали ему заметить этого, но с беспокойством ожидали, как на это будет реагировать наша стенографистка, когда бросит взгляд на сидящего возле нее человека. И этот момент наступил. Она вскрикнула и вскочила с места, точно ее подбросила вверх какая-то пружина. Человек этот был англичанин, бывший кавалерийский сержант, у которого неожиданно появился этот синий цвет лица, давший ему возможность честно зарабатывать теперь свой хлеб в качестве «синего человека». Стенографистка видала в своей жизни цветных людей, но никогда не приходилось ей видеть человека с такой кожей.

Приблизительно в то же время некая таинственная личность, выдававшая себя за полковника доктора Крумм-Хеллера, была арестована на датском пароходе «Киркуолль» и направлена ко мне. Собственно говоря, мнимый полковник этот, повидимому, ожидал ареста, так как заранее протестовал против него по радио в продолжение всего путешествия. Он выдавал себя за военного мексиканского атташе в Берлине и говорил, что пользуется большой известностью в Мексике благодаря своим научным, литературным и философским трудам. Короче говоря, это был человек с большими претензиями. Ему было поручено, говорил он, изучить систему скандинавского воспитания, прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей военного атташе. Однако мы были уверены, что его действительной миссией была пропаганда в пользу неприятеля. Когда я ему сказал, что ему, вероятно, придется вернуться в Мексику, он очень огорчился, говоря, что Карранца его несомненно уволит со службы. Несколько позже мы узнали, что он вез письмо Бернсдорфа германскому правительству и пере-

дал его, до того как его высадили на берег, одному шпиону для дальнейшего отправления по адресу. На следующий день он предложил мне выслушать разоблачение нового германского плана и содействовать, таким образом, спасению жизни тысячи англичан при условии, что я не отправлю его в Мексику. Я согласился; но так как его заявление оказалось полной нелепостью, его все-таки пришлось туда отправить. Тотчас по приезде туда он представил германскому правительству иск в 10 тыс. фунтов стерлингов в возмещение убытков, которые потерпел. Так скромно оценивал он вред, причиненный ему морально и духовно.

ТЕЛЕГРАММА ЦИММЕРМАНА

Когда английские суда подрезали германские подводные кабели в первую же неделю после объявления войны и владычество на море осталось в руках англичан, немцы не могли поддерживать сношения в иностранных водах со своими дипломатическими представителями и военными кораблями, иначе как по почте или по принадлежавшим нейтральным странам кабелям и по радио. Тот факт, что переписка их всегда передавалась с помощью секретного шифра, в который были посвящены, согласно самым строгим инструкциям, только те, кто им пользовался, считался достаточным залогом безопасности. Они совершили крупную ошибку, недооценивая изворотливость и хитроумие своих противников, и проявили полное отсутствие воображения. Когда какой-то немец-эксперт заявил, что шифр его совершенно не поддается расшифровке, начальство поверило ему на слово и продолжало загромождать пространство посланиями, представлявшими огромную ценность для их врагов. Исходя, как это фактически и было, из первоисточника, послания эти содержали то хвастливые донесения командиров, возвратившихся с налета цеппелинов, относительно никогда не совершенных подвигов, то пререкания с нейтральными странами относительно цены, назначаемой этими последними за помощь центральным державам, то разоблачение подготовлявшегося плана атаки и имели фактически несравненно большую ценность, нежели все донесения любого, даже самого лучшего шпиона. Эта детская вера в свое собственное лукавство и изворотливость, это упорное недооценивание средств, которыми располагали другие народы, а

также твердость в своих ошибочных суждениях о психологии этих народов дорого стоили немцам.

В августе 1914 г. Интеллидженс сервис, состоявшим при британском адмиралтействе, руководил адмирал сэр Генри Оливер, который тотчас же сообразил, что если германский секретный шифр останется тайной, то самые важные сведения ускользнут от союзников. Зная, что заведующий морской подготовкой в адмиралтействе сэр Альфред Эвинг слыл за знатока в области криптографии, он пригласил его к себе и дал ему на просмотр несколько перехваченных шифрованных немецких радиограмм с целью испытать его знания. Через час все радиограммы уже лежали на столе у сэра Генри расшифрованными. Адмирал прочел их и, обратившись к сидящему рядом с ним низенькому человеку с огромной головой, густыми бровями и пронзительным взглядом, спросил его, не мог ли бы он подобрать группу экспертов, которые взялись бы за расшифровку всех радиограмм, перехваченных слуховыми станциями на восточном побережье. Для этой работы им была бы отведена особая камера (№ 40, в старом здании адмиралтейства). Сэр Альфред Эвинг согласился, и помещение это — «40 О. Б.» — стало самым ценным и самым действенным орудием войны в руках союзников. Оно беспристрастно обслуживало все отделы, не исключая даже и моего. И, несмотря на то, что в последние месяцы войны постоянные изменения немецкого шифра создавали экспертам гораздо больше хлопот, штат сотрудников «40 О. Б.» стал настолько опытным и искусным, что никакие трудности не были ему страшны. Число радиограмм, которые там приходилось разбирать, доходило иногда до двух тысяч в день. Естественно, что среди этого огромного количества сообщений только немногие представляли действительный интерес, остальные же попадали в корзину ненужных бумаг. Но те из них, которые сохранялись, всегда служили на пользу нашего дела, и немцы тщетно ломали себе голову, разыскивая высокопоставленного предателя среди своих. Одно за другим германские посольства обвинялись в халатности и небрежности.

Самым странным во всей этой истории было то, что капитан фон Рintельн, попавшийся к нам в руки благодаря сообщениям из «40 О. Б.», заставил свое правительство изменить шифр не потому, что он подозревал англичан в раскрытии его, но потому, что был убежден,

что копия этого шифра была похищена в посольстве. Немцы изменили свой шифр, но работники «40 О. Б.» скоро сумели разобрать и новый. Опасность заключалась в том, что немцы могли совершенно прекратить передачу своих сообщений по радио, ограничившись кабелями нейтральных стран; но их трогательная вера в собственную ловкость погубила их.

Так как сообщения, побудившие Соединенные штаты вступить в войну, уже были опубликованы, то меня никто не обвинит в нескромности, если я воспроизведу их здесь для моих читателей. 16 января 1917 г. Циммерман передал по радио следующее шифрованное сообщение германскому посланнику в Мексике Экхардту:

«Мы начнем подводную войну без ограничений с 1 февраля. Тем не менее, мы надеемся, что Соединенные штаты сохранят нейтралитет. В противном случае мы предложим Мексике заключить с нами союз на следующих условиях: мы будем вести войну и заключим мир вместе с ней. Мы будем ей оказывать финансовую помощь и потребуем, чтобы Мексике были возвращены территории Новой Мексики и Аризоны, которых она лишилась в 1848 г. Вам будет поручено проведение следующих мероприятий: вам вменяется в обязанность нащупать почву у Карранцы самым секретным образом, и как только война против Соединенных штатов будет обеспечена, вы предложите ему завязать самостоятельные переговоры с Японией, просить ее присоединиться к нему, а также предложите ему стать посредником между Японией и Германией. Обратите внимание Карранцы на то, что беспощадное использование наших подводных лодок может вынудить Англию просить мира уже через несколько месяцев. Подтвердите получение.

Циммерман».

Как ни мало вероятным это может показаться, сообщение это было послано пятью различными путями, и одним из этих путей было радио. Намеревались послать его с торговой подводной лодкой «Дейчланд», но затем в Берлине решили, что, имея в виду враждебное отношение Соединенных штатов, будет благоразумнее оставить «Дейчланд» в Германии для совместной службы с германским флотом.

24 февраля американский посол в Лондоне отправил следующую депешу своему правительству:

«Статс-секретарю, Вашингтон, № 5746. Приблизительно через три часа мною будет послана телеграмма величайшей важности на имя президента и статс-секретаря.

Пэдж».

Вот эта телеграмма, № 5747:

«Конфиденциально для президента и статс-секретаря. Бальфур только что передал мне текст шифрованной телеграммы германского министра иностранных дел Циммермана, адресованной на имя германского посланника в Мексике; телеграмма послана через Вашингтон и препровождена далее через Вашингтон послом Бернсдорфом 19 января. Вы, вероятно, сможете получить текст в том виде, как он был передан Бернсдорфу из Вашингтона. Число 130 составляет первую группу букв. Вторая группа — 13042, и это число является ключом для шифра. Последняя группа — 97556 — представляет собой подпись Циммермана. Пришлю вам в письме копию шифрованного текста и его расшифровку на немецком языке. Пока же прилагаю нижеследующий английский перевод текста».

За этим следовал точный текст телеграммы Циммермана в переводе на английский язык. Американское правительство никак не могло себе представить, что такой компрометирующий документ действительно мог быть подлинным, а не поддельным. Несмотря на это, им были приняты все необходимые меры для получения копии телеграммы, отправленной Бернсдорфом в Мексику, и было установлено, что в своей шифрованной форме он был совершенно тождественным с письмом, посланным г. Пэджем из Лондона. Но все это не могло еще вполне убедить американское правительство. Оно потребовало, чтобы Пэдж добыл себе ключ этого шифра, чтобы самому разобраться в нем. Ответ г. Пэджа служит объяснением тому, что произошло.

«В ответ на ваш № 4493 я навел справки, возможно ли нам получить копию ключа, однако выполнение этой задачи наталкивается на огромные затруднения. Мне говорили, что ключ сам по себе является недостаточным, так как им пользуются только при частых изменениях группировки цифр, и всего только одно или два лица знают способ расшифровки. Эксперты эти не могут ехать в Соединенные штаты, так как работа их необхо-

дима в Лондоне. Если вы мне вышлите копию шифрованной телеграммы, английские власти тотчас же приступят к ее расшифровке.

Пэдж».

Телеграмма Бернсдорфа была доставлена вашингтонским министерством — второй секретарь посольства г-н Белл привез ее лично. Он был единственным иностранцем, удостоившимся чести проникнуть в таинственную камеру и наблюдать за расшифровкой. Глаза его раскрывались все шире и шире, по мере того, как выявлялась циммермановская депеша. Поистине, это был исторический момент.

Все хорошо помнят, что потом произошло, как телеграмма была опубликована американской печатью и какую бурю это вызвало. Даже Южные штаты, до тех пор относившиеся к Англии враждебно, и те были вне себя от возмущения при одной мысли, что иностранное государство имело дерзость не только предложить неприятелю значительную часть их территории, но и призывать против них помощь другого ненавидимого врага — Японии. Сам президент лично прочел телеграмму в сенате; он знал, что при малейшем колебании с его стороны страна сметет его самого и все его правительство. Тот факт, что сам Циммерман в произнесенной в рейхстаге речи признал подлинность означенной депеши, нанес тяжелый удар всем сомневавшимся и колеблющимся.

Немцы начали тогда свою охоту за шпионами. Сообщение, посланное из Мексики Экхардтом на имя министерства иностранных дел в Берлине, было перехвачено и расшифровано:

«Мексиканская газета «Универсаль», симпатизировавшая союзникам, опубликовала сведения, полученные ею вчера в Вашингтоне, судя по которым президент Вильсон, повидимому, был осведомлен о наших намерениях с самого момента разрыва дипломатических сношений с Германией. Разумеется, я здесь не выпустил никакого коммюнике. О предательстве или болтливости не может быть и речи, значит должна была иметь место какая-нибудь утечка в Соединенных штатах или же секретный шифр уже больше ненадежен. Здесь я все отрицал».

Бедный Экхардт! Секретный шифр никогда не был

надежным. Тем не менее он все же продолжал им пользоваться.

«2 марта, 1917 г. Визит к президенту Карранца в Кверерро был бы несвоевременным. Поэтому я отправился к министру иностранных дел с целью позондировать почву. Он как будто бы согласен обсудить предложение и имел ввиду этого свидание с японским посланником, длившееся полтора часа; но мне совершенно неизвестно, в чем заключалась сущность их беседы. Он представил отчет о ней президенту Карранца.

Экхардт».

Британское адмиралтейство ожидало, что германский секретный шифр будет изменен после этой телеграммы. Это обстоятельство взвалило бы еще бо́льшую нагрузку на камеру «40 О. Б.». Но опасение это оказалось необоснованным, как это видно из следующей телеграммы, посланной Экхардтом в Берлин с надписью. «Совершенно секретно, № 7».

«Будем ли мы в состоянии доставлять снаряды в Мексику? Соблаговолите ответить. Здесь я получил из многих источников предложения помощи в смысле пропаганды.

Экхардт».

Ответ Циммермана был помечен 7 марта:

«Просьба сжечь компрометирующие инструкции. Ваша деятельность вполне одобрена. Мы открыто признали подлинность телеграммы от 14 января. Подчеркните факт, что инструкции надлежало выполнить только в том случае, если бы Америка объявила войну.

Циммерман».

Телеграмма была послана утром. Однако в тот же вечер из Берлина была послана обычным шифром на имя германского посланника в Мексике следующая телеграмма:

«№ 17. Узнайте, какого типа оружие и снаряды будут нужны и в какие мексиканские порты на восточном или западном побережье может войти судно, идущее под иностранным флагом. Мексика должна приложить все усилия, чтобы добыть себе вооружение через Японию и Южную Америку».

Комедия продолжалась. Германское министерство иностранных дел, которому теперь известно было, что прежний шифр ненадежен, продолжало пользоваться им, чтобы узнать, каким образом он был открыт. 21 марта министерство телеграфировало Экхардту по подводному кабелю:

«Совершенно секретно. Расшифровать лично. Телеграфируйте этим же шифром, кто расшифровал № 1 и № 2? Где хранятся оригиналы и копии расшифрованных сообщений? Телеграфируйте, хранятся ли они оба в одном и том же месте?».

Так как Экхардт ответил не сразу, была отправлена вторая телеграмма, помеченная 27 марта.

«Необходима крайняя осторожность. Сожгите компрометирующие документы. Мы получили ряд сведений, указывающих, что в Мексике имело место предательство».

Экхардт поспешил в тот же день ответить:

«Телеграммы расшифрованы Магнусом согласно моим специальным инструкциям. Содержание оригиналов и копий, как и всех документов секретного порядка, не было сообщено членам посольства. Телеграмма № 1 получена здесь под шифром 13040. Но Кинкель припоминает, что она была передана из посольства в Вашингтоне через мой код, как и все получаемые здесь шифрованные телеграммы. Оригиналы были сожжены здесь Магнусом, пепел их развеян. Обе телеграммы хранились в абсолютно надежном стальном сундуке, специально купленном для этой цели и вделанном в стену спальни Магнуса. Они оставались там вплоть до их уничтожения».

Но в Берлине все еще не были вполне удовлетворены и продолжали задавать все новые вопросы, на которые Экхардт дал следующий ответ 30 марта:

«Невозможно соблюдать бо́льшие предосторожности, чем те, которыми мы себя окружили. Магнус читает мне ночью вполголоса текст получаемых телеграмм. Мой слуга, не понимающий ни слова по-немецки, спит в соседней комнате. С другой стороны, текст всегда находится только у Магнуса или же хранится в стальной шкатулке, о существовании которой знаем только мы двое. По словам Кинкеля, в Вашингтоне всему посольству известно содержание даже самых секретных теле-

грамм, и там всегда имеются две копии для хранения в архиве посольства. Здесь не может быть и речи о копиях на угольной бумаге или о выбрасывании в корзину. Уведомьте нас по возможности скорее о том, что мы находимся вне всякого подозрения, как это, наверное, и будет установлено. В противном случае как Магнус, так и я будем настаивать на судебном следствии».

Телеграмма эта произвела желаемое действие. 14 апреля из Берлина телеграфировали:

«После вашей телеграммы мы не можем больше предполагать о существовании какого-либо предательства в Мексике, и сведения, на основании которых мы строили свои предположения, теряют свою силу. Магнус и вы — вне всяких подозрений.

Министерство иностранных дел».

Несмотря на это, телеграммы, касавшиеся заговора с Мексикой, все продолжали высылаться все под тем же шифром.

13 апреля Берлин телеграфирует Экхардту:

«Дайте нам смету расходов, необходимых для выполнения наших планов. Здесь принимаются необходимые меры для перевода значительных сумм. Пришлите, если возможно, указания относительно сумм, собранных на оружие и пр.».

14 апреля Экхардт отправил в Берлин новое предостережение относительно применения секретного шифра, добавляя к этому следующее:

«Президент Карранца заявляет, что он во всяком случае собирается сохранять нейтралитет. Если же, несмотря на это, Мексика все же будет вовлечена в войну, мы снова обсудим этот вопрос. Он говорит, что союз был сорван преждевременным опубликованием, но впоследствии может оказаться нужным. Что же касается поставки 7 миллиметровых маузеров и денег, он даст ответ после того как будет уполномочен конгрессом принять какое-либо решение».

Карранца никогда не обращался к своему конгрессу с просьбой о предоставлении ему полномочий и не принял никакого решения. Вне всякого сомнения, он охотно оказал бы поддержку победившей стороне, но он не имел большой веры в победу своего союзника и не был склонен итти на риск. Экхардт, хотя и сомневался в на-

дежности секретного шифра, все-таки продолжал им пользоваться.

«№ 260—261. Капитану Надольному, главный штаб. Послали ли вы 25 000 долларов Паулю Хильксону? Он должен доставить мне деньги. Что же касается Германа, этот последний заявляет, что получил инструкции из главного штаба поджечь нефтяные промысла в Тампико и собирается исполнить это распоряжение. Но Верди думает, что это английский или американский шпион. Отвечайте немедленно.

Экхардт».

Немцы были, пожалуй, не так глупы, как это можно было думать, судя по этим телеграммам. Когда Экхардт сообщил в Берлин о своих подозрениях, адмирал Холл, заведующий морской разведкой, сильно встревожился. Он всегда старался действовать так, чтобы немцы думали, что «утечка» произошла в Америке. Он прекрасно знал, что все английские газеты тщательно «просматривались» в Берлине, поэтому пригласил к себе представителя «Дейли мейль» и попросил его поместить статью, резко критиковавшую «тупость морской разведки» по сравнению с необычайной ловкостью американцев. Пораженный журналист вытаращил на него глаза, а адмирал продолжал:

— Вам известна история циммермановской телеграммы? Так вот, разве она не служит подтверждением моих слов? Вы же видите, как американцы сумели добыть расшифрованную телеграмму, тогда как мы постоянно безрезультатно пытаемся разобрать германские сообщения.

— Что вы хотите, чтобы я сделал с этой информацией?

— Опубликуйте ее, разумеется.

— Если я ее напечатаю, цензура запретит эту статью.

— Я берусь договориться с цензурой.

Журналист пристально посмотрел на адмирала, и лицо его расплылось в широкую улыбку:

— Мне кажется, я понял, чего вы хотите. Пусть будет по-вашему. Я напечатаю ваш материал жирным шрифтом, так, чтобы он не мог ускользнуть от внимания немцев. .

Статья была напечатана. Американская разведка, возможно, и считала, что расточаемые ей с такой щед-

ростью похвалы были и не совсем заслуженными, но она не опровергала их, а немцы всему поверили. Шифр их не был раскрыт: утечка происходила благодаря ловкому хищению шифрованных телеграмм американцами, а камера «40 О. Б.» не переставала проникать во все их планы и подслушивать все их взаимные пререкания. Инцидент этот является прекрасной иллюстрацией латинской пословицы: «Anem Jupiter vult perdere prius dementat» («если бог хочет покарать, то отнимает прежде разум»).

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЛЛОЙД ДЖОРДЖА. ДЕЛО МАЛЬКОЛЬМА

За несколько дней до заключения перемирия офицер Интеллидженс сервис, прикрепленный к министерству вооружений в целях осведомления его о могущих возникнуть забастовках и вредительствах, явился ко мне в Скотланд-ярд и рассказал мне совершенно невероятную историю. Он сообщил, что один из его осведомителей, ставший близким другом семьи, проживавшей в одном из городов центральной части Англии, проник в тайну подготовлявшегося заговора, имевшего целью убить первого министра таким способом, чтобы убийство никогда не могло быть открыто. Семья эта состояла из некоей госпожи Уалтон, вдовы с двумя дочерьми, на которых старшая была замужем за аптекарем в Соутгемптоне, а младшая — школьная учительница — жила с матерью. Все три женщины были ярыми суфражистками и враждебно относились ко всякому правительству. Замужняя дочь сумела привлечь на свою сторону мужа, который уже разделял ее убеждения; но собственно инициаторшей заговора была мать, которая и сообщила все подробности своего замысла нашему агенту.

История эта представлялась совершенно фантастической. Я попросил полковника назвать мне фамилию осведомителя или, если он предпочитает, привести его ко мне. Он ответил, что уже предлагал это своему работнику, но что тот, услыхав мою фамилию, сильно встревожился и поставил условием не упоминать о нем в связи с этим делом.

Это обстоятельство заставило меня призадуматься. Либо человек этот уже имел какое-то пятно в своем прошлом, либо же он сочинил всю историю с целью получить деньги и похвалу от своего начальника. Я не

стал делиться своими сомнениями с полковником, наоборот, записал фамилии и адреса замешанных в этом деле лиц, сделав вид, что вполне поверил рассказу. Существовало весьма простое средство проверить правдивость рассказа агента, так как, по его словам, аптекарь и его теща постоянно переписывались между собой и ожидали получения посылки — пузырька с «кураре». В то время было очень легко задержать, осмотреть и снять фотографию с любого подозрительного письма или посылки, прежде чем они дойдут до адресата. Для выполнения этого на законном основании стоило только заручиться разрешением, подписанным статс-секретарем. Я без труда получил его и дал задание полковнику узнать у своего агента число, назначенное для осуществления.

Признаюсь, что я был крайне удивлен, получив уже на следующий день фотографию с письма г-жи Уалтон своему зятю, в котором она весьма резко отзывалась о премьере, пользуясь выражениями, которых обычно не употребляют уважающие себя женщины. Следовательно, в истории агента была доля правды. Так как мы теперь уже располагали письменным доказательством существования заговора, то не могли относиться к нему с пренебрежением. Теперь г. Ллойд Джордж уже не играет роли в английской политике, но в то время он считался главной опорой предстоящей мирной конференции и жизнь его представляла огромную ценность для союзников.

Я повидался еще раз с полковником и заявил ему, что агент его должен приехать в Лондон и предоставить себя в наше распоряжение, хочет он этого или нет.

На следующий день я имел разговор с заведующим отделом судебного следствия. Мой приятель, полковник, присутствовал при этой беседе, а агент его ждал внизу. Я принял известные меры предосторожности, вызвав главного заведующего бюро уголовного розыска и сотрудника, в ведении которого находился уголовный архив; последнему было отдано распоряжение ждать за дверью и взглянуть на агента, когда он будет входить в комнату. Выслушав изложение дела, заведующий отделом судебного следствия потребовал, как я и ожидал, чтобы агент взошел наверх для допроса. Полковник согласился пойти за ним и вскоре привел к нам худого мужчину, лет около 35, с хитрым лицом и длинными

черными сальными волосами. Главный инспектор выпрямился и повел носом, как охотничья собака, почуявшая дичь. Он вышел на минуту и прошептал что-то на ухо стоявшему у двери чиновнику уголовного архива. Тот быстро ушел. Агент не мог скрыть своего беспокойства при этом маневре, но все же ответил на все заданные ему вопросы.

Вдруг в дверь постучали. Главный инспектор открыл дверь и взял две фотографические карточки, протянутые ему невидимой рукой. Он передал их мне. Обе фотографии изображали физиономию поэта с длинными волосами, но на обеих были помечены разные фамилии, и ни одна из фамилий не была «Гордон», как называл себя агент полковнику. Я был прямо потрясен, когда узнал, за какие преступления судился наш молодец: в обоих случаях по одному и тому же обвинению в шантаже.

Нам необходимо было использовать этого человека в качестве свидетеля, и меня охватила дрожь при мысли, что могло бы случиться, если бы защитник подсудимых пронюхал о прошлых подвигах свидетеля обвинения. К счастью для правосудия, он решительно ничего не узнал.

Г-жа Уалтон, ее зять и незамужняя дочь были арестованы и обвинены в заговоре и подготовке убийства.

Люди, принципиально имевшие право считаться гражданами, принадлежащими к национальности одного из наших союзников, но германского или австрийского происхождения, нередко доставляли нам много хлопот, так как если мы и могли выгнать из страны всех других нежелательных иностранцев, то не так легко было избавиться от лиц этой категории.

С самого начала войны внимание наше было привлечено одним польским евреем, хорошо воспитанным и изысканно одетым человеком, жившим на широкую ногу, много выше тех средств, которыми он мог располагать в качестве служащего мебельного магазина. На его визитной карточке красовалась корона и надпись, указывавшая, что он носил титул графа Антона Борха. Расследование, произведенное с целью узнать его настоящее имя и национальность, установило, что его подлинная фамилия была Антон Баумберг, что он уроженец прибалтийских провинций и на основании этого бесспорно русский подданный, но родители его были немцы, которые, впрочем, не оставили ему в наследство ни-

какого титула. Он, новидимому, обладал какой-то странной способностью привлекать к себе женщин, и у него был обширный круг принимавших его знакомых, у которых он мог при желании собирать полезные для неприятеля сведения. Его постоянно встречали в модных кафе и ресторанах, и именно этот его образ жизни и побудил нас вызвать его в Скотланд-ярд.

В мою канцелярию вошел молодой человек, надушенный, одетый слишком шикарно; в его манере держать себя была какая-то слащавость. Он слишком охотно отвечал на все задаваемые вопросы, как бы стараясь отвести от себя всякое подозрение. Каковы были источники его доходов? — Отец его оставил ему порядочный капитал, который он поместил в Англии. Этого состояния было вполне достаточно для удовлетворения его скромных потребностей. Он поселился в Англии, потому что любил эту страну и имел здесь много друзей. Когда я попросил его назвать фамилии его знакомых, он на минуту задумался, а потом, овладев собой, назвал фамилии нескольких лиц, его знакомых, ничего о нем не знавших.

Когда я своими вопросами коснулся войны, он засуетился и потерял самообладание. Русские, сказал он, не призвали его в армию. Если бы они это сделали, он, разумеется, явился бы на призыв. Он не вступил в ряды британской армии, потому что принципиально считал, что если уже драться, то обязательно за свою собственную родину. Но он всем сердцем и всей душой был за успех союзников.

— Я думаю, что мог бы содействовать вашему принятию в русскую армию,— сказал я ему.

— Они нашли бы, что я физически негоден для военной службы,— возразил он.

Ответы его относительно титула, который он носил, были довольно уклончивы. Он сказал, что мать заявила ему о его праве называться графом Борхом и что это заявление он считает для себя вполне достаточным. Я возразил, что оно отнюдь не является достаточным для русских властей, а кроме того, титул этот был несуществующим. Он притворился крайне удивленным и заверил меня, что поговорит об этом со своим адвокатом. Если, как предполагали, он доставлял сведения неприятелю и получал за это деньги, допрос в Скотланд-ярде должен был его сильно напугать. Многие шпионы были

расстреляны и повешены, и человек, так сильно дороживший своей особой, наверное не желал подвергать ее такому риску. Как бы то ни было, почтовой цензуре не удалось задержать ни одного подозрительного письма, посланного Борхом. После этого мы оставили его в покое, полагая, что если ему будет предоставлена достаточная свобода действий, он все равно попадется, как только рассеются его опасения.

Мы не ожидали, что вскоре нам опять придется с ним столкнуться.

Однажды утром в августе 1917 г. жители того дома, в котором проживал Борх, проснулись, разбуженные криками ссорившихся между собой людей и последовавшими четырьмя выстрелами из револьвера. Швейцар позвонил по телефону в полицию, которая явилась через несколько минут.

— Кто-то стрелял из револьвера,— стал объяснять швейцар.— Какой-то мужчина несколько минут назад спрашивал графа Борха. Так как он назвал себя инспектором Кипью из Скотланд-ярда, я пропустил его наверх.

— Проведите нас в квартиру Борха.

Не успев еще дойти до дверей квартиры, полицейские встретились в коридоре с каким-то молодым человеком, который остановил их и сказал:

— Фамилия моя Малькольм, это я стрелял из револьвера. Я убил человека, который живет в этой квартире.

Один из полицейских схватил Малькольма, а остальные бросились в комнату. Они нашли мертвого Борха, лежащего на постели, тело его было прострелено тремя пулями. В ожидании прибытия состоявшего при полиции врача детективы обыскали комнату. Ящик от ночного столика, стоявшего у кровати, был открыт на девять дюймов, и в нем находился заряженный револьвер в футляре. Из этого револьвера не стреляли. Малькольм уже передал полиции револьвер, которым был убит Борх.

Малькольм был арестован по обвинению в предумышленном убийстве.

Он произнес всего только несколько слов: «Я сделал это, чтобы отомстить за мою честь». Несколько позже он добавил: «Вы не можете себе представить, что я почувствовал, когда увидал, что этот подлец старался отнять у меня жену, в то время как я сражался во Франции и был лишен возможности защищать ее честь. Можете

ли вы удивляться тому, что я сделал под влиянием момента, когда увидал эту собаку, увлекавшую мою жену на позор».

Перед нами был оскорбленный муж, три года подряд сражавшийся за свою родину, офицер с незапятнанной репутацией, являвшийся естественным защитником своей жены, но лишенный возможности защищать ее из-за службы отечеству. Он был жертвой противоречивого чувства долга. Но английские законы не признают никаких градаций в оценке убийства. Не существовало никаких смягчающих обстоятельств для преступления, за исключением разве возможного признания со стороны присяжных заседателей факта, что Малькольм выпустил эти четыре выстрела исключительно в качестве меры для защиты своей жены. Существовал какой-то слабый луч надежды. Во время следствия мы узнали через г-жу Малькольм, что граф купил себе револьвер на случай, если ему придется защищаться против оскорбленного мужа, и хранил это оружие постоянно заряженным в ящике своего ночного столика. В день преступления полиция нашла этот ящик приоткрытым на 9 дюймов. Правда, заряженный револьвер все еще находился в своем чехле, но Малькольм мог заметить, как выдвигали ящик, и с полным основанием мог предположить, что его противник собирался в него стрелять, и поэтому выстрелил в свою очередь из своего револьвера.

Малькольм был оправдан и получил возможность, к большому удовлетворению английского общества, вернуться на фронт и продолжать служить отечеству. Однако мне невольно приходит в голову вопрос, как бы поступили присяжные заседатели, если бы положение было иное, если бы Борх выстрелил первый и убил нападавшего на него Дугласа Малькольма? Согласились бы они в таком случае оправдать этого подозрительного пионона, эту темную личность? Вот вопрос, который должны задать себе все, кто склонен превозносить безупречность весов правосудия и беспристрастность английских судов.

МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

За три дня до заключения перемирия меня попросили сопровождать представителей министерства иностранных дел и министерства труда, чтобы приготовить не-

обходимое помещение для приема британской делегации, посылаемой на предстоящую мирную конференцию. Гостиницы «Мажестик» и «Астория» — первая для размещения делегатов, а вторая для канцелярии — являлись тогда, повидимому, единственными подходящими зданиями для этой цели, и английский посол обратился с просьбой к г. Клемансо предоставить их в его распоряжение. Так как гостиницы были огромные, г. Клемансо спросил с некоторым недоумением, сколько же людей предполагалось в них поместить. Когда ему ответили, что будет всего около 400 лиц, он воскликнул: «А, значит британская армия уже демобилизована!»

Весь воскресный день 10 ноября 1918 г. вплоть до самого вечера мы разъезжали по Парижу вместе с секретарем г-на Клемансо в поисках помещения для штата служащих типографии министерства иностранных дел. На следующий день, до 11 часов утра, я отправился в Булонский военный госпиталь, в котором дочь моя работала сестрой милосердия. В кармане у меня было сообщение о мирных переговорах, но французы об этом еще ничего не знали. У входа в госпиталь я увидел группу проходивших мимо немцев военнопленных. Они весело смеялись и распевали песни, хотя радостная новость до госпиталя еще не дошла. Радость их была, несомненно, вызвана слухами о революции в Германии.

Так как мои основные обязанности требовали моего присутствия в Лондоне, я приезжал на мирную конференцию каждые две недели для проверки работы моих сотрудников. Было чрезвычайно интересно следить за постепенным снижением и окончательным падением престижа президента Вильсона у французов. Когда он приехал в Европу, все думали, что он сумеет помочь преодолеть бедствия, от которых так страдала Франция, что ему удастся снизить цены на предметы первой необходимости и поднять курс франка. Но неделя проходила за неделей, не принося никакого заметного улучшения. Его объявление об образовании Лиги наций пришло слишком поздно. Ничто уже не могло ему вернуть симпатии общества, что бы он ни сказал и ни сделал. Его ожидала участь человека, на которого возлагали слишком большие надежды, которые он не оправдал. Я должен признаться, что его речь на первом пленарном заседании Лиги наций меня разочаровала и по фор-

ме, и по существу. В тот же вечер, сидя за обедом с американскими офицерами, также присутствовавшими на этом заседании, я слышал, как они с горечью спрашивали друг друга, неужели Америка не могла найти другого государственного деятеля, более осведомленного в европейских делах и лучше знающего людей.

Конференция затягивалась, но, наконец, настал желанный день, мир был подписан в Версале, и каждый получил возможность свободно заняться своими делами. Приписываемое Ратенау игривое выражение, что Версальский договор поставил себе целью европеизировать Балканы, а добился лишь балканизации Европы, представляется при рассмотрении положения четырнадцать лет спустя не слишком далеким от истины. Рассказывают также, что когда вскоре после подписания договора одно из близко стоявших к Клемансо лиц упрекнуло его в том, что он покровительствовал выпуску подобного документа, он возразил: «Как поступили бы вы на моем месте, если бы сидели, как это было со мной, между Иисусом Христом по левую руку и Иудой Искариотом по правую руку!» (Вильсон и Ллойд Джордж.)

Положение вещей в Соединенном королевстве во время демобилизации было, конечно, далеко не успокоительным. В министерстве полагали, что наступило время объединить все отделы разведки под единым руководством, и на этот пост был избран я. Я оставался на своем посту в течение двух лет и подал в отставку в 1921 г., в результате разногласий с Ллойд Джорджем по одному незначительному вопросу. Через несколько дней после моей отставки я получил приглашение от покойного князя Макса Баденского, бывшего рейхсканцлера в момент отречения кайзера от престола, навестить его в его замке. Я отправился к нему, хотя цель этого посещения представлялась мне довольно неясной. Секретарь его ожидал меня на пристани маленького парохода, перевозившего пассажиров через озеро, и разъяснил мне все во время нашего путешествия в автомобиле до замка. Я должен был встретиться там с германским товарищем министра иностранных дел, одним полковником, который, как меня уверяли, удостоился чести быть единственным офицером, вернувшим свой батальон с фронта без всяких осложнений. Теперь ему было поручено наблюдение за коммунистическим движением в Германии, и, пригласив меня, князь рас-

считывал использовать опыт, приобретенный мною в Англии, для разрешения этого вопроса. Князь Макс ожидал меня на лестнице и проводил в предназначенную мне комнату во флигеле замка эпохи Людовика XIV. За обедом меня представили княгине, сестре нашей королевы Александры, сыну и дочерям князя.

На следующее утро я присутствовал на совещании. Князь Макс, прекрасно говоривший по-английски, служил переводчиком. Германский полковник говорил мало, но вытаскивал без конца документы из своего портфеля и читал вслух нескончаемые столбцы цифр. Это был сухой формалист, лишенный всякого воображения. Я высказал ему свое мнение с полной откровенностью, рекомендуя ему не прибегать к репрессивным мерам. Повидимому, совет этот пришелся полковнику не по вкусу.

Два дня спустя берлинские гости покинули замок. Я, в свою очередь, также приготовился к отъезду, но князь удержал меня, прося провести еще несколько дней в его семье. Я узнал тогда много весьма интересного о событиях, имевших место в Германии как раз накануне перемирия. Князь состоял еще в своей должности, когда вспыхнула революция. Восставшие вооруженные солдаты наводняли Берлин; толпы народа собирались у правительственных зданий; один Эберт был в состоянии их сдержать. Однажды Эберт пришел предупредить князя Макса, что, в случае если отречение кайзера не будет немедленно объявлено, народ примется все жечь. Князь Макс подошел к телефону и вызвал номер главной квартиры. Ему казалось, что прошла вечность до той минуты, как он услыхал звон шпор и шаги человека, подходившего к телефону. Это был адъютант кайзера. Князь Макс попросил разрешения лично говорить с кайзером, но ему ответили, что это невозможно. Он сообщил офицеру, что в Берлине вспыхнула революция и что можно спасти положение только путем объявления отречения кайзера. Согласится ли адъютант передать это сообщение кайзеру? Раздался звук удалявшихся шагов и звон шпор. Ожидание казалось бесконечным. Казалось, что яростные крики толпы заглушают звуки голоса в телефоне. Эберт ворвался в комнату и объявил, что он больше не в силах сдерживать толпу. Князь Макс ответил: «Удержите их еще две минуты», слыша, что звон шпор снова приближается к телефону.

Раздался громкий голос: «С кем говорю?» — «С рейхсканцлером!» — «Его величество согласно отказаться от престола как германский император». Князь Макс тотчас же оборвал разговор, положив трубку. Он знал, что фраза кончится словами: «как император Германии, но не как король Пруссии», и страшился услышать эти слова. Эберт обнародовал отречение.

Я узнал также об обстоятельствах, непосредственно предшествовавших перемирию. Германские делегаты получили распоряжение остановиться в главной квартире и посоветоваться с маршалом Гинденбургом относительно условий, на которые им следовало согласиться. В канцелярии маршала стоял стол, весь заваленный телеграммами, доставленными со всех германских линий. Вестовые входили один за другим, прибавляя все новые и новые телеграммы к груде, лежавшей на столе. Все это были известия о восстаниях и массовом дезертирстве.

Людендорф не мог больше сопротивляться, и его заменил фон Грюнов. Один Гинденбург сохранил, повидимому, полное хладнокровие. «Постарайтесь добиться самых выгодных условий,— говорил он.— При нынешнем положении армии, вы же видите это из телеграмм, продолжение войны невозможно».

Во время первых переговоров в Компиенском лесу германские делегаты поняли, что союзники ничего не знали о фактическом положении врага и что они могут добиться более выгодных условий, чем ожидали. Но за завтраком они получили телеграмму от Гинденбурга, предписывавшую им категорически: «Соглашайтесь на полную капитуляцию». Уверенные, что союзные делегаты уже в курсе этой телеграммы, они, скрепя сердце, снова заняли свои места и были немало удивлены, что им разрешили продолжать обсуждение пунктов, против которых они утром возражали; они даже уверяли впоследствии, что им удалось добиться некоторых уступок.

Возвращаясь из Бадена, я по дороге остановился в Кельне, где завтракал с английским генералом, а затем отправился к бургомистру. Этот последний рассказал мне о вступлении английских войск в его город. Его вызвали выслушать условия англичан. Генерал с красным и строгим лицом сидел за длинным столом, окруженный внушительным генеральным штабом. Бур-

гомистру подали бумагу, на которой были изложены условия.

— Я прочел их,— рассказывал он,— со все возрастающим удивлением и не мог воздержаться от протеста. Но ведь это же варварские требования! Цивилизованная нация не дерзнет предписывать подобные условия беззащитному городу. Я заметил тогда, что лицо генерала расплылось в улыбку.

— Однако это как раз условия, которые были предписаны вашими генералами беззащитному городу Лиллю,— сказал он, взяв у меня обратно бумагу и протянув мне другую,— а вот наши условия.

— Мне хотелось провалиться сквозь землю,— сказал бургомистр: — так мне было стыдно, что немецкий генерал мог навязать такие невероятные условия Лиллю. Это был позор для германской армии.

II

ГРЕЦИЯ В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Июнь — октябрь 1915 г.

Аппарат германской пропаганды в Афинах обычно изображался прессой союзников как мощная и грозная сила, которой руководил исключительно способный и находчивый барон фон Шенк.

В Афины барон прибыл в качестве коммивояжера фирмы Круппа. Такая профессия Шенка могла бы удивить всякого, кто его знал. Газеты, писавшие о его вкрадчивой обаятельности,— безусловно полезное качество разъездного торговца,— могли бы подтвердить его роль.

На первых порах он пытался оказать влияние на некоторые греческие газеты, но англо-французская служба пропаганды, шедшая по его следам, расходовала в пятнадцать раз больше денег, чем Шенк. Подкупив все еще не захваченные им газеты, англо-французская служба быстро выбила фон Шенка из седла. Но если греки не поддавались союзнической пропаганде, то не «германское золото» соблазнило их. Дело было проще. Проповедуя греческому народу необходимость войны, союзники вместе с тем сумели показать с предельной ясностью, что результатом войны будет раздел Греции в пользу Болгарии. Все это делалось в период, когда союзники не могли похвастать ни одной значительной победой и когда исход войны казался еще сомнительным.

Барон фон Шенк увидел в этой ошибке союзников возможность нажить капитал. Он заполнил германскую прессу сообщениями о том, что благодаря его искусным манипуляциям общественное мнение Греции очень резко настроено против союзников: что нейтралитет Греции, столь необходимый Германии, был делом его рук. Так

образовался порочный круг: измышления фон Шенка, напечатанные в германской прессе, широко цитировались французскими газетами, и общественное мнение постепенно приходило к уверенности, что Греция под влиянием своего короля склоняется в сторону центральных держав. Курьезно, что в то время как фон Шенка сделали пугалом французской публики, германский посол в Греции граф Мирбах сообщил (3 сентября 1915 года), что барон фон Шенк пытался уговорить греческого короля Константина обратиться за помощью к кайзеру, но что король, естественно, не последовал этому совету; он также сообщал, что фон Шенк — патологическая личность. Повидимому, посол знал, что фон Шенк постоянно принимал участие в тайных ночных оргиях вместе с главой французской тайной полиции, во время которых они, как добрые друзья, сообщали друг другу имена осведомителей которые их обманывали.

Сношения с греческими журналистами также не обходились без курьезов. Война была для них периодом богатой жатвы. В начале 1916 г. руководители французской службы пропаганды решили купить газету «Эмброс» и сделать ее своим органом пропаганды, связанным с официальным органом Венизелоса «Патрис». Как только об этом услышали руководители «Патрис», они отправились во французскую миссию и угрожали перейти в ту же ночь в другой лагерь, если деньги, предназначенные для «Эмброс», не будут вместо этого выданы им.

23 апреля 1916 г. французская миссия телеграфировала на Кэ д'Орсей:

«Венизелосские газеты очень встревожены нашим приобретением других газет. Необходимо будет утихомирить их посредством 200—300 тысяч франков».

Через неделю последовала вторая телеграмма:

«Дело с «Эмброс» прекращено из-за угроз венизелосских газет. Они шантажируют нас, угрожают выступить против Антанты, если она купит «Эмброс».

Эти телеграммы были подписаны ныне покойным Анри Тюро (личным другом Бриана), который был послан в Грецию для руководства секретной пропагандой и французским радиоагентством.

Стратегов может интересовать вопрос, в какой мере салоникская экспедиция способствовала или повредила

конечной победе союзников. Для нас несомненно одно: экспедиция оказала самое губительное влияние на внутреннюю политическую жизнь Греции и на моральное состояние службы разведки стран Антанты.

Во главе салоникской экспедиции был поставлен генерал Саррай, который до того (22 июля 1915 года) был отстранен от должности во Франции за самовольные действия в Аргоннах. Это был вздорный и тяжелый человек, он не знал страны и не был осведомлен о событиях, которые произошли там с начала войны...

Как и следовало ожидать, он отклонил услуги военной разведки (Второго бюро) и создал нечто вроде собственной политической разведки, которую возглавлял сперва капитан Матье, а затем Венуа, впоследствии начальник судебной полиции в Париже. Саррай изобрел спасительную формулу: «Константин угрожает мне ударом в спину» — и пускал ее в ход всякий раз, когда в Париже его критиковали за бездеятельность.

Его презирало большинство офицеров и солдат, служивших под его началом. Он поочередно ссорился со всеми офицерами союзных частей, и много месяцев ушло на то, чтобы побудить французское правительство отозвать его.

Неспособность дружно работать с людьми была не единственным недостатком его, как командира. Он был подозрителен, легковерен и склонен к мании преследования; всякого, кто не соглашался с ним, он подозревал в заговоре против себя. Для него было естественно получать всякие фантастические сведения от секретной агентуры, которой пришлось приспособить всю систему своей работы предвзятому подходу этого человека.

Декабрь 1915 г.

В конце декабря 1915 г. на афинской арене появилось новое лицо, непохожее на тех офицеров разведки, которые украшают собою страницы детективных романов. Командор де Рокфей, будучи начальником штаба при командующем морскими силами Франции, адмирале Лаказе, покорил его своей активностью и оригинальной выдумкой. Адмирал послал его в Афины без определенных инструкций и с правом самому решать, что полезно для Франции и ее союзников. Лаказ доверял ему и был готов оказать ему поддержку при любых трудностях;

как мы увидим дальше, Лаказ имел доступ к президенту Пуанкаре, который слишком буквально воспринимал свое звание главы французской армии и флота.

Официально Рокфей был назначен морским атташе, но ему было предоставлено неприятное среди морских атташе право сноситься специальным шифром непосредственно с морским министром и еще четырьмя министрами, минуя французского посла, который формально был начальником Рокфея. Официально обязанности Рокфея состояли в том, чтобы собирать точные сведения о морских силах; но ему также было поручено способствовать — в противовес германской пропаганде — установлению добрых отношений с греческими властями. Ни одну из этих двух обязанностей он и не пытался выполнить.

Официальным местом своего пребывания он избрал здание французской школы в Афинах и тотчас приступил к работе по вербовке сотрудников осведомительной службы (позднее преобразованной в тайную полицию) из среды подонков общества, многие из которых уже получали деньги от немцев.

Де Рокфей был рабом системы «досье». Говорят, что всякий раз, когда новый префект полиции вступает в Париже в должность, он первым делом направляется к ящичку, помеченному его инициалами, чтобы узнать, что говорил о нем его предшественник, и роется в этом ящичке с пылающим лицом. Поэтому я позволяю себе попытаться обрисовать Рокфея в стиле «досье», к которому он питал такое пристрастие.

«Командор де Рокфей.

Французский морской офицер, лысеющий, склонный к полноте, гладко выбритый, с небольшими усиками; проявляет запальчивость и жестокость. Природа одарила его неиссякаемым источником энергии и актерскими способностями, которые сделали бы его бесценным человеком для Голливуда. Она также дала ему чарующие манеры, которые привлекают людей, особенно противоположного пола. Тут она, природа, остановилась, не дав ему ни способности здраво рассуждать, ни чувства приличия, ни понимания вопросов чести.

Выходец из дворянской семьи в Бретани, он был воспитан в атмосфере религиозности, но это привело лишь к тому, что во всех случаях отступления от джентльмен-

ского кодекса чести он прибегал к религиозной морали. При строжайшей дисциплине он мог бы стать полезным офицером, поскольку он человек проницательный и деятельный. Но если бы ему было позволено действовать по своему усмотрению, он мог бы серьезно повредить своей стране. В критические моменты его суждения всегда ошибочны. Более того, он легковерен и очень плохо разбирается в людях».

Картотека, составленная Рокфеем, быстро выросла до 25 тыс. карточек и содержала сведения обо всех более или менее выдающихся людях в Греции. Это был вулкан, полный неправильно использованной энергии. Осведомитель низшего типа обычно любит угадывать, какая информация будет приятна шефу, и придерживается этой информации. Всякого рода клевета, достигавшая слуха Рокфея, тотчас же без изъятия заносилась в картотеку. Это было не все. Он устроил во французской школе в Афинах склад оружия и взрывчатых материалов и подсобный склад в Пирее.

Его линией было действие. Он считал, что все греки были настроены в пользу Германии и что он обязан постоянно мучить их, до тех пор пока военная оккупация страны не будет признана единственным целительным средством. Чтобы достигнуть этого, он был готов инсценировать драматические эпизоды и обманывать собственное правительство. В морских делах, входящих в круг его обязанностей, он был полным невеждой. Он мог пересказывать скандальные сплетни обо всех лицах, связанных с двором, но когда французский адмирал дю Фурнэ потребовал у него точных сведений о подводных лодках и минных заграждениях, он мог только повторить фантастические бредни своих агентов, которые опровергались при малейшей проверке.

С первых шагов своей официальной деятельности он заставил французского посла созвать всех служащих посольства — формально для того, чтобы он, Рокфей, мог призвать их помочь ему в организации разведки, фактически, чтобы изложить им свою программу подрыва авторитета греческого правительства и установления общего контроля над страной. Уже через шесть недель после его прибытия в Грецию он был вызван на конференцию морских офицеров на Мальте. Там он горячо доказывал, что единственно возможный путь — оккупа-

ция страны, что только этим можно спасти армию в Салониках от катастрофы. «С греками можно сделать, что угодно»,— таков был рефрен его песни. Когда союзническая эскадра под командой адмирала Дартиж дю Фурнэ бросила якорь в Пирее, он телеграфировал в Париж:

«Нет оснований беспокоиться о суверенитете Греции, ибо в стране нет никого и ничего, что не подвергалось бы насилию».

Это была больше чем правда: его тайная полиция открыто арестовывала подданных вражеских государств и даже греков, которых он подозревал в симпатиях к врагу. Когда греческое правительство протестовало против самовольных арестов среди высокопоставленных греков, он телеграфировал: «Военная обстановка требует энергичных мер, перед которыми греческая законность должна отступить, тем более, что она и так ежедневно нарушается». Он продолжал настаивать на том, чтобы был произведен десант, доказывая при этом, что наличие союзнического флота на рейде не является достаточной мерой.

Столовая отеля «Гранд Бретань» в Афинах представляла в то время забавное зрелище: там бок о бок сидели герои всех злоключений, происходивших в Греции. За одним столиком сидел Анри Тюро, присланный Брианом, чтобы изливать на греческую прессу потоки субсидий и противостоять агитации в пользу Германии силами французского агентства радиопропаганды; за другим сидел командор де Рокфей, в обращении грубоватый, но предупредительный, занимавший какого-нибудь гостя, которому предстояло быть вписанным в актив; немного поодаль от них сидел барон фон Шенк — лысый, ласковый и тучный; в дальнем конце зала находились члены различных союзнических миссий, не всегда осведомленные о том, что делают исполнители главных ролей, не знающие, например, что непримиримые враги — де Рокфей и фон Шенк — часто встречались наедине в вилле, снятой фон Шенком в окрестности Афин, где они для вида обменивались информацией о составе своих тайных агентур, а фактически плели сеть сумасбродных заговоров, причем каждый был убежден, что обманывает другого. Так, они замышляли организацию сепаратного мира между Францией и Германией; об этом впоследствии поведал адмирал Дартиж дю Фурнэ. Можно догадаться, что это «интер-

меццо» зародилось в мозгу ласкового немецкого барона. Оба нанимали одних и тех же агентов, и не таких (как бывает иногда), которые были опорочены или уволены противником, а людей доверенных, оплачиваемых одновременно обеими сторонами, о чем осведомлены были оба шефа. Летом 1916 г. греки арестовали на границе десять человек, действия которых были подозрительны. Арестованные показали значки французской разведки, прикалывавшиеся к отворотам пиджаков. Греческий офицер взял один значок и при более внимательном рассмотрении обнаружил, что на оборотной стороне его была эмблема германской разведки. Арестованных обыскали. Каждый из них имел два паспорта, французский и германский, и в довершение всего у некоторых из задержанных людей в карманах оказались по две докладных записки — одна для де Рокфея, другая для фон Шенка. Это были поучительные документы, они касались одного и того же события, но подробности дела были хитроумно изложены, в каждом варианте — на вкус адресата [1].

Никогда мы не узнаем, сколько миллионов франков было выброшено де Рокфеем на бесполезную агентуру. Он навербовал отряд дам легкого поведения, которые должны были выпытывать сведения у мужчин, с которыми они сожительствовали. Естественно, эти женщины, чтобы избежать обвинений в нерадивости, придумывали информацию, удовлетворявшую их шефа. Де Рокфей имел наглость хвастать как-то, что он завербовал даму, которую держал специально для того, чтобы вытягивать сведения у короля Константина.

Все это было очень хорошо известно послам союзных держав в Афинах. В официальных кругах имя де Рокфея было у всех на устах, и все же в течение многих месяцев никакие сведения о его похождениях, казалось, не достигали слуха союзнических кабинетов министров. Работа по организации «новинок» разведки побудила его поручить наблюдение за собиранием информации Риго, французскому морскому инженеру, состоявшему в тесном контакте с одним английским писателем, временно произведенным в чин лейтенанта британской разведки. Водевильные антраша британской разведки

[1] Этот случай сообщен автору офицером отделения греческой разведки при генеральном штабе.

политически были менее опасны, чем деяния де Рокфея, но когда афинская полиция довела до сведения короля Константина, что английские офицеры мобилизуют греческих кафешантанных певиц в качестве агентов-осведомителей и катают их на виду у всех в казенных автомобилях, то, несомненно, английский престиж потерпел урон в глазах греков. Рико сказал как-то капитану Шамонару: «Если бы кто-нибудь узнал обо всем, что мы делаем, и о тех средствах, к которым мы прибегаем, вот была бы катавасия!»

Де Рокфей, надо полагать, не имел никакого представления об искусстве пропаганды, но, видимо, инстинкт подсказал ему ту простейшую истину, что единственным действенным способом пропаганды является факт, и когда оказывалось, что факты не совпадают с его политикой, то он их выдумывал. В период войны офицеры разведки всегда подвергаются искушению влиять на их правительства в том направлении, по которому им как разведчикам кажется нужным итти. Но им редко позволяют впутываться во внутреннюю политику той страны, куда они посланы. Иногда они могут представлять своим верховным начальникам тенденциозные доклады и пытаться тем самым оказывать на них определенное влияние. Контролировать действия де Рокфея в Греции могли только Гийемен и Лаказ, но оба они были у него «в кармане», а командовавший салоникской армией Саррай скорее способен был поощрять Рокфея, чем сдерживать его.

Для определения степени пригодности де Рокфея в качестве офицера морской разведки достаточно привести один пример. При первой же беседе с де Рокфеем адмирал Дартиж дю Фурнэ просил его сообщить имена греческого морского министра и командующего греческим флотом, рассказать о вооружении греческих судов и о характере заграждений между Саламисом и Керацини. Он не смог ответить ни на один вопрос, но зато угостил адмирала кучей нахучих сплетен, вынесенных с черного хода дворца. Адмирал тогда же почувствовал недоверие ко всему, что рассказывал его собеседник. Впоследствии он только укрепился в этом мнении и был очень встревожен, когда узнал, что французский министр Лаказ принимает все сообщения Рокфея за чистую монету.

Вряд ли информация де Рокфея могла в течение

столь долгого времени оказывать влияние на французскую политику, если бы ему не было дано право, которого никогда до того не имел ни один офицер разведки,— право непосредственных телеграфных сношений не только с морским министром, но также с Клемансо и Лейгом.

Таким образом, де Рокфей имел полную возможность вводить в заблуждение общественное мнение, поскольку его информация передавалась в прессу по обычным официальным каналам. На Кэ д'Орсей Бриан вел линию на достижение взаимопонимания с греческим правительством. Возможно, он не вполне был осведомлен, какие силы ему противостоят, и поэтому внутри французского кабинета оказались две противоположные политические тенденции и влияние французского президента было на стороне тех, кто настаивал на насильственных действиях.

В то время дела в Греции обстояли так: огромное большинство населения было против того, чтобы страна вступила в войну.

Для де Рокфея, так же как и для легковерного и подозрительного Саррая проблема состояла в том, чтобы изобразить, будто народ Греции рвется на поле брани, сочинить, что король находится в тайных сношениях с германским двором и министрами. Константин-де, убаюкивая союзников сладкими речами, готовит дьявольскую ловушку для их войск в Салониках. С другой стороны, Венизелоса следовало представить бравым патриотом, выражающим чаяния угнетенного народа.

В САЛОНИКАХ

Начиная с середины ноября 1915 г. Венизелос пошел почти в открытую против своей страны. Из неопубликованных документов, хранящихся на Кэ д'Орсей, вытекает с очевидностью, что он поставил в затруднительное положение французское правительство, выдвинув обвинение против Греции, и здесь мы можем проследить работу Гийемена и де Рокфея. 18 декабря Гийемен телеграфировал, что он виделся с Венизелосом «после четырехнедельного перерыва,— чтобы не компрометировать его в момент, когда мы должны применить против Греции известные меры, вдохнови-

телем которых Венизелос не должен казаться». Далее он передает слова Венизелоса:

«Вам нечего мне объяснять. Я все понимаю. Вы имеете дело с мерзавцами, которые над вами насмехаются. Ваше присутствие в Салониках смущает их. Если бы они только могли, они предали бы вас немцам. Только страхом и угрозой голода вы сможете держать их в руках. Это самый крупный ваш козырь. Самое важное — это транспортировать хлеб небольшими партиями».

23 декабря Бриан прислал 350 тыс. франков, чтобы поддержать кампанию Венизелоса. Спустя несколько дней он сообщил о предложении сэра Базиля Захарова ассигновать несколько миллионов франков на союзническую пропаганду в Греции.

Мы лишь вскользь упомянем о том, что греческое правительство протестовало против оккупации союзниками острова Корфу, превращенного в лагерь сербской армии. С точки зрения международного права и договора 1864 г., по которому державы гарантировали «вечный нейтралитет» Корфу, протест был справедливым, и насильственный захват острова, несомненно, представлял нарушение греческого нейтралитета и обязательств держав.

Апрель—сентябрь 1916 г.

5 апреля 1916 г. французский и британский послы сообщили Скулудису (греческому премьеру.— *Ред.*) о том, что союзники намерены переправить сербскую армию морем из Корфу в порт Патрас, оттуда по железной дороге до Афин, а затем через Ларисcу в Салоники. Гийемен говорил решительно и даже грубо; его морской атташе много раз заверял его, что у греков можно угрозой добиться всего, но Скулудис остался непреклонным.

Отказ в пропуске сербских войск через территорию Греции буквально воспламенил Бриана.

В телеграмме из Парижа[1] Извольский сообщал, что французы решили осуществить строжайшую блокаду Греции; но англичане были против этого, предвидя, что такая мера сможет заставить греков демобилизоваться. В качестве компромисса они предложили, чтобы сербы

[1] Русская «Белая книга», 1922 г.

были отправлены в Салоники через Коринфский залив; против этого Скулудис не возражал. Русское правительство стало на ту же точку зрения и рекомендовало французам согласиться на компромисс. Это вызвало в Париже большое раздражение. Бриан предупредил греческого посла, что если хоть один транспорт с сербскими солдатами, направляемыми в Салоники, подвергнется торпедной атаке, это будет иметь гибельные последствия для Греции. Такое настроение создали у него секретные донесения де Рокфея, который страдал «субмариниой» манией. Тем не менее, к 29 мая 100 тыс. сербских солдат со всем их снаряжением были доставлены в Салоники без потери единого человека или багажного тюка.

Венизелос начал действовать открыто. Становилось очевидным, что своим поведением он изолировал себя от большинства соотечественников и что надежды на возвращение к власти он мог возлагать только на помощь союзников.

Парижская пресса была полна сообщений о венизелистских демонстрациях в Афинах. Между демонстрантами и толпами народа происходили стычки, и для восстановления порядка необходимо было вмешательство полиции. Согласно объяснениям газеты «Тан», эти нападения на венизелистов производились подлыми наемниками фон Шенка, которые, терпя поражение, вызывали полицию, помогавшую германским агентам разгонять венизелистских демонстрантов. Любопытный комментарий к этим событиям мы нашли в одной телеграмме из архива Кэ д'Орсей; она подписана Тюро и датирована 11 апреля 1916 г.: «Недавние венизелистские демонстрации в Афинах стоили нам немного — всего 10 тыс. франков».

Не следует думать, что все это время де Рокфей сидел сложа руки. Датированная 15 апреля телеграмма Извольского из Парижа показывает, что Бриан поверил сообщениям о том, что манифестации против союзников были организованы греческой полицией. Утомленный бесплодной борьбой против клеветников, Скулудис вышел в отставку 19 июня.

Два дня спустя, 21 июня, английский, французский и русский послы вручили помощнику министра иностранных дел ультиматум, содержавший ряд ложных обвинений.

К этому времени работники британской разведки, казалось, окончательно поддались влиянию де Рокфея, убедившего их в том, что афинская полиция готовит провокацию с бомбой против болгарской дипломатической миссии, в которую должны быть вовлечены два чиновника английской дипломатической миссии, после чего будут произведены аресты среди английских подданных. 14 июня лорд Грей пригласил греческого посла и заявил ему, что британское правительство убедилось ныне в том, что афинская полиция действует по наущению врага; что один греческий офицер публично обвинил во лжи британскую дипломатическую миссию; что в Афинах имела место антибританская демонстрация, участники которой, собравшись перед окнами миссии, издавали враждебные возгласы, чему не воспрепятствовала полиция; что высокопоставленные особы, действуя по наущению врага, позволили немцам и болгарам обосноваться в греческих крепостях; и если греческое правительство не обладает ни властью, ни желанием защитить британскую миссию, английский посол будет отозван из Афин. Скулудис, естественно, потребовал доказательств достоверности этих сообщений, каковые представлены не были. На самом же деле происходило следующее: де Рокфей незадолго перед тем закончил организацию своего «летучего отряда», и всякий раз, когда ему казалось, что отношение той или иной союзнической державы становилось более дружественным к грекам, он направлял свой отряд против наиболее чувствительного места данной державы — ее дипломатической миссии.

В своем ультиматуме союзники требовали теперь полной демобилизации, смены кабинета, роспуска палаты и проведения новых выборов тотчас по завершении демобилизации.

Де Рокфей употребил теперь свой бесспорный талант театрального режиссера для организации «национальной» венизелистской демонстрации в Афинах. 27 августа процессия его сотрудников промаршировала перед домом Венизелоса, который обратился к ним с зажигательной речью, обвинявшей короля в том, что он желает победы Германии, и при том настроении, которое господствовало в Афинах, он сознавал свое бессилие, но подготовлял путь для переворота в Салониках под защитой генерала Саррая.

30 августа по приказу генерала Саррая на французских автомобилях развозили по городу листовки, извещавшие греческое население в Салониках о том, что оно восстало против своего правительства. Прокламация была подписана группой венизелистов, назвавших себя «Комитетом общественной безопасности». Они заявили, что им принадлежит гражданская и военная власть, провозгласили войну центральным державам, объявили мобилизацию в Македонии и грозили «беспощадным преследованием всех предателей родины». В тот же день повстанцы продефилировали перед штабом Саррая и объявили, что отныне подчиняются его приказам.

1 сентября объединенный французский и английский флот стал на якорь в порту Саламис, имея инструкцию установить контроль над греческой почтой и телеграфом, потребовать высылки барона фон Шенка и его сотрудников и выдачи интернированного неприятельского флота.

Как только флот стал на якорь, де Рокфей потребовал, чтобы командующему флотом был дан приказ высадить десант и занять Афины и Пирей.

В течение сентября 1916 г. вблизи Пирея были взорваны три греческих судна. Обследование затопленных судов установило, что взрывы произошли изнутри судна, а не в результате торпедной или минной атаки. Во флоте не сомневались, что эти взрывы были «трюками» разведки, которая мучительно переживала скептическое отношение офицеров флота к сообщениям де Рокфея о деятельности подводных лодок. В случае со взрывом «Ангелики» де Рокфей зашел слишком далеко. Судно своим ходом вернулось в порт Пирей и сообщило, что оно подвергалось торпедной атаке у входа в гавань. Французская пресса передавала, что количество жертв было «значительным», что не могло показать странным, после того как судно пришло в порт явно невредимым. Де Рокфей организовал внушительную похоронную процессию. Гробы предполагаемых жертв утопали в венках и сочувственных надписях. Только впоследствии стало известно, что часть трупов, лежавших в гробах, была закуплена в одной греческой больнице, а часть гробов была наполнена землей и что вся история с торпедной атакой была выдумана фран-

цузскими агентами с целью выбить Грецию из ее позиции нейтралитета.

Шутка была слишком острой, чтобы оставаться в секрете. Один за другим агенты, участвовавшие в провокации, сообщали об этом своим друзьям под строжайшим секретом, а это обещание, как известно, лучшая порука тому, что тайна не будет сохранена.

Союзный флот стоял в Афинах, но для дальнейшего его пребывания там не было оснований, разве лишь на случай, если произойдет нечто такое, что подействует на воображение и свяжет руки упорствующих правительств. С точки зрения де Рокфея, необходима была «разведывательная операция». Вновь созданный союз резервистов был антивенизелистским и был против вступления в войну. В свою очередь венизелисты приступили к созданию конкурентной организации центрального союза греческих резервистов под руководством венизелиста — депутата Мильтиада Негрепонта. Видное положение в этом союзе занимал З. Франгиас, грек, участник де-рокфеевской организации, и его доверенное лицо, полностью осведомленное об интригах де Рокфея и его британского партнера — Канстона Макензи. Нижеследующий отчет о нападении на французскую дипломатическую миссию заимствован из «Покаянного письма» Франгиаса, напечатанного 23 июня 1930 г. в афинской газете «Кафимерини».

7 сентября 1916 г. он был приглашен к Негрепонте, который очень сухо заявил ему следующее:

— Г-н Франгиас, вас посетит г-н Евстрат Боланис, доверенное лицо г-на Венизелоса. Вы исполните все, что он вам скажет. Должен лишь пояснить, что ему потребуется некоторое число людей, которых вы незамедлительно представите в его распоряжение.

— Я должен знать, каковы намерения г-на Боланиса,— ответил Франгиас,— чтобы подобрать соответствующих людей. Я хотел бы также знать, одобряет ли это мероприятие г-н Венизелос.

— Мы совершим нападение на французское посольство,— строго ответил Негрепонте.— Обо всем этом осведомлен Софокл, сын г-на Венизелоса.

Франгиас вернулся в свою контору, в д. № 8 на Лисабетской улице, где в полдень в первый раз встретился с Боланисом. Тот потребовал восемьдесят человек из новообразованного венизелистского союза, ска-

зав, что они должны быть присланы не позднее двух часов дня за оружием. Франгиас спросил, где они намереваются достать такое большое количество оружия, на что Боланис ответил:

— Во французской школе, примыкающей к французской миссии.

— Хорошо, в таком случае,— сказал Франгиас,— лучше будет направить людей в контору командора де Рокфея небольшими группами, чтобы сбить со следа полицию, которая непрерывно за нами следит.

В течение дня люди собрались во французской школе, где их принимал Боланис. Через несколько минут парижский журналист, капитан Шансор, в сопровождении Венана, Лафона и Ролана, офицеров де-рокфеевской организации и Боланиса, разделил людей на десятки, роздал им оружие и дал следующий приказ:

— Завтра, 8 сентября, в 7 ч. 05 мин. вечера, когда союзные послы соберутся на совещание во французской миссии, вы ворветесь в сад, будете стрелять в воздух и кричать: «Долой Францию!» «Долой Англию!», «Да здравствует Константин!».

Однако на следующее утро газета «Эсперини» сообщила кое-что об этом плане и о том, что отряд греческой пехоты посылается для охраны французской миссии. Поэтому операция была отложена на вечер следующего дня.

9 сентября, в назначенное время, группа людей ворвалась в сад французского посольства, издавая враждебные возгласы и стреляя в воздух. Некоторые из этих демонстрантов были арестованы греческими полицейскими, но были оттеснены людьми в форме французской армии и исчезли во мраке. Это оскорбление вызвало необычайное возбуждение во Франции и встревожило умеренно настроенное общественное мнение Англии. Де Рокфей составил в мрачных тонах отчет о происшествии для адмирала Лаказа и настаивал перед Гийеменом на необходимости репрессий. Союзные послы делегировали своего старшину сэра Фрэнсиса Эллиота к премьеру Заимису с требованием примерного наказания участников демонстрации, а также солдат и полицейских, которые не сумели предотвратить это выступление; кроме того, Греция должна была принести письменное извинение французскому правительству. Когда послы собрались, чтобы принять это реше-

ние, Эллиот попросил своего французского коллегу послать за де Рокфеем, и когда он прибыл, сэр Франсис сказал ему напрямик, что его шофер узнал среди участников демонстрации одного, который был ему известен как агент французской разведки.

На следующий день после нападения всю шайку переодели во французские морские мундиры, на автомобилях отправили в Пирей и перевезли на яхту «Резолю». Боланис жаловался впоследствии, что Шансор заставил его подписать документ, удостоверявший, что он получил от фон Шенка 10 тыс. франков за устройство нападения. Тотчас после этого яхта под командой Роллана отплыла на Салоники. Роллан вез распоряжения французской миссии французскому генеральному штабу. Спустя два часа их высадили и доставили в управление французской полиции, где им заявили, что они не должны показываться в Салониках, чтобы не давать повода для появления враждебных французам слухов. Их доставили в автомобилях во французский лагерь в Зейтинлики. Когда стало очевидным, что греческая полиция напала на горячий след, де Рокфей встревожился. 25 сентября он заключил своих людей под арест и отправил их для интернирования в Марсель, предупредив военные власти, что им не должно быть дано никакой возможности общаться с кем бы то ни было за пределами лагеря.

Одной только детали он не предусмотрел. Марсельская жандармерия имела право инспектировать лагери заключенных и принимать жалобы от содержащихся там людей. История, рассказанная заключенными греками, стала известна жандармскому лейтенанту де Мандолю, который поставил об этом в известность своего шефа, министра внутренних дел.

По вполне ясным причинам этот рапорт никогда не был опубликован.

Однако в протоколах морской комиссии палаты депутатов, ведшей в 1919 г. следствие по этому делу, сказано следующее: «Спустя некоторое время со слов арестованных лиц стало известно, что демонстрация во всех ее деталях была задумана морским атташе с целью заручиться одобрением французского правительства тех насильственных действий, которые он постоянно пропагандировал».

Как выразилась морская комиссия палаты, «в своей

провокационной и бесчестной деятельности тайная разведка, прикрывавшаяся французским флагом, не признавала никаких ограничений и законов». Далее было признано, что только благодаря адмиралу дю Фурнэ удалось избежать столкновений еще раньше. За свою твердость он поплатился потерей поста.

ВЕНИЗЕЛОС И ЕГО РЕЖИССЕР ДЕ РОКФЕЙ

Сентябрь—октябрь 1916 г.

Новый кабинет со всей определенностью предложил примкнуть к союзникам, но на сей раз препятствием на этом пути стояла Англия. Казалось, что лорд Хардинг, ныне покойный, верил всему, что говорил Венизелос. Согласно телеграмме Извольского от 21 сентября, греческое предложение произвело на Бриана благоприятное впечатление, но лорд Хардинг отказался поверить в искренность такого предложения. Союзные послы воздерживались от сношений с новым кабинетом, и в итоге 23 сентября была выработана объединенная нота, требовавшая создания кабинета, который пользовался бы доверием союзников.

Венизелос тут же не на шутку встревожился, что ему предстоит выпасть из игры. В этот период среди французских чиновников в Афинах был некий Морис Шансор, отставной капитан, возглавлявший французскую тайную полицию в Афинах, нескромности которого мы обязаны нашими познаниями о рождении венизелизма как разрушительной силы Греции. После его возвращения из поездки на Цикладские острова он был приглашен де Рокфеем, который заявил ему, что сдача фронта Рупела немцам была актом предательства со стороны короля; что греческая публика отнеслась к этому безразлично, но что венизелисты, «составляющие большинство», готовы восстать; что полковник Христодулос, служивший в войсках Восточной Фракии, отправился, вопреки приказу, во главе небольшого отряда в Салоники и что наступил момент для действий. Он сказал: «Вы должны воспользоваться вашими хорошими отношениями с Венизелосом, чтобы заставить его покинуть Афины, где он фактически является пленником роялистов и потому бессилен».

Прихватив с собой греческого офицера, Шансор отправился к Венизелосу, убеждая его перебраться в Са-

лоники. Он заверил Венизелоса, что, поскольку не будет затронут вопрос о династии, союзники готовы признать любое созданное им правительство, о чем французский посол поставил в известность де Рокфея. Венизелос был в нерешительности. Он соглашался с доводами, но просил дать ему несколько дней, чтобы приготовиться, он хотел посовещаться со своими сторонниками, с тем, чтобы не провалить весь план. В последующие дни повсюду распространился слух о намерении Венизелоса уехать, не называли при этом только день и час отъезда. Де Рокфей расставил в роялистских кругах шпионов, которые должны были сообщить обо всем, что могло помешать выполнению его плана. Венизелос все продолжал колебаться. Следовало что-нибудь предпринять, чтобы сдвинуть его, и де Рокфей нанес ему удар в самое чувствительное место: он заявил, что располагает сведениями о том, что некий отставной офицер с Цикладских островов, специалист по убийствам, готовит покушение на Венизелоса. Он лично посетил Венизелоса ночью и заявил ему:

— Ваше превосходительство, они собираются вас убить. Мы располагаем доказательствами того, что я вам сообщаю. Если вы не уедете тотчас же, может случиться, что лишитесь этой возможности навсегда.

— Меня это не удивляет,— отвечал Венизелос,— мои противники угрожают мне уже в течение трех лет. Раз вы желаете ускорить мой отъезд, я согласен и доверяюсь вам.

Первым делом надо было обмануть греческие власти относительно места отплытия. Поскольку они были уверены, что Венизелос отплывет из Пирея, надо было эту уверенность укрепить. Утром 25 сентября 1916 г.— в день зарождения всех последующих злоключений — около сотни венизелистских кадровых и отставных офицеров и солдат были отправлены в Пирей. Среди них был майор Пангалос, прославившийся впоследствии как диктатор Греции. Результаты их появления сказались почти мгновенно. Наблюдение полиции за Фалерумом было ослаблено; в Пирей прибыли два отряда пехоты и один полицейский отряд, которые были расставлены на набережной. Группа вооруженных людей взошла на борт греческого парохода «Эсперия», который по предложению властей был предназначен для транспортировки беглецов; но на пароходе вместо гре-

ческого капитана оказался французский лейтенант де Вертамон, один из наиболее активных помощников де Рокфея. Он обратился к греческому офицеру со следующими словами: «Я нахожусь здесь для поддержания порядка, и вы мне не нужны. Я должен просить вас не причинять беспокойства тем людям, которые уже находятся на борту судна: они под моей защитой. Если вы не покинете судно до его отправления, я увезу вас вместе с вашими друзьями-венизелистами».

В течение дня на судно прибывал багаж, что подтверждало уверенность власти в том, что беглецы готовятся к отправлению из Пирея. Во второй половине дня начались маскарадные приготовления в городе. В 5 часов Венизелос в своей пароконной коляске, которую в Афинах хорошо знали, отправился на чашку чаю в дом Феочариса, куда также прибыл к тому времени один из его соратников, очень на него похожий. Как только гости разъехались, началось гримирование «дублера» Венизелоса. Бедняга жаловался простодушно на то, что он ничего не видит сквозь две пары очков, которые ему надели для придания сходства с Венизелосом, но никто его не слушал. «Дублер» уселся в коляску и отправился в дом Венизелоса на Рю де л'Юниверситэ, за которым было тотчас установлено тщательное наблюдение полиции. Следуя полученным им инструкциям, «дублер» зажег в доме все огни, показался у открытого окна первого этажа, а затем уселся с газетами в маленьком кабинете, где он был хорошо виден с противоположной стороны улицы. На углу ждала конная полиция, а пешая патрулировала перед домом.

В два часа ночи — время, назначенное для геджры (бегства из Мекки),— к дому Феочариса подкатила машина, в которую уселись Венизелос, адмирал Кондуриотис, майор Маврудис и Феочарис. Автомобиль прибыл с потушенными огнями в Фалерум. За несколько минут до того от ресторана «Пан-Эллинион» отбыла другая машина, которой управлял сам Шансор, расчистившая путь для машины Венизелоса. Эта предосторожность была предпринята в связи с полученным сообщением о том, что на дороге в Фалерум устроены засады. В третьей машине сидел переодетый во французскую форму отставной греческий офицер, везший бумаги Венизелоса. Автомобили прошли беспрепятственно: фран-

цузская форма открывала для них все пути. Они остановились перед рестораном «Платон» в Фалеруме. Здесь часть ресторана была заранее снята для компании друзей одним французским офицером, предупредившим владельца, что пирушка может затянуться далеко за полночь. Другой стол был накрыт в беседке, расположенной у самого берега. Было условлено, что автомобиль Венизелоса, подъехав, протрубит сигнал, после чего сидевшие за столом в беседке люди выключат и снова включат свет, что послужит сигналом для шлюпки. Все шло согласно плану. Шлюпка подошла к сходням «в тот самый момент, когда прибыли автомобили». «Эсперия», отплывшая из Пирея еще в 1 ч. 30 мин. ночи, стояла на расстоянии нескольких кабельтов. Владелец ресторана прибежал в беседку спросить, что происходит.

— Вы опоздали, мой друг. Хотите знать, что случилось? Венизелос и Кондуриотис послали Константину последнее «прости».

Адмирал дю Фурнэ отозвался об этом деле так:

— Разведывательная служба организовала этот отъезд подобно карнавалу, грязные подробности которого лучше было бы сохранить в тайне.

ТЕНЬ ГРЯДУЩИХ СОБЫТИЙ

Октябрь—ноябрь 1916 г.

Настал час торжества де Рокфея. Он производил набор в межсоюзническую тайную полицию. Часть агентов, оплачиваемых англичанами, были снабжены удостоверениями личности, которые обеспечивали им неприкосновенность со стороны греческой полиции. Одна из таких бронь, обеспечивавших покровительство англичан, имелась у бывшего шпиона султана Абдул Гамида, который впоследствии в течение шести месяцев работал для германской разведки. Помимо удостоверения, он имел также значок, избавлявший его от ареста за нарушение греческих законов по заданиям англичан. Из 162 человек англо-французской тайной полиции в Афинах только 60 агентов были уроженцами Греции. При рассмотрении официального списка, подписанного префектом греческой полиции, мы находим в их числе: восемь убийц, девять бывших бандитов, семь карманников, десять контрабандистов, одиннадцать воров.

двадцать одного шулера, двадцать торговцев живым товаром, остальные — люди с неопределенными источниками доходов. Они разъезжали на машинах вдоль и поперек Афин, самовольно арестовывали людей, допрашивали их и даже заключали в тюрьму, и поскольку наблюдение за ними со стороны союзников было весьма слабым и сами они принадлежали к наименее ответственным слоям общества, то у них были широкие возможности для нанесения ущерба частным лицам в корыстных целях.

Французы теперь склонялись к тому, чтобы взять в свои руки контроль над греческой полицией, но лорд Грей воспротивился этому на том основании, что такое мероприятие могло быть оправдано только в случае, если бы имели место нападения на иностранных подданных. У де Рокфея были весьма упрощенные приемы обращения с теми из союзнических дипломатов, которым случалось не соглашаться с ним. 8 октября он телеграфировал французскому адмиралтейству: «Для нас единственный выход из затруднений в том, чтобы не обращать внимания на иностранных послов и проводить неограниченную французскую политику в Греции».

Интриги де Рокфея привели к тому, что солидарность между союзниками висела на волоске. В этом и заключается опасность неограниченной деятельности разведывательной службы.

Действия де Рокфея в Афинах стали скандальными, однако через несколько дней де Рокфей вернулся из Парижа в Афины с расширенными полномочиями. Совершенно не сговариваясь с союзниками, адмирал Лаказ назначил его директором контроля над всеми общественными службами, выпудив у греков согласие на это.

Де Рокфей кормил адмирала баснями о расположении греческого флота и береговых батарей, о полиции и железных дорогах, которые адмирал дю Фурнэ впоследствии назвал «лживыми и лицемерными». В результате адмиралу было приказано захватить греческие легкие суда, снять на берег орудия с трех бронированных судов, расснастить береговые батареи и ввести союзнический контроль над Пиреем, его полицией и железными дорогами. Суда были захвачены 10 октября. Де Рокфей усиленно доказывал своему начальству,

что команды судов жаждут присоединиться к солдатам и матросам, дезертировавшим к Венизелосу, и что демонстрация силы со стороны французов обеспечит суда за венизелистами. Перед тем как французские морские части должны были захватить суда, греческим офицерам и матросам было объявлено, что они могут по выбору либо остаться на судах, либо пребывать верными своей присяге. Последовала трогательная сцена: офицеры, матросы и вся команда до последнего кочегара последовали под своими знаменами к трапу и спустились в лодки, молчаливые и решительные. У многих при высадке на берег были на глазах слезы, свидетельствовавшие об отчаянии, наполнявшем их сердца.

Один из агентов де Рокфея явился с донесением, что Ларноса оккупирована уланами, которых в германских частях одно время насчитывалось 4 тыс. Такая угроза могла испугать не только доверчивого Саррая, но также и английские силы. Это донесение было главным документом, захваченным Брианом в Кале, где состоялось совещание между ними и Ллойд Джорджем. Оно должно было явиться решающим доводом в пользу военной интервенции в Греции.

ВООРУЖЕННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Декабрь 1916 г.

Утром 30 ноября король попросил генерала Буськье, французского военного атташе, разъяснить адмиралу всю серьезность создавшегося положения, рассказать, что армия не согласится подчиниться унизительному требованию о сдаче оружия и что общественное мнение поддерживает ее. 29 ноября адмирал созвал на флагманском судне совещание офицеров флота. Де Рокфей как старший начальник разведки также присутствовал там. Его спросили, полагает ли он, что греки окажут сопротивление.

— Нет,— сказал он,— греки пытаются запугать вас. Вы должны только выставить свои орудия, и они принесут нам свое оружие на подносе.

Вечером он телеграфировал в Париж, что военные приготовления греков, производившиеся повсюду, ведутся слишком открыто, чтобы их можно было считать опасными. Я тщательно исследовал документы, чтобы

найти хотя бы один случай, когда офицер разведки представил бы верные донесения, но мне не удалось наткнуться ни на один. При последнем свидании де Рокфея с адмиралом он серьезно предложил блокировать союзные миссии. После этого адмирал не захотел его больше видеть.

Вечером 30 ноября адмирал присутствовал на ежедневном совещании союзных послов. Они чувствовали себя в затруднительном положении. Его спросили, удовлетворится ли он сдачей десяти батарей. Он ответил, что может руководствоваться только приказами, полученными им из Парижа; они же со своей стороны могут обратиться к своим правительствам, с тем чтобы добиться отмены этих приказов. Еще когда он был на совещании, туда явился королевский маршал — граф Меркати — и задал ему тот же вопрос. Адмирал ответил, что он лично чувствовал себя в весьма затруднительном положении, так как требование о сдаче оружия было предъявлено без его участия, и он лишен был возможности проявить какую-либо инициативу. Ему остается только повиноваться полученным им приказаниям и довести до конца условия ультиматума, срок которого истекает в полночь. Он сообщил также, что шесть батарей уже доставлены на Корфу и что десант будет состоять не из черных колониальных войск, а из французских территориальных частей. Граф Меркети получил тот же ответ. При закрытии совещания Гийемен проводил адмирала к двери и сказал:

— Спасибо вам, адмирал, теперь мы вполне спокойны.

— Увы,— ответил адмирал,— я не вижу оснований для спокойствия.

Среди послов как будто преобладало мнение, что греки снова, как много раз раньше, уступят. На случай, если бы эта демонстрация оказалась неудачной, адмирал решил через два дня прибегнуть к суровой блокаде.

Как мы уже упоминали, требование о сдаче греками оружия исходило от генерала Саррая, которого де Рокфей успел напугать. В то время не менее шестидесяти процентов его частей, находившихся в Салониках, болели болотной лихорадкой, и, несомненно, его легковерность вызвана была раздражением от этого факта и

боязнью, что его бездеятельность вызовет недовольство со стороны Франции.

Вечером 30 ноября генерал Калларис отдал приказ своим войскам не прибегать к оружию, кроме как в целях самозащиты, т. е. только в том случае, если союзники первыми откроют огонь. Чтобы свести к минимуму опасность столкновения, он отвел на значительное расстояние часть регулярного афинского гарнизона. В этот вечер напряженность в воздухе ощущалась всеми. Люди на улицах вели себя беспокойно: шли слухи о передвижении войск. В такого рода атмосфере обычно следует избегать «мирных демонстраций».

Изданный адмиралом приказ, попавший впоследствии в руки греков, гласил следующее:

Секретно

Морские силы
Часть А
Десант

Приказ № 13
Демонстрация перед Афинами
Оперативный приказ.

Общая цель. Десант занимает позицию, с применением силы в случае необходимости, в таких местах, откуда наши войска могли бы угрожать Афинам, и захватывает военные учреждения или точки, которые окажутся в зоне действий и могут быть использованными в военных целях.

Далее следовал список этих точек. Десант состоял из 3 тыс. человек, включая небольшие отряды англичан и итальянцев. Высадка десанта была произведена спокойно, но можно было заметить перемену в населении: оно выглядело угрюмым и мрачным. Один батальон был оставлен для охраны Пирея, остальные последовали к тем позициям, которые они должны были занять. Они имели с собой запас воды и продовольствия на два дня и значительное количество патронов, но было совершенно очевидно, что если греки захотят ответить на силу силой, то 3 тыс. человек будет совершенно недостаточно для выполнения намеченной задачи. Греческое правительство официально предупредило французов, что оно не сдает оружия, и поэтому ныне бесполезно утверждать, как это делали французы в то время да и впоследствии, что их завели «в засаду».

Это слово без зазрения совести употреблялось фран-

цузскими журналистами, и поэтому стоит процитировать газетные статьи, опубликованные в Англии, Франции и Италии перед вооруженной демонстрацией, из которых ясно, что сопротивления со стороны греков можно было ожидать.

В «Таймс» от 27 ноября указывалось, что греческие офицеры решили сопротивляться сдаче оружия, какие бы приказы ни исходили от короля, и что граждане и студенты соединялись, чтобы защищать свою страну против намеренного оскорбления.

«Корьере де ла Серра» подтвердил сообщение, напечатанное в «Таймс»; наконец, комиссия французской палаты депутатов, расследовав события, которые привели к вооруженной демонстрации, возложила всю ответственность на де Рокфея и французского морского министра. Вооруженная демонстрация представляла собой военные действия против нейтрального государства, и не что иное.

На пути к намеченным позициям наступающие колонны встретили несколько греческих патрулей, которые удалились при их приближении. Около восьми часов адмирал оставил флагманский корабль и на машине поехал в Запейон, где были размещены французские морские части, поддерживавшие телефонную и радиосвязь с флотом. Единственный инцидент, имевший место до одиннадцати часов, заключался в словесной стычке с двумя греческими офицерами, стоявшими во главе шестидесяти солдат и оспаривавшими право адмирала взобраться на одну из гробниц для удобства обозревания окрестностей. Офицеры ссылались на данный им приказ охранять памятники древности. Пока они вели переговоры, явился французский офицер с сообщениями, что багаж команды «Репюблик» украден.

В одиннадцать часов раздались первые выстрелы у Фесиопа. Кто стрелял первым, останется навсегда невыясненным. Французы утверждают, что нерегулярные греческие войска открыли огонь по отряду, который пытался отбить украденный у него багаж; англичане говорят, что это было прямым нападением по приказу греческого верховного командования; греки заявляют, что французы атаковали войска, охранявшие бараки Руфа, что соответствовало приведенному выше секретному приказу адмирала, в котором встречаются слова «в случае необходимости силой». Нужно учесть, что в

этом деле имелись налицо три враждебные стороны — десант, греческие регулярные части и известное количество вооруженных венизелистов, не говоря уже о банде де Рокфея, его вооруженных агентах-провокаторах; и все они были сильно заинтересованы в том, чтобы спровоцировать конфликт. Стрельба началась повсюду. Греческий отряд, охраняющий гробницу, был взят в плен, после того как несколько человек, сидевших вокруг памятника, были убиты французскими пулями; на Занейоне открыли бешеный пулеметный огонь, и вокруг адмирала было ранено несколько человек. Король послал письмо на флагманское судно к адмиралу, прося его остановить стрельбу, но ему было сообщено, что адмирал покинул флагманское судно и находится в Занейоне. В 11 ч. 45 мин. адмирал по телефону передал на суда приказ открыть огонь по холму Стадиона. Тут имела место некоторая задержка, и, до того как приказ был приведен в исполнение, князь Демидов, русский посол, принес от короля сообщение, в котором тот соглашался сдать шесть батарей. Адмирал согласился при условии, что сдача будет подтверждена греческим кабинетом. Впоследствии в Париже он подвергся жестокой критике за принятие этого предложения. По мнению адмирала дю Фурнэ, он должен был бы подвергнуть город бомбардировке. Морской министр адмирал Лаказ пошел еще дальше при встрече с адмиралом дю Фурнэ по его возвращении в Париж.

— Вы должны были,— сказал он,— заставить короля выполнить вашу волю, хотя бы ценой того, чтобы превратить Афины в развалины. Я бы поддержал вас, как я поддерживал других.

Стрельба была прекращена, но де Рокфей не показывался адмиралу на глаза как раз тогда, когда информация была всего нужнее. Он был занят посылкой морскому министру фантастических телеграмм, в которых преувеличивал значение столкновения и дошел до того, что сообщил, будто адмирал захвачен в плен греками.

В начале четвертого часа ночи стрельба внезапно возобновилась не только в городе, но и в Занейоне, где было ранено несколько французских матросов, находившихся вблизи адмирала. Кто был ответственен за эту новую вспышку, точно установить не удалось. Генерал Калларис, командующий афинским гарнизоном, гово-

рит, что первыми открыли огонь по греческим частям венизелисты и что французы ответили; возможно, что так оно и было, но в то время, когда нервы у всех были напряжены до крайности, любая из сторон могла первой начать стрельбу.

Адмирал приказал своим судам открыть огонь по холму Стадион. Если бы все снаряды взорвались, они нанесли бы большие повреждения и стоили бы многих жизней. Ни один из снарядов не попал в холм Стадион, но дворцы русского и итальянского посольств подвергались опасности, и князь Демидов и граф Боздари едва избежали смерти от руки своих союзников.

К концу дня стрельба затихла. В 6 ч. 45 мин. союзные послы и королевские уполномоченные явились в Занейон и попросили адмирала прекратить бомбардировку. Легкими судами было выпущено 60 снарядов и четыре — с «Мирабо». Позже вечером адмирал уведомил послов, что он намерен повторить бомбардировку в виде карательного действия. Он решил по телеграфу испросить из Парижа санкцию на бомбардировку королевских дворцов, арсеналов, бараков и тех частей города, которые, по имеющимся данным, настроены враждебно по отношению к союзникам. По проводам побежали сообщения в Лондон, Рим и Петербург. Никто не знал, что де Рокфей тайно телеграфировал французскому адмиралтейству, требуя немедленных и кровавых репрессий. 3 декабря он телеграфировал: «Необходимо немедленно принять суровые репрессивные меры. Единственная возможная мера заключается в регулярной бомбардировке Афин». Через несколько часов он снова телеграфировал: «Поверьте, что задержка с принятием таких мер приведет к новой катастрофе. Афинская французская школа фактически эвакуировалась. Мы запаковываем наши чемоданы. Если мы не примем суровых мер, мы вскоре сами станем объектом репрессий». Хотя в течение всего кризиса ни один из союзных граждан, ни из официальных лиц не подвергался каким-либо оскорблениям, он пустил кличку «афинские насильники», которая бессовестно муссировалась потом парижской прессой.

В боях этого дня французы потеряли 57 убитых и 154 раненых. У англичан было 5 убитых и несколько раненых. Итальянцы, по совету графа Боздари, который возражал против всей операции, удалились, как

только стрельба началась. Греки потеряли 30 убитых и 52 раненых французами, 11 убитых и 12 раненых венизелистами, у которых в свою очередь было 3 убитых и 2 раненых. Это довольно значительное число для «мирной демонстрации». Кроме того, предстояло обменять пленных — 80 захваченных французами и 60 захваченных греками, подобрать раненых и организовать уход за ними. Греки сами предоставили транспорт и кровати в госпиталях в распоряжение адмирала и, кроме того, вернули оружие и вещи, попавшие в их руки во время боев.

Вместо новой бомбардировки, намеченной адмиралом, союзники сошлись на карательной блокаде, объявленной адмиралом 8 декабря, что было его последним официальным актом, так как 11 декабря он был освобожден от командования и отозван в Париж, Де Рокфей, однако, был оставлен на своем посту.

Комической интермедией в этом трагическом деле было прибытие генерала Саррая по телеграмме де Рокфея. Он явился, чтобы «бросить свой меч на чашу весов»[1]. Ему всегда нехватало войск, чтобы сдерживать немцев и болгар, но у него были свободные дивизии, чтобы пожинать лавры в Афинах в борьбе против армии, лишенной боеприпасов. Для иллюстрации методов Саррая мы можем указать на рассказ генерала Кордонье, его первого помощника. Генерал Кордонье рассказывает, что при отъезде из Флорины он натолкнулся на тела трех греков, связанных вместе и убитых одним залпом. «Это был еще один случай,— говорит он,— работы нашей армии по образцу Матье» (имеется в виду капитан Матье, офицер разведки Саррая, работавший в тесном контакте с де Рокфеем). «С того момента, как я принял командование, греки должны были думать, что я отдал приказ об этих убийствах». «У Саррая мало сдержанности, мало энергии, мало таланта»,— писал Кордонье, а в своем рапорте верховному командованию в Париже, он говорит: «В конце концов мне пришлось настойчиво указывать на совершенно очевидную для всех неспособность Саррая, и я в моем рапорте писал: «Пошлите солдат в Салоники, и вы добьетесь победы».

3 декабря Афины внешне стали спокойнее. Более богатые греки стали выезжать. Но чем больше успокаи-

[1] Мемуары Саррая, стр. 195.

вался город, тем сильнее росло возбуждение де Рокфея. В течение этого дня он сообщал в Париж и адмиралу, что банды греческих резервистов стекаются в город, чтобы предать его огню, что за холмами, господствующими над Пиреем, стоят замаскированные батареи, что два полка идут в порт; на следующий день он сообщил, что войска переведены обратно из Пелопоннеса в Афины. Греческий главнокомандующий генерал Калларис явился к адмиралу и сумел опровергнуть эти угрожающие сообщения. Он предложил отправиться с французским офицером на место, где, по мнению де Рокфея, спрятаны замаскированные батареи, или в любую другую точку, чтобы судить, производятся ли военные приготовления.

Адмирал назначил похороны убитых французов на 3 часа дня. Похороны прошли без всяких инцидентов. Греческие войска отдали салют первыми.

После бомбардировки в домах венизелистов были произведены обыски, и совершенно неожиданно было найдено множество винтовок, бомб и капсюлей французского армейского образца, была также стальная броня, непроницаемая для пуль, которую, по всей вероятности, должен был одеть Венизелос, когда придет момент повернуть оружие и использовать взрывчатые вещества против своих соотечественников.

Греция была не единственной нейтральной страной, где во время войны французская тайная служба сумела проявить свою деятельность. В последний период войны главой французской тайной службы в Швейцарии являлся бывший журналист по имени Кассела, состоявший сотрудником «Матэн». Кассела номинально назначили на пост атташе французской миссии в Берне, в действительности же его поставили во главе тайной службы, пользовавшейся почти неограниченными средствами. Кассела был невзрачный человек, с усиками, похожими на зубную щетку, и не располагающим к себе лицом. Кассела, будучи журналистом и основательно знакомый с французскими методами газетного шантажа, жадный к деньгам, лишенный моральных устоев, играл грязную роль в Швейцарии и стал бы предметом общественного скандала во всех союзных странах, если бы не вмешательство газетного цензора и выплаченные швейцарским газетам субсидии. Кассела, как и де Рокфей, работал не покладая рук. Он навербовал подлин-

ную армию шпионов всех национальностей и потратил миллионы франков на самые бесполезные мероприятия. Первая его задача, порученная ему Клемансо, заключалась в том, чтобы найти в Швейцарии доказательства тайных сношений между Кайо и подданными неприятеля. Он потратил огромные суммы на это расследование. Вся шайка международных авантюристов, которыми кишмя-кишела Швейцария, слеталась к нему с вымышленной информацией, подтвержденной поддельными документами. Все это он скупал и отсылал без разбора в Париж, к великому смущению работников юстиции. Он не только собрал уйму ложной информации, но в своем неумеренном рвении использовал своих агентов для похищения людей на франко-швейцарской границе, в надежде вырвать у них показания против Кайо. Очевидно, собранные им досье были совершенно не убедительными, если такой яростный враг Клемансо, как Кайо, избежал расстрела.

Наряду со своей деятельностью, направленной против Кайо, Кассела вел беспощадную войну против швейцарских купцов, подозреваемых в доставке товаров центральным державам. Их имена были немедленно занесены в «черный список» союзников, и им было запрещено вывозить, что бы то ни было из союзнических стран. Тем не менее Кассела в некоторых случаях странным образом терял бдительность. Впоследствии было доказано, что значительное количество какао, вывозимого в Германию, производилось из сырья, выращиваемого в союзных странах. Кто может сказать, какую сумму заработал на этом Кассела?

Другим источником его доходов была выдача паспортов на въезд во Францию. Одним из наиболее сомнительных является случай, когда богатый левантийский кораблевладелец обратился к нему за паспортом для поездки в Париж в целях продажи и зафрахтования своих судов. Кассела потребовал такую непомерную сумму, что кораблевладелец отказался платить. Воспользовавшись временным отсутствием Кассела, левантиец обратился к одному из его подчиненных, который согласился дать ему визу за значительно меньшее вознаграждение. Кораблевладелец уплатил эту сумму и выехал в Париж. Когда Кассела узнал об этом, он немедленно отомстил, оговорив этого человека перед парижской полицией. Несчастный был немедленно аре-

стоман и брошен в тюрьму. Он просидел много недель и считал себя счастливым, когда ему, наконец, удалось выйти на свободу.

Кассела из казенных денег выплачивал субсидию курзалу в Женеве, чтобы избежать его закрытия под тем предлогом, что это место развлечения необходимо ему для его работы: здесь, мол, он может вести наблюдения за нежелательными элементами в городе.

Он завербовал одну из танцовщиц этого заведения по имени Раймонда и использовал ее для тонких поручений. Девушка вскоре запуталась при каких-то осложнениях с женевской полицией. Кассела добился ее освобождения под высокий залог. Когда эти факты были доведены до сведения федерального совета, последний счел дальнейшее пребывание Кассела в Швейцарии нетерпимым и сделал очень веские представления французскому правительству, после чего Кассела был отозван. Он покинул Швейцарию вместе с Раймондой, и залог за нее был задержан. После перемирия Кассела стал редактором театрального журнала «Комедия». Через несколько месяцев он умер.

БЛОКАДА ГРЕЦИИ

Январь—март 1917 г.

Через несколько дней после событий 1 декабря руководителем союзной комиссии военного контроля был назначен французский генерал Кобу.

Собственно говоря, этот пост предназначался английскому генералу Филиппсу, но французы, не желая, чтобы такой важный пост ускользнул из их рук, выдвинули своим представителем к генералу Филиппсу генерала Кобу, имевшего более высокий чин, что автоматически поставило генерала Филиппса в подчиненное положение. Остряки в Афинах утверждали, что Кобу был специально выбран на этот пост благодаря своим прозрачным и нелакированным манерам. Весьма характерной была его первая встреча с г. Ламбросом, греческим премьер-министром. Едва поклонившись ему, он остановился посреди кабинета премьер-министра, трепеща от гнева, со сжатыми кулаками и крикнул: Я держу вас за горло! Я могу задушить вас, когда захочу!

Затем он повернулся и вышел маршем вон из комнаты, оставив г. Ламброса за его письменным столом,

полного сомнения, в своем ли уме этот человек. Кобу поднял при помощи парижских газет большой шум об оружии, которое будто бы найдено было на тайном складе, являвшемся, по его словам, подлинной угрозой для армии в Салониках. Но склад оказался кучей негодных винтовок, проданных одной бельгийской фирме до войны в качестве железного лома. После многих месяцев интенсивных розысков Кобу удалось найти не больше 500 винтовок, в большинстве своем негодных, старинного образца.

Задача комиссии контроля во главе с генералом Кобу заключалась в том, чтобы добиться полного разоружения Греции посредством перевода всех военных материалов и частей в Пелопоннес, чтобы обезопасить Саррая от «опасности с тыла». Франция таким образом прокладывала дорогу миссии Джоккарта. Для иллюстрации поведения генерала Кобу можно привести случай, когда однажды ему пришлось обсуждать вопрос о переводе греческих войск в Пелопоннес с греческим майором, обладавшим ростом лилипута, которого греческий штаб выделил для уточнения деталей. Кобу захотелось сделать ироническое замечание по поводу греческой нации.

— Генерал,— ответил маленький майор, вытянувшись,— я был послан сюда для обсуждения вопроса служебного характера, а не для того, чтобы выслушивать оскорбления по адресу моей страны, и я попрошу вас не забывать, что хотя, быть может, Франция более сильная нация, но я происхожу из страны, которая стояла на вершине цивилизации, когда ваши предки все еще жили охотой и одевались в козлиные шкуры.

Ответ Кобу не сохранился, и, быть может, это к лучшему. Для характеристики генерала Кобу достаточно сказать, что он был одним из немногих людей, о которых Саррай хорошо отзывался.

Цели блокады наметились определенно через месяц после объединения ее (8 января 1917 г.). Блокаду должны были снять, как только миссия генерала Кобу будет закончена и эвакуация греческих войск и военных материалов в Пелопоннес будет «частично произведена, при надлежащих гарантиях ее полного завершения». В ноте от 8 января, содержащей эти условия, указывалось, что союзники готовы предоставить свои морские силы для содействия эвакуации и что тогда «блокада

будет снята через две недели». В этой навязанной сделке «союзные державы в виде вознаграждения дают Греции заверения в своем твердом намерении уважать ее решение воздерживаться от участия в европейской войне».

Блокада не только несла неисчислимые материальные бедствия беззащитному гражданскому населению, но имела и моральные последствия. Страна была теперь совершенно отрезана от внешнего мира. Вся внешняя почтовая корреспонденция была приостановлена. Частная корреспонденция, особенно корреспонденция из других нейтральных стран, если не уничтожалась и не задерживалась, то возвращалась отправителям через много недель со штампом одного из французских военных судов, стоявших в Саламисе, где одному из морских офицеров были поручены обязанности почтмейстера.

На резиновом штампе стояли слова: «Возвращено ввиду блокады» — мотив, доселе неизвестный в международном праве. Не лучше обстояло дело с официальной корреспонденцией. Правительственные депеши и телеграммы греческим представителям за границей либо не пропускались, либо задерживались на неопределенный срок.

Новое и неограниченное поле действий открылось теперь для де Рокфея. Поток ложных и фальшивых сообщений, исходивших из Салоник и Саламиса, его новой штаб-квартиры, лондонские и парижские газеты принимали за чистую монету.

Де Рокфей был теперь снят со своего официального поста, но он оставался в Афинах и, согласно телеграмме князя Демидова, всегда находился под рукой у Кобу, так как этот генерал от природы вынужден был полагаться на чужие мозги. По мнению графа Боздари, бедствия, причиненные интригами Кобу, были неисчислимы. Его упрямство и наглость достигли того, что стали поводом для резкого обмена мнениями между итальянским, английским и русским кабинетами. Предъявляя какой-либо ультиматум,— а это случалось почти ежедневно — он не считал нужным снизойти до визита к министру, а просто подсовывал ультиматум под дверь министра иностранных дел. Однажды ночью г. Стрейт, бывший министр иностранных дел, профессор международного права в Афинском университете, уже улег-

шись в постель, был по телефону приглашен явиться немедленно в министерство иностранных дел, где заседал совет министров. Они нуждались в его совете по срочному вопросу. Он наспех оделся и прибыл в министерство иностранных дел около часа ночи. Озабоченным тоном премьер-министр сообщил ему, что заседание созвано для рассмотрения нового ультиматума генерала Кобу. Стрейт попросил, чтобы ему показали бумагу, и тут узнал, что ультиматум еще не предъявлен, но из слухов, циркулировавших днем по городу, знали, что он будет предъявлен и в нем будет содержаться требование дать ответ до шести часов утра. «Что же,— сказал Стрейт,— на вашем месте я бы лег спать, а если ультиматум придет, вы сможете спокойно рассмотреть его после хорошего отдыха». Выходя из министерства, он увидел старого министерского рассыльного, который сидел на стуле на площадке лестницы и наблюдал за закрытой дверью парадного подъезда.

— Что вы тут разглядываете? — спросил он.

— Я жду ультиматума. Они всегда поступают таким образом — под дверь.

В апреле 1917 г. французы начали действовать на основе договоренности, достигнутой в Сен-Жан де Морнен, и разрешили Сарраю вторгнуться в Фессалию и захватить в свои руки собранный с полей хлеб. В этот момент во Франции как будто забыли, что цель войны заключается в том, чтобы победить центральные державы, а не раздавить маленькие нейтральные страны. Испуганный этим новым оборотом дела, король потребовал отставки министерства Ламброса, и в третий раз за два года предложил г. Займису сформировать кабинет, так как это был единственный из невенизелистских политических деятелей, еще не обвиненный в германофильстве. В начале мая Займис определил свою политику обширных уступок союзникам.

— Я согласен полностью удовлетворить Францию уступками,— заявил он русскому поверенному в делах, но при этом жаловался, что только английский посол выразил согласие поддержать его. Он как будто был в курсе намерения французов свергнуть короля Константина.

Услышав об этом, Венизелос забеспокоился: перспектива достижения соглашения между греческим прави-

тельством и союзниками оказалась бы фатальной для его планов.

С начала мая Венизелоса стал все больше беспокоить возрастающий по отношению к нему холодок английского правительства, и он счел за благо «на время войны» пойти на примирение с королем Константином. Нужно признать, что он искусно вел свою пропаганду против короля. Конечно, его преимущество заключалось в том, что он пользовался симпатиями иностранных газетных цензоров и к тому же знал в точности, какую дозу лжи они готовы проглотить. Французские газеты отвели сообщениям с западного фронта внутренние страницы, а все первые полосы были посвящены королю Константину и Венизелосу, и заявляли, что кабинет Займиса — ловушка, расставленная для союзников, королем, действовавшим по указке кайзера. Даже «Таймс» и «Дэйли Мейль» зашли далеко, рассказывая, что король намерен напасть на союзников, как только будет убран урожай в Фессалии.

Странно подумать, что две великие нации в один из самых критических моментов могли быть отвлечены от войны офицером разведки, которого, как школьника, одолевал зуд впутаться в вопросы, бывшие вне его компетенции, и глупым генералом, который занимал командное положение в Салониках потому только, что его не желали держать в Париже. Если бы во Франции специально искали таких людей, которые могли бы вовлечь ее в осложнения и навлечь на нее бесчестье, то и тогда не удалось бы найти для этих целей более подходящих людей, чем адмирал Лаказ, генерал Саррай, Гийемен и де Рокфей. Справедливость требует, чтобы в этот список был включен и генерал Кобу, но он появился на сцене несколько позднее.

Бездеятельность в Салониках заставляла французское правительство прибегать ко всевозможным мерам принуждения, чтобы добиться вступления Греции в войну и укомплектовать армию Саррая, на 65% уменьшенную вследствие эпидемии малярии.

В этих целях 28 мая Рибо и Пенлеве выехали в Лондон, чтобы добиться радикального решения греческой проблемы. В Лондоне они наткнулись на сомнение и оппозицию, против которой у них была в запасе избранная коллекция аргументов из французского адмиралтейства, и, хотя им пришлось признать законность

сомнений, все же они настаивали на том, что интересы союзников должны быть поставлены выше всего.

КОРОЛЬ СВЕРГНУТ

Апрель—июнь 1917 г.

11 июня Жонарт по поручению французского правительства представил Займису ультиматум, в котором содержался такой пункт:

«Ввиду того, что его величество король Константин явно нарушил конституцию, гарантами которой являются Франция, Великобритания и Россия, я имею честь заявить, что король потерял доверие держав-охранительниц, которые считают себя свободными от обязательств по отношению к нему, вытекающих из их прав защиты».

5 июня князь Демидов сообщил по телеграфу своему правительству, что английский посол получил указания настаивать перед Жонартом, чтобы тот заставил Саррая отказаться от намеченного вторжения в Фессалию и уговорить короля Константина покинуть Грецию до конца войны. Двумя днями позже Терещенко, русский министр иностранных дел, телеграфировал в Лондон и Париж энергичный протест против изменения режима в Греции, указывая на то, что эти две державы не имеют права действовать как державы-охранительницы до получения санкции России. «Этот факт, по нашему мнению, является нарушением принципа солидарности, который должен соблюдаться в общих интересах России, Франции и Англии».

В тот же день Демидов передал по телеграфу отчет о своем первом свидании с Жонартом, во время которого он точно объяснил последнему, что фанатичные французские агенты намеренно фальсифицировали факты.

Жонарт устроил свою штаб-квартиру на французском крейсере «Жюстик» и впервые встретился с Займисом в Пирее вечером 10 июня.

Во время второго свидания он вручил Займису ультиматум, гласивший следующее: «Чтобы восстановить целостность конституции, на меня возложено поручение потребовать отречения его величества короля, который сам, по соглашению с охраняющими державами, назначит преемника себе из числа своих наследников».

Он добавил, что кандидатура кронпринца исключается, как «не представляющая тех гарантий, которые Франция, Великобритания и Россия должны требовать от конституционного правителя эллинов».

Жонарт остановил свой выбор на принце Александре, втором сыне короля, который только что достиг двадцати одного года.

Для принятия своего ультиматума Жонарт дал двадцать четыре часа. При отклонении его он угрожал бомбардировкой Афин и оккупацией всей Греции. Он отрицал какое-либо намерение вернуть Венизелоса в Афины, но добавил: «Если народ попытается сопротивляться нам, мы больше не позволим чувству сострадания сдерживать нас. Я видел, как в моем родном городе Аррасе не осталось камня на камне. Если нужно будет, я поступлю с Афинами, как немцы поступили с Аррасом...»

Тут же во дворце был созван королевский совет из всех бывших премьер-министров и лидеров партий в палате. Им был зачитан ультиматум Жонарта, и очень странно, что ни одному из членов совета не пришло в голову попросить у Жонарта показать свои полномочия.

Совет заседал больше двух часов, и, наконец, король заявил о своем намерении покинуть страну вместе с кронпринцем.

12 июня они выехали из Оропуса в Италию.

15 июня Жонарт отпраздновал свой триумф, объявив, что блокада снимается, что все репрессии против греков будут подавляться беспощадно, что наступает новая эра мирного труда и что державы-покровительницы не станут прибегать ко всеобщей мобилизации. Под этой декларацией он подписался: «Верховный комиссар держав-защитниц», каковым он никогда не состоял. Но он не выдержал условий, объявленных в декларации. Де Рокфей представил ему черный список жертв, среди которых были Гунарис, генерал Дусманис и полковник Метаксас, которые были высланы на Корсику. В другом списке было еще 130 имен, в том числе имена Скулудиса и Ламброса, бывших премьер-министров, за которыми было установлено наблюдение, а также множество других, менее важных личностей, которым, по несчастью, довелось как-нибудь обидеть того или иного из приспешников де Рокфея.

Из последующих телеграмм видно, что черный список

Жонарта был пополнен рядом имен, включенных самим Венизелосом.

В конце концов Жонарт почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы водворить Венизелоса в Афинах силой. Саррай в своих личных отношениях достиг той фазы, когда каждый друг превращается во врага, и настаивал на удалении Венизелоса из Салоник.

Теперь колебался сам Венизелос; греки начали называть его «Сингалезец», и он не решался предстать перед своими соотечественниками в столице под охраной иностранных штыков. Но у Саррая разговоры с колеблющимися были коротки. Он посадил Венизелоса на борт французского военного судна, которое 21 июня доставило его в штаб-квартиру Жонарта. Венизелос должен был принять власть, созвав распущенную палату депутатов, выбранную в 1915 г., в которой Венизелос имел большинство. В своем ультиматуме союзники не разрешили палате, выбранной в 1916 г., собраться потому, что (хотя эта причина открыто не признавалась) в ней было заведомо большинство в пользу сохранения нейтралитета.

Утром 25 французский генерал Рено высадил дивизион с артиллерией и, заняв высоты, господствующие над городом, выпустил прокламацию, в которой говорилось, что каждый человек, у которого будет найдено оружие или который будет демонстрировать против союзников (т. е. Венизелоса) будет расстрелян. До такого уровня был низведен нейтралитет Греции. 26 июня Венизелос создал свое министерство, но не в Афинах, а на борту французского военного корабля.

ВОДВОРЕНИЕ ВЕНИЗЕЛОСА В АФИНАХ И ЕГО ПАДЕНИЕ

Июнь 1917 г.—октябрь 1920 г.

Было совершенно очевидно, что новый глава греческого правительства не может продолжать бесконечно управлять страной с борта французского крейсера. Наступило время, когда он должен был вступить в столицу.

28 июня французские войска вошли в Афины с пулеметами и оцепили несколько улиц, не позволив даже пешеходам, оказавшимся внутри цепи, вернуться домой. Со стороны Пирея в город промчалась машина. Она была наполнена французскими офицерами, напо-

ловину скрывшими Венизелоса от взоров толпы. Его провезли прямо во дворец для принятия присяги.

Зло, порожденное де Рокфеем и его агентами, продолжало жить. Их вымысел о том, что возвращение Венизелоса к власти ускорит победу союзников, все еще принимался всеми на веру, но у Венизелоса были другие, более неотложные внутренние дела. Его партия представляла собой меньшинство, и он не мог больше рассчитывать на поддержку иностранных штыков, ежедневно демонстрируемых по улицам Афин. Из практических целей он подразделил своих соотечественников на две категории — на «патриотов», что обозначало его сторонников, и «предателей», что обозначало всех остальных.

Венизелос продолжал применять методы, которым он научился у де Рокфея. Он имел армию хорошо оплачиваемых шпионов, которые поставляли ему вымышленную информацию о заговорах против его правительства. У него был отряд телохранителей, называвшихся «президентской охраной», для охраны его собственной безопасности при его поездках по стране.

Союзники теперь были заняты событиями, предшествовавшими перемирию. Они больше не могли заниматься злоупотреблениями внутри стран своих новых союзников, где грязная свора шпионов, вскормленных де Рокфеем в интересах Венизелоса, делала жизнь невыносимой для честных граждан.

На мирной конференции Венизелосу пришлось получить урок, который он должен был бы усвоить из истории прошлого, а именно, что победители в больших боях прежде всего реалисты и у них не остается места для сентиментальности в пользу своих мелких союзников. Греческая армия была почти не тронута. Венизелос полагал, что сможет использовать ее, чтобы кое-что выторговать. Он предложил армейский корпус для участия в задуманной в несчастный час союзной экспедиции против большевиков на Украине. Союзная экспедиция окончилась неудачей, ее отряды были разбиты советскими войсками.

Выборы состоялись 14 ноября 1920 г. Венизелос не стал ожидать формальностей, присущих перемене правительства. Не имея де Рокфея, чтобы обставить сценический эффект, он попросту удрал из страны. В этом поражении было его счастье, поскольку он предоставил своим политическим противникам расхлебывать катастрофические последствия его азиатской авантюры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 3
Предисловие к французскому изданию 10

I

Роль Скотланд-ярда в мировой войне

Первые дни 12
Фальшивые банковые билеты 25
Налеты цеппелинов 32
Попытка германской диверсии в Ирландии 37
Германские интриги в Индии и африканских колониях. 53
Гибель лорда Китченера 56
Первые немецкие шпионы 60
Усиление немецкого шпионажа 65
Миллер живой и мертвый 75
Гаген и другие 86
Пиккард, Бэкон и Дюкен 95
Женщины-шпионки 101
Поимка Франца фон Ринтельна 108
Дело сэра Джозефа Джонаса 120
Странные посетители Скотланд-ярда 121
Телеграмма Циммермана 125
Заговор против Ллойд Джорджа. Дело Малькольма . . . 134
Мирная конференция 139

II

Греция в эпоху мировой войны

Июнь — октябрь 1915 г. 145
Декабрь 1915 г. 147
В Салониках 153
Апрель — сентябрь 1916 г. 154
Венизелос и его режиссер де Рокфей. Сентябрь — октябрь 1916 г. 161
Тень грядущих событий. Октябрь — ноябрь 1916 г. . . . 164
Вооруженная демонстрация. Декабрь 1916 г. 166
Блокада Греции. Январь — март 1917 г. 175
Король свергнут. Апрель — июнь 1917 г. 180
Водворение Венизелоса в Афинах и его падение. Июнь 1917 г. — октябрь 1920 г. 183

Редактор И. Геккин Техредактор Е. Расцкая
Корректоры: А. Ильина и З. Имшенецкая

Сдано в набор 1/XI 1937 г. Подписано к печати 25/XII 1937 г. Формат 84×108. Печ. л. 11½. Уч.-авт. л. 10,04 Тираж 50 000. Серия — Массовая
Уполн. Главлита РСФСР № Б—12 572. ОГИЗ № 2044. Заказ № 1406.
Цена книги 1 рубль.

18 тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

33

Цена 1 руб.

Оптовая продажа: Москва, Блюхеровский пер., д. № 8, Главная контора КОГИЗа «Парткнига».

Розничная продажа: во всех магазинах и отделениях КОГИЗа.

Почтовые заказы посылайте в областные (краевые) отделения КОГИЗа без задатка.